

**Р.И. Бальбек
В.В. Комлева**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ

Республика Крым

Монография

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2020

УДК 323.2
ББК 66.3(2=411.2)
Б21

Бальбек Р.И.

Б21   Политическая стабильность: Республика Крым : монография / Р.И. Бальбек, В.В. Комлева. — Москва : ФЛИНТА, 2020. — 208 с.

ISBN 978-5-9765-4518-2

Монография является авторским осмыслением проблем внешних дестабилизаций, несилового установления влияния и контроля над внутривнутриполитической ситуацией в интересах внешних акторов. Авторы анализируют как теоретические аспекты политической стабильности, так и практику обеспечения общественно-политической стабильности в многосоставном крымском сообществе. В работе содержатся многочисленные факты и примеры дестабилизирующих влияний, выделяются модели дестабилизации в Крыму, описываются применяемые технологии стабилизации и предлагаются новые технологии обеспечения политической стабильности, в том числе путем формирования социального иммунитета против дестабилизирующих влияний. Особое внимание уделяется сетевым технологиям. Используются различные документальные источники, материалы социологических опросов, экспертных интервью, проведенных в Республике Крым.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся вопросами обеспечения общественно-политической стабильности и устойчивости в условиях жесткой международной конкуренции и повышающейся открытости и проницаемости общественных систем.

УДК 323.2
ББК 66.3(2=411.2)

ISBN 978-5-9765-4518-2

© Бальбек Р.И., Комлева В.В., 2020
© Издательство «ФЛИНТА», 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Внешние влияния в условиях глобализации, интеграций, транспарентности, трансграничности, формирования общих экономических, образовательных, информационных пространств настолько многочисленны и интенсивны, что сложно быстро и правильно оценить степень их дестабилизирующего потенциала и принять адекватные своевременные решения. В ряде случаев внешние акторы превосходят объекты влияния по скорости и точности решений и действий. Повторяемость и результативность дестабилизирующих технологий современных революций, политических потрясений, государственных переворотов, гражданских войн, информационных войн — показатели того, как сложно продумать эффективные технологии и шаблонные решения обеспечения политической стабильности.

Актуальность поиска технологий обеспечения политической стабильности именно в Республике Крым подтверждается как всей политической историей Крыма, так и современными политическими процессами. Вхождение Крыма в состав Российской Федерации в 2014 г. не остановило попытки дестабилизации извне, ибо исторически Крым был и остается территорией геополитической конкуренции, борьбы за военно-политическое и геоэкономическое влияние в Черноморском регионе. Поэтому вопрос обеспечения политической стабильности в Крыму становится вопросом стратегической стабильности.

Кроме того, богатый многонациональный и культурный мир Крыма несет в себе глубокие противоречия и расколы, которые пытаются использовать внешние силы для дестабилизации ситуации. Ресоциализации, которые не раз переживало крымское сообщество, оставляют свои следы в социальной памяти и поведении жителей. В таких условиях требуются особые несиловые технологии обеспечения стабильности, основанные на применении согласительных инструментов и формировании социального иммунитета общества против внешних дестабилизирующих влияний.

Данная книга представляет собой результат осмысления личного опыта авторов по противодействию внешним дестабилизирующим

влияниям и многолетним научным исследованиям, ставших основой нескольких диссертаций. Работа является научной монографией, поэтому читателям придется смириться с детальной научной аргументацией авторских выводов, описанием верификации наших предложений и, возможно, местами сложной научной терминологией. Нам бы не хотелось излишне упрощать анализ столь сложной научной и практической проблемы.

Технологии обеспечения общественно-политической стабильности весьма многочисленны, но мы сосредоточились на критически значимых не силовых технологиях, применение которых определяет успех всех усилий. Для нас было важным найти и описать социальные механизмы, позволяющие обществу самостоятельно, без управленческого принуждения, максимально схоже с системным центром реагировать на внешние влияния.

Поэтому в книге вы найдете как теоретические изыскания в области политической стабильности, технологий государственных переворотов, революций, многосекторальной политической мобилизации, сетевой коммуникации, так и анализ практик внешних дестабилизаций и практик обеспечения стабильности.

В ходе нашего исследования мы опросили почти две тысячи жителей Республики Крым и встречались с десятками людей, мнение которых стало важным для нас. Мы использовали работы крымских ученых, имена которых хотелось бы отметить: О.А. Габриелян, Е.В. Гроссфельд, Н.В. Киселева, А.В. Мальгин, В.А. Петров, В.А. Чигрин, А.А. Форманчук, С.В. Юрченко. Определенный вклад в осмысление проблемы внесли беседы с такими общественными деятелями Крыма, как И.И. Абажер, А. Исмаилов, Г.А. Иоффе, Ю.К. Гемпель. Особою благодарность за профессиональные советы, поддержку и дружеское участие хотелось бы высказать Олегу Федоровичу Шаброву, профессору кафедры государственной политики факультета политологии МГУ, президенту Академии политической науки.

Надеемся, что наше исследование станет полезным как практикам, так и исследователям проблем обеспечения общественно-политической стабильности в условиях внешних дестабилизирующих влияний.

ГЛАВА 1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ КАК НАУЧНАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

1.1. Понимание политической стабильности

1.1.1. Системный подход в исследовании политической стабильности

Несмотря на то что политическая стабильность является объектом внимания исследователей длительное время, до сих пор не найдено общей дефиниции понятия. Анализ многочисленных источников позволяет сделать вывод, что трактовка политической стабильности зависит от трактовки учеными базового понятия «стабильность», от научных интересов авторов, научной сферы, которую они представляют, от конкретного исторического контекста исследования. Основы научного понимания политической стабильности заложены в общей теории систем, конкретизирующей принципы и методы системного подхода, кибернетике, рассматривающей закономерности информационных процессов в сложных системах. Политическая стабильность является частным случаем общего понимания стабильности. Поэтому сначала мы рассмотрим сущностные характеристики стабильности, а затем собственно политическую стабильность.

Основываясь на принятых в теории систем позициях, что любая сложная система обладает эмерджентностью (наличием особых свойств системы, не присущих ее элементам), способностью системы к гомеостазису (сохранять равновесие путем саморегуляции и приспособления к окружающей среде), интегративностью (сущностному качеству, присущему всей совокупности элементов и отношений системы, отличающему и отграничивающему ее от других совокупностей) мы пони-

маем стабильность, как состояние системы, при которой она сохраняет свое интегративное свойство и свои собственные, внутренние потенциалы системного центра, управляющего процессами в системе для достижения ее целей и выполнения ее функций.

Принимая во внимание, что состояние стабильности системы «не может быть приписано какой-либо ее части»¹ и стабильность одной части не имеет следствием стабильность всей системы, мы все же считаем, что есть элементы, от стабильности которых зависит стабильность всей системы. Такие элементы называют интегративными, так как важнейшим условием системы является сохранение интегративного качества. Поэтому мы говорим о значимости внутренних потенциалов системного центра, организующего процессы в системе. В политической системе таким системным центром является власть с ее возможностями сохранять систему путем использования властных ресурсов. Появление иные системных интегративных центров, управляющих процессами (или организующих процессы) в системе (такие центры могут появиться как внутри системы, так и вне ее), ведет к потере интегративных качеств, т.е. к дестабилизации. Исследования, в той или иной мере затрагивающие проблематику альтернативных центров влияния, подтверждают наше утверждение. Например, А. Пшеворский, исследуя особенности функционирования демократических режимов и переходов к демократиям, пришел к выводу, что «для стабильности любого режима важно отсутствие жизнеспособных альтернатив»².

Особенности именно политической стабильности рассматривались представителями разных научных подходов. Рассмотрим подходы, оказавшие наибольшее влияние на наше исследование.

Закономерности функционирования политических систем были описаны Д. Истоном. Хорошо известны описанные им части политического взаимодействия внутри системы: «вход», «конверсия», «выход». Особую ценность для нашего исследования имеют выводы Д. Истона относительно значимости масштабов признания ценностей власти со стороны общества для обеспечения стабильности. Д. Истон подчеркивал особую ценность информации, возвращаемой из общества во

---

¹ Эшби У.Р. Конструкция мозга. — М., 1962. — С. 98.

² См.: Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке: пер с англ. / под ред. проф. В.А. Бажанова. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000.

власть, для самосохранения политической системы, так как способность системы адаптироваться под воздействием внешних влияний — условие ее стабильности. Но все ли внешние воздействия полезны для системы? Ученый выделяет несколько характеристик политической системы: устойчивость (продолжительность существования во времени), адаптивность (приспособляемость к среде), продуктивность (способность позитивно откликаться на проблемы «входа»), эффективность (легитимность). Это базовые характеристики, сохранение которых является важнейшей задачей системы. По сути своей, это имманентные свойства стабильности. С этой точки зрения любые влияния внешних акторов, нарушающие устойчивость, адаптивность, продуктивность, эффективность политической системы могут рассматриваться как дестабилизирующие внешние влияния.

О стабильности, как способности сохранять базовые характеристики системы, писали К. Дойч и Дж.Д. Сингер. В 1970-е годы эти ученые предлагали оценивать стабильность с позиций вероятности сохранения государством собственного политически суверенного существования и территориальной целостности при условии отсутствия военных конфликтов¹. Отметим, что с этих позиций трактуют политическую стабильность авторы некоторых современных российских исследований². По сути, речь идет о способности системного центра сохранить суверенитет (государственный и политический) в определенных границах (государственных).

С точки зрения структурных теорий, а именно — Э. Гидденса, воспроизводство системы возможно обеспечить путем сочетания двух процессов: «структуриации» (воспроизводство сложившихся норм и правил политического взаимодействия в ограниченных пространственно-временных границах) и «институционализации» (закрепления, постоянно возникающих индивидуальных и групповых практик, соотносенных с действующими правилами осуществления власти). Иными словами,

---

¹ См.: Deutsch K., Singer J.D. *Multipolar Power Systems and International Stability // Analyzing International Relations: a Multimethod Introduction*. — New York: Praeger, 1975.

² См.: Медведев И.Г. *Политическая стабильность как фактор национальной безопасности России: дис. ... канд. полит. наук*. — Кемерово, 2003. — URL: <http://www.dissercat.com/content/politicheskaya-stabilnost-kak-faktor-natsionalnoi-bezopasnosti-rossii#ixzz54BT9DWP4>

субъекты и нормы взаимно конструируют политический порядок в обществе и обеспечивают стабильность системы. Нарушения структуризации или институционализации ведут к дестабилизации системы. С этой точки зрения стабильность политической системы на каждом конкретном этапе политического процесса является относительной по отношению к постоянным изменениям внешней среды.

Основатель теории «управляемого хаоса», автор ряда «цветных революций» С. Манн вообще предлагает «не рваться к стабильности как иллюзорной цели», потому что многообразные акторы человеческой политики в динамической системе имеют разные цели и ценности, производят свою энергию конфликта. С. Манн предлагает рассматривать хаос и перегруппировку как возможности¹.

Важнейшей задачей системного центра является сохранение легитимности. Среди богатейшего наследия ученых, исследовавших легитимность (Г. Алмонд, С. Липсет, М. Вебер и др.), мы остановимся на важной для нашего исследования идее Г. Алмонда о роли неформальных (неинституциональных) образований и политической культуры для обеспечения стабильности (по причине того, что мы предполагаем повышение их значения для обеспечения стабильности в современных условиях). По мнению Г. Алмонда, в основе всей структуры политической системы лежит культура².

Г. Алмонд выделил важнейшие функции политической системы: непосредственные функции системы (социализация граждан, рекрутирование участников политики, взаимодействие с общественностью); функции процесса (артикуляция, агрегирование интересов, выработка решений, контроль за применением норм); функции политики (регулирование политических отношений, распределение ресурсов, реагирование на общественное мнение, мобилизация ресурсов для реализации властных целей). Дисфункции политической системы, неспособность (или недостаточная способность) системного центра (в лице институ-

---

¹ См.: Манн С. Реакция на хаос. (Сокращенный перевод статьи: Steven R. Mann. The Reaction to Chaos // Complexity, Global Politics, and National Security / Ed. by David S. Alberts and J. Thomas Czerwinski. National Defense University — Washington, D.C. 1998. — URL: http://www.intelros.ru/2007/02/26/stiv_mann_reakcija_na_khaos.html

² Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Политические исследования. — 1992. — № 4. — С. 122—134.

тов власти) выполнять указанные функции провоцируют ее нестабильность. Политическая дестабилизация наступает вследствие ослабления институтов, обеспечивающих социализацию граждан, воспроизводство определенной политической культуры.

Сама проблема стабильности внеисторична, ибо о стабильности заботится каждая система, желающая сохранить себя. Глубинные причины нестабильности порождает само общество и конкретно-исторические условия развития общественной системы. Оно представляет собой разнородные социальные группы, интересы, потребности, мотивы, мировоззренческие позиции. Наличие альтернативных интересов и мировоззренческих позиций может стать источником дестабилизации политической системы и использоваться внешними акторами в целях дестабилизации. Потенциально любая социальная группа может стать целевым объектом внешних дестабилизирующих влияний. Иными словами, потенциал дестабилизации есть в любой общественной системе. Но реализуется этот потенциал не во всех общественных системах.

Условия, при которых может быть реализован потенциал нестабильности, обстоятельно исследовал С. Хантингтон. Он пришел к выводу, что «отсутствие возможностей для мобильности и низкий уровень политической институционализации в большинстве модернизирующихся стран приводят к корреляции между социальными фрустрациями и политической нестабильностью»¹. С. Хантингтон сформулировал «гипотезу разрыва», согласно которой социальная мобилизация имеет больший дестабилизационный эффект, чем экономическое развитие. Разрыв между этими двумя формами изменения он предлагает рассматривать как измерители влияния модернизации на политическую стабильность. «Урбанизация, грамотность, образование, средства массовой информации — все это подвергает традиционного человека воздействию новых форм жизни, новых возможностей удовлетворения потребностей. Этот опыт разрушает познавательные и установочные барьеры традиционной культуры и рождает новые уровни стремлений и желаний. Однако способность переходного общества удовлетворять эти новые ожидания увеличивается много медленнее, чем сами стремления. Отсюда — разрыв между стремлениями и ожиданиями, между формированием жела-

---

¹ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — С. 51.

ний и их удовлетворением, или между функцией стремлений и функцией уровня жизни. Этот разрыв порождает социальные фрустрации и неудовлетворенность. На практике величина разрыва может служить неплохим показателем политической нестабильности. Причины такой зависимости между социальной фрустрацией и политической нестабильностью не столь просты, как может показаться на первый взгляд. Эта зависимость во многом объясняется отсутствием двух потенциальных промежуточных переменных: возможностей для социальной и экономической мобильности и гибких политических институтов»¹.

Ученый вывел следующие зависимости (см. рис. 1).

- (1) $\frac{\text{Соц. мобилизация}}{\text{Экон. развитие}} = \text{Соц. разочарование}$
- (2) $\frac{\text{Соц. фрустрация}}{\text{Возможн. мобильность}} = \text{Полит. участие}$
- (3) $\frac{\text{Полит. участие}}{\text{Полит. институционализация}} = \text{Полит. нестабильность}$

Рис. 1. Зависимости, ведущие к политической нестабильности²

Таким образом, политическая стабильность «зависит от отношения институционализации к политической активности. С возрастанием политической активности должны возрастать также сложность, автономия, адаптивность и согласованность политических институтов общества — если мы хотим, чтобы политическая стабильность сохранялась»³. С этой точки зрения далее мы будем рассматривать процессы обеспечения политической стабильности в быстро изменяющемся мире.

Отметим также вывод С. Хантингтона относительно стабильности системы как функции прошлого. «Чем более интенсивной и продолжительной была борьба за власть и чем глубже идеологическая приверженность ее участников, тем выше политическая стабильность родившейся в ней однопартийной системы. Таким образом, однопартий-

¹ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — С. 50.

² Там же. — С. 51.

³ Там же. — С. 68.

ная система, родившаяся в результате революции, более стабильна, чем система, наследовавшая национальному движению, а длительное национальное движение порождает систему более стабильную, чем та, что стала результатом быстрой и легкой победы. Можно действительно видеть, что, чем дольше борьба националистической партии за независимость, тем дольше она, победив, остается у власти»¹. Таким образом, прошлое политической системы влияет на ее стабильность.

Предметом дискуссии ученых, наряду с рассмотренными аспектами политической стабильности, является определение ее степени и стабильности. К. Даудинг и Р. Кимбер считают, что категория стабильности не может иметь стабильность или уровни градации — она либо присутствует в системе, либо отсутствует². Есть и другая точка зрения. Группа исследователей связей политических кризисов и национальной безопасности считает, что самой сильной степенью нестабильности политической системы является состояние кризиса политической системы, которое проявляется на фоне массового недовольства политикой, проводимой правящей элитой. Собственно политическую нестабильность они определяют как кризисную ситуацию, в результате которой может и не произойти кардинальных трансформаций политической системы, но происходят изменения в более легкой форме — перегруппировка политических сил, досрочный уход правительства в отставку, парламентский кризис и т.п.³. В зависимости от преобладания тенденции к сохранению или изменению в обществе М.С. Негровой выделены следующие его состояния: распад, кризис, нестабильность, резистентная (относительная) стабильность, упругая стабильность, гиперстабильность (застой). Данные состояния, несмотря на линейность обозначения, носят не линейный характер и могут непоследовательно переходить одно в другое. По мнению данного автора, постоянный контроль над поддержанием стабильности общества невозможен и, насколько можно судить, нежелателен в связи с присущей системе функцией самоорганизации.

---

¹ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — С. 229.

² Dowling K.M., Kimber R. The Meaning and Use of «Political Stability» // European Journal of Political Research. — 1983. — Vol. II. № 3. — P. 28—39.

³ См.: Sarkesian S.C., Williams J.A., Cimbala St.J. U.S. National Security. Policymakers, processes, and politics. — 3d ed. — London: Lunn Rienner Publishers, 2011.

1.1.2. Стабильность, устойчивость, развитие, застой, баланс интересов

Стабильность и устойчивость. С точки зрения теории динамических систем, стабильность связана с устойчивостью, т.е. способностью системы при малых изменениях начальных условий сколь угодно долго оставаться около положения равновесия или на заданном многообразии¹. Российский ученый О.Ф. Шабров определил устойчивость, как способность конкретной системы самостоятельно поддерживать системный гомеостазис, способность к самосохранению: «В этих случаях можно говорить о системной устойчивости и, соответственно, системной стабильности»². При этом в сложных системах различается общий системный гомеостазис (направленный на сохранение интегративного качества системы) и частный гомеостазис компонентов системы.

Применительно к политическому процессу категория «устойчивость» используется для описания специфики социально-политического процесса в точке возникновения политического кризиса, когда утрачено равновесие между основными политическими силами. По мнению В.М. Панарина, такая ситуация может сопровождаться снижением уровня эффективности координации действий по управлению страной со стороны государственных институтов³. М.Г. Анохин применяет термин «ограниченная устойчивость», которой свойственна определенная инерционность. Это связано с нарушением баланса интересов политических акторов или неустойчивостью баланса между ними; с воздействием определенных интегрирующих тенденций, в силу которых происходит формирование политико-культурной составляющей социума⁴.

Дискуссия о соотношении устойчивости и стабильности продолжается и в современных политологических исследованиях. Например, Б.И. Краснов предлагает понимать под устойчивостью политической

---

¹ См.: Андронов А.А., Витт А.А., Хайкин С.Э. Теория колебаний. — М.: Наука, 1981. — С. 95.

² См.: Шабров О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. — М., 1996. — URL: <http://shabrov.info/Polupr/glava2.htm>

³ Панарин В.М. Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности // Стратегическая безопасность. — 2014. — № 3. — С. 26—38.

⁴ См.: Анохин М.Г. Политические системы: адаптация, динамика, устойчивость (теоретико-прикладной анализ). — М.: Инфомарт, 1996.

системы ее способность к сдерживанию колебаний баланса между политическими силами в управляемых границах, а также к восстановлению нарушенных параметров равновесия¹. По его мнению, в отличие от категории «устойчивость политической системы», понятие «политическая стабильность» имеет более широкий контекст и носит комплексный характер в силу многогранности взаимодействий и возможных последствий при нарушении равновесия политической системы. Особенно ярко это качество проявляется при сопоставительном анализе функциональных и реальных возможностей политической системы, формирующих ее регулятивный потенциал². А.О. Ярославцева понимает под политической стабильностью совокупность механизмов и/или институтов, эффективная работа которых способна обеспечить устойчивое развитие политической системы³. По мнению А.С. Семченкова, «стабильность трактуется как состояние политической системы общества, при котором сохраняется ее качественная определенность в виде устойчивости режима и формы правления, защищенности конституционного строя государства, сохранения гражданского мира и согласия в стране»⁴. Авторы НИР «Политические институты в условиях модернизации» (под руководством А.Ю. Шутова) считают устойчивостью «концептом общественного сознания, влияющего на реальные процессы»⁵.

С нашей точки зрения, стабильность (как состояние сохранения интегративных свойств и внутренних потенциалов системного центра), является условием устойчивости системы (способности самостоятельно поддерживать гомеостазис и самосохраняться). Такое понима-

---

¹ См.: Краснов Б.И. Политическая стабилизация и политическая стабильность: методология исследования. — М.: ИНИОН РАН, 2013.

² Там же.

³ См.: Ярославцева А.О. Политическая стабильность и конфигурации политической элиты: интерпретативный потенциал и границы применимости теоретических подходов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. — М., 2012; Ярославцева А.О. Сравнительные рейтинги и индексы как инструменты измерения политической стабильности // Вестник РУДН. Сер. Политология. — 2012. — № 2. — С. 103—114.

⁴ См.: Семченков А.С. Социально-политическая стабильность // Философия и общество. — 2016. — № 2. — С. 20—38.

⁵ См.: Политические институты в условиях модернизации: аннотация НИР под рук. Ю.А. Шутова (срок исполнения: 1 января 2015 г. — 31 декабря 2020 г.) — URL: <https://istina.msu.ru/projects/11676895/>

ние стабильности и устойчивости (сформированное на основе разработок в теории систем) позволяет понять сущность стабильности, как общественного явления. Рассматривая политическую стабильность как частный случай стабильности, считаем, что выше обозначенный подход может быть применен для анализа политических систем и политических процессов.

Стабильность и развитие. Дискуссионным в науке остается и вопрос о соотношении стабильности и развития. С нашей точки зрения, стабильность предполагает развитие системы, а не исключает его, как отмечено в некоторых научных, учебных и справочных изданиях. Позволим себе сослаться на Википедию по той причине, что подавляющее большинство людей, пытаясь понять, что значит стабильность, в первую очередь получают информацию из Википедии и сформируют ложное (на наш взгляд) убеждение, что состояние стабильности почти равно застою. В Википедии стабильность определяется как «способность системы функционировать, не изменяя собственную структуру, и находиться в равновесии»¹. Однако стабильное состояние может сопровождаться изменением структуры. Более того, нередко именно изменение структуры становится необходимым условием сохранения стабильности. Стабильность и развитие имманентно связаны, поэтому весьма спорной, например, является классификация систем на стабильные и развивающиеся, предложенная в работе И.Б. Родионова «Теория систем и системный анализ»².

Оппонируя вышеназванным подходам, отметим, что адаптивность систем к изменениям среды, по сути своей, есть развитие, а необходимость быть устойчивыми и динамичными предполагает развитие и стабильность одновременно. Аргументируя свою точку зрения относительно связей системы и развития, сошлемся на мнение авторитетных ученых.

По мнению О.Ф. Шаброва, «косные, неживые системы тоже, разумеется, устойчивы и стабильны, пока не изнаются, не ломаются, не разрушатся. Но их системная устойчивость дополняется частным

---

¹ См.: Стабильность: статья в Википедии. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Стабильность>

² См.: Родионов И.Б. Теория систем и системный анализ. — URL: <http://victor-safronov.ru/systems-analysis/lectures/rodionov/01.html>

гомеостазисом, и в отсутствии адаптера изменение отдельных параметров не влечет за собой развития. Более сложные системы — биологические, социальные и некоторые инженерные — поддерживают свое существование именно за счет внутренних качественных переходов, обеспечивающих адаптацию и развитие. Системная устойчивость и стабильность, достигаемые при помощи механизма адаптации за счет нарушений частного гомеостазиса представляют собой динамическую устойчивость и динамическую стабильность»¹. Иными словами, мы можем говорить, что политическая стабильность — есть динамическая стабильность. Например, в этом ключе определяется стабильность в одном из последних исследований: «...политическая стабильность является динамичным равновесием между системообразующими и трансформационными процессами в элементах политической системы и взаимоотношениях между политической системой и социумом; имеет определенную целостность и способствует реализации, возложенных на политическую систему функций»².

Возникающее противоречие между стабильностью и развитием, чаще всего, разрешается с точки зрения меры. Для развития надо, чтобы «система была достаточно устойчива, чтобы не разрушиться, но и достаточно неустойчивой, чтобы не утратить способность к качественным изменениям»³. Развитие политической системы представляет собой единство стабильности системы как целого и нестабильности каких-либо из ее подсистем, что подразумевает самореализацию целого через его переход в новое качественное состояние.

«Гомеостатической машиной» управление назвали не случайно. Естественным образом функционирующий механизм управления (который находится в системном центре) играет стабилизирующую роль и настроен таким образом, чтобы уменьшать отклонения от нормы. Попытки же

---

¹ См.: Шабров О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. — М.: Интеллект, 1997. — URL: <http://shabrov.info/Polupr/glava2.htm>

² Фирсов А.В. Технологии поддержания политической стабильности в механизме обеспечения национальной безопасности: российский и зарубежный опыт: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2017. — С. 43—44.

³ Шабров О.Ф. Управление и самоорганизация как факторы стабильности и развития // Эффективные технологии в системе государственного и муниципального управления. — Майкоп; Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 1999. — С. 180—194. — URL: http://shabrov.info/Statji/upr_sam.htm#_ftn2

прибегнуть к управлению для созидания нового порядка равносильны попыткам заменить реальную жизнь абстракцией и вступают в противоречие с принципом необходимого разнообразия. Рано или поздно они провоцируют управление на экспансию в сферу самоорганизации, нарушают гармонию и ведут к разрушению целого¹. Политическая система теряет свою стабильность, когда система при своем функционировании так или иначе нарушает собственную идентичность и вступает в противоречие с собственной сущностью².

Современные общественные системы открыты, что создает благоприятные условия для внешних влияний. Поэтому внутри системы должны работать свои механизмы самоадаптации и защиты. Механизмы самоадаптации принимают, перерабатывают внешние влияния и используют результат для развития системы. Механизмы защиты охраняют систему от внешних влияний, представляющих угрозу системе, и влияний, которые система не в состоянии переработать.

Придерживаясь позиции О.Ф. Шаброва, считаем, что «для защиты от агрессии среды не в меньшей степени ей требуется и закрытость. Следует говорить, как минимум, о трех необходимых факторах развития системы: внутреннем механизме адаптации; механизме защиты, или границе, ограждающей систему от сигналов, переработка которых выходит за пределы возможностей механизма адаптации; внешней среде, поставляющей системе необходимые компоненты для поддержания механизма адаптации и границы в состоянии эффективной работоспособности, но не подвергающей систему воздействиям, которые она не в состоянии ни переработать, ни отразить»³. При этом целью системного центра, управляющего процессами в системе, является налаживание работы указанных механизмов.

---

¹ См.: Шабров О.Ф. Управление и самоорганизация как факторы стабильности и развития // Эффективные технологии в системе государственного и муниципального управления. — Майкоп; Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 1999. — С. 180—194. — URL: http://shabrov.info/Statji/upr_sam.htm#_ftn2

² См.: Ефимов Н.Н. Политико-военные аспекты национальной безопасности России: науч.-метод. разработка к курсу проф. А.А. Кокошина на факультете мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. — М.: Инфра-М, 2011.

³ Шабров О.Ф. Управление и самоорганизация как факторы стабильности и развития // Эффективные технологии в системе государственного и муниципального управления. — Майкоп; Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 1999. — С. 180—194. — URL: http://shabrov.info/Statji/upr_sam.htm#_ftn2

Динамичность стабильности подчеркивалась и другими авторами. В отношении политической стабильности А.И. Соловьев отмечает наличие характера политических процессов, степень адаптации правительства к социальным изменениям, характер уравниваемости отношений элитарных кругов, достигнутые равновесие и баланс политических сил¹. А.Д. Богатуров, акцентируя внимание на динамической характеристике политической стабильности, отмечает, что все изменения в таком случае должны иметь плавный, поступательный характер, т.е. быть предсказуемыми и прогнозируемыми. При этом система продолжает свое существование и воспроизводство, меняясь при сохранении своих базовых параметров². С.И. Бойко определяет политическую стабильность как «динамичное, эволюционное, устойчивое и непрерывное по основным характеристикам состояние, когда развитие политических процессов осуществляется без актуального насилия, имеется адекватная форма конверсии власти (от государства к обществу и обратно)»³. Иными словами, динамичность как свойство стабильности признается большинством современных ученых.

Однако «приближение интегративных параметров системы к предельно допустимым значениям может порождать ситуацию системного кризиса, когда дальнейшее существование системы оказывается под вопросом. Здесь она вступает в зону бифуркации и ее будущее становится непредсказуемым. Под влиянием малейших флуктуаций, внутренних или внешних, она либо разрушится, исчезнет, — с ней произойдет катастрофа, — либо вернется в нормальное состояние, — в прежнем или в новом качестве»⁴. Под «катастрофой» при этом понимается преждевременная гибель системы. «Катастрофа, по

---

¹ См.: Соловьев А.И. Политическая стабильность в социокультурном измерении: российские иллюстрации // Государственное управление: электронный вестник. — 23 сентября 2003. — Вып. 1. — URL: http://ee-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2003/vipusk_1_senjabr_2003_g./solovjev.pdf

² Богатуров А. Д. Современные теории стабильности и международные отношения России в Восточной Азии в 1970—1990-е гг. — М.: ИСК РАН, 1996. — С. 19.

³ См.: Бойко С.И. Механизмы обеспечения политической стабильности: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2006. — URL: <http://cheloveknauka.com/mehanizmy-obespecheniya-politicheskoy-stabilnosti#ixzz54Bdy4YYF>

⁴ См.: Шабров О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. — М.: Интеллект, 1997. — URL: <http://shabrov.info/Polupr/glava2.htm>

самому смыслу этого слова, не может служить условием развития для системы, с которой она произошла. Катастрофа — это гибель. Но для других систем, или для системы более широкой, гиперсистемы, гибель части может служить необходимым фактором сохранения и развития»¹.

В соответствии с теорией катастроф Дж. Касти и др., «устойчивость динамической системы обусловлена действием двух полярных тенденций, одна из которых связана с воспроизводством и сохранением “старых” системных качеств (системообразующих, или так называемых “отрицательных”), тогда как вторая — наоборот обеспечивает “положительную” возможность адаптации структур к “новым” условиям, изменениям внешней среды»², т.е. ее развитием.

Стабильность и застой. Отметим, что понятия «стабильность» и «застой» различаются даже на обыденном уровне. Участники одного из опросов, трактуя понятие «стабильность», в большинстве своем (77%) отождествляли ее со спокойной, нормальной, предсказуемой жизнью, и лишь немногие (14%) с застоем. Понятия же «стабильность» и «развитие» на обыденном уровне не противопоставляются, а, напротив, рассматриваются как взаимосвязанные. Авторы исследования делают вывод: «...стабильность чаще всего воспринимается не как отсутствие развития, но именно как отсутствие негативных изменений — потрясений, конфликтов, дефолтов, революций и т.п.»³.

Таким образом, для стабильности нужно развитие, как, впрочем, и для развития нужна стабильность. Примером тому может стать актуализировавшаяся в последние годы проблематика устойчивого развития (Sustainable development), по сути своей, предполагающая динамическую стабильность и получившая широкое распространение в стра-

---

¹ Шабров О.Ф. Политические системы: открытость, устойчивость, развитие // Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф.: в 4 т. — Т. 1 / сост. Т.Е. Сафонова. — М.: Интеллект, 1996. — С. 23—31.

² Дегтярев А. Стабильность в политическом развитии // Основы политической теории... — С. 199. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Degt/_15.php

³ Ярославцева А.О. Ключевые характеристики массового восприятия политической стабильности в современной России: может ли «стабильность» стать национальной идеей // Вестник РУДН. Сер. Политология. — 2012. — № 1. — С. 63—64.

нах Европы, США и относительно недавно — в России¹. Собственно цели в области устойчивого развития сформулированы ООН² и предполагается, что они должны определять процесс принятия управленческих решений во всех странах.

Стабильность и «баланс интересов». Связи стабильности и «баланса интересов» в современных политических процессах были исследованы С.И. Бойко (отмечает необходимость обеспечения сбалансированного характера отношений как внутри элиты, так и элиты с другими социальными группами; необходимость обеспечения приемлемого уровня равновесия и цивилизованных форм диалога политических сил)³, К.И. Бабошин определяет стабильность как установление баланса между правомочными и неправомочными действиями чиновников⁴. М.Д. Ковалев считает, что политическая система должна не только обслуживать интересы властных элит по воспроизводству собственных лидирующих позиций, но и повышать уровень управляемости социальными процессами, когда рядовые граждане могут реализовывать собственные права и политические интересы⁵. А.В. Фирсов определяет политическую стабильность как баланс интересов политических элит и гражданского общества⁶. Вместе с тем И.Г. Медведев считает, что использование концепции баланса сил как базового критерия для определения политической стабильности затруднено тем, что при анализе социально-полити-

---

¹ Хайдуков Д.С., Тасалов К.А. Основы обеспечения устойчивого развития городской агломерации // Мат-лы XIV Междунар. конф. МГУ «Государственное управление в XXI веке». — М.: Университетская книга, 2017. — С. 783—789. — URL: <http://www.spa.msu.ru/uploads/files/books/publikazija.pdf>; Белотелов Н.В., Бродский Ю.И., Оленев Н.Н., Павловский Ю.Н., Тарасова Н.П. Проблема устойчивого развития: естественно-научный и гуманитарный анализ. — М.: ФАЗИС, 2004.

² См.: Цели в области устойчивого развития. — URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/russian/sustainable-development-goals/>

³ См.: Бойко С.И. Механизмы обеспечения политической стабильности: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2006. — URL: <http://cheloveknauka.com/mehanizmy-obespecheniya-politicheskoy-stabilnosti#ixzz54Bdy4YYF>

⁴ Бабошин К.И. Социально-политическая стабильность в современной России: дис. ... канд. соц. наук. — Саратов, 2005. — 144 с.

⁵ См.: Ковалев М.Д. Истоки и риски политической нестабильности в развивающихся странах. — М.: ИНИОН РАН, 2013. — 472 с.

⁶ См.: Фирсов А. В. Технологии поддержания политической стабильности в механизме обеспечения национальной безопасности: российский и зарубежный опыт: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2017.

ческих явлений всегда обнаруживается доминирующее большинство, лидеры которого закономерно стремятся сосредоточить в своих руках максимальное количество ресурсов. При условии того, что реальная расстановка политических сил практически остается неизменной, стабильность может быть установлена только при опоре на устойчивые структуры и институты¹. Нередко институциональный подход принимается как основной в исследовании политической стабильности².

1.1.3. Политическая стабильность и социальный иммунитет

Попытка поиска механизма стабильности систем в условиях их повышенной транспарентности и активизации многочисленных внешних влияний, требующих быстрых и адекватных реакций на них (отторжения, адаптации и др.), привела нас к поиску внутрисистемного механизма, позволяющего обществу распознавать и реагировать на внешние влияния реакциями, максимально схожими с реакциями и ожиданиями системного центра. Мы предположили, что дестабилизации вероятнее в тех политических системах, где не развит механизм самодиагностики общества к внешним влияниям и не сформирована способность общества к критической оценке внешних влияний, степени их угрозы безопасному существованию общества и личности, целостности общественной системы. Иными словами, дестабилизации вероятнее там, где не развит иммунитет против чужеродных влияний. Известно, что в биологии и медицине иммунитет рассматривается как комплекс реакций, направленных на защиту организма от инфекций и агентов, отличающихся от него чужеродными свойствами. Мы же говорим о социальном иммунитете как защитном механизме обеспечения политической стабильности. Он обеспечивает защиту общества от внешних влияний, от проникновения несвойственных и чужеродных образцов поведения, ценностей, норм, разрушающих внутривнутриполитическую

---

¹ Медведев И.Г. Политическая стабильность как фактор национальной безопасности: автореф. дис. ... канд. полит. наук. — Кемерово, 2003. — С. 11.

² Гаджиев Х.А. Роль политических институтов в обеспечении политической стабильности // Теории и проблемы политических исследований. — 2016. — № 3. — С. 123—135. — URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-politology-2016-3/10-gadzhiev.pdf>

среду и целостность политической системы, сохраняя ее стабильность, адаптационный и интегративный потенциалы системы.

Принимая за основу концепцию З.А. Жапуева о роли социального иммунитета в условиях институциональных трансформаций¹ и модель, предложенную В.В. Комлевой², мы предлагаем модель развития и поддержания социального иммунитета, адаптированную к проблематике поиска технологий обеспечения политической стабильности в условиях внешних дестабилизирующих влияний.

Под моделью понимается образ, абстрактное представление реальности в схематичном виде, отражающее наиболее значимые аспекты изучаемого явления, т.е. обеспечения политической стабильности. Предложенная модель отражает логическую связь акторов и условий, влияющих на политическую стабильность, методов и ресурсов, которые целесообразно использовать для достижения политической стабильности. Модель охватывает в общих чертах имеющиеся зависимости, тенденции, закономерности и является основой для выхода на эмпирический уровень технологического действия. Применение данной модели позволит достичь синергетического эффекта от действий разных акторов по обеспечению политической стабильности.

В качестве основных акторов обеспечения политической стабильности рассматриваются институты. Авторами работ по социальной иммунологии отмечается, что «институциональная система общества и заложенные в ней ценностные и мировоззренческие ориентации составляют основу иммунной системы», «константу в виде институционального ядра» что институты «отвечают за врожденный иммунитет общества» с его социокультурной спецификой, на базе которого в новых исторических реалиях формируется «приобретенный иммунитет»³. В то же время мы понимаем, что не все институты одинаково важны для обеспе-

---

¹ См.: Жапуев З.А. Социальный иммунитет российского общества в условиях институциональной трансформации: факторы риска и стратегии повышения: дис. ... д-ра соц. наук. — Ростов н/Д., 2013.

² Комлева В.В. Концептуализация модели обеспечения общественно-политической стабильности в условиях внешних дестабилизирующих влияний // Государственное управление и развитие России: вызовы и возможности: сб. ст. междунар. конференц-сессии (Москва, 2017 г.). — М.: Дело, 2018. — С. 31—36.

³ См.: Жапуев З.А. Социальный иммунитет российского общества в условиях институциональной трансформации: факторы риска и стратегии повышения: дис. ... д-ра соц. наук. — Ростов н/Д., 2013.

чения политической стабильности. Поэтому выделяем те, чьи дисфункции повышают риск восприимчивости системы к дестабилизирующим влияниям. К таким институтам относятся: институты социализации (с учетом их адаптации к новым реалиям); политические институты (в их числе особенно — институты власти), на которые возложены функции мониторинга, агрегирования и выражения интересов населения; интеграции разных институтов, групп, отдельных индивидов в новую общественно-политическую систему; создание условий для безопасного существования, справедливого распределения ресурсов и благ, реализации прав и свобод граждан; экономические институты, регулирующие экономическое поведение элиты и граждан, и важные отношения собственности и занятости; институты информирования (в первую очередь — СМИ, интернет-ресурсы); институты гражданского общества, осуществляющие контроль над политическими и экономическими институтами и консолидирующими общество. Деятельности указанных институтов следует придать целерациональность, алгоритм, при которых каждый институт играет свою особую роль в общем процессе обеспечения политической стабильности (и понимает эту роль), выражающуюся в создании внутрисистемных условий устойчивости системы и поддержки социального иммунитета — критически значимого механизма обеспечения политической стабильности. Институты рассматриваются нами как каркас системы, обеспечивающий ее устойчивость, в том числе и в ситуации внешних дестабилизирующих влияний.

Для обеспечения политической стабильности путем развития социального иммунитета система должна создать, как минимум, три группы условий. Первая группа — условия, обязательные для появления и развития социального иммунитета. По сути своей эти условия являются результатами социализации. В процессе социализации формируются: 1) ценности, духовные основы, разделяемые большинством общества; 2) социальные скрепы (в виде социальных ожиданий и санкций); 3) непротиворечивая социальная память; 4) социальные связи, ценность которых значительно выше, чем блага предлагаемые внешними акторами. Важнейшими институтами, формирующими эти условия, являются семья, институты воспитания, образования, СМИ, религия. Отдельно выделим институты политической социализации, к которым относятся общественно-политические объединения, молодежные организации,

позволяющие усвоить нормы и ценности политической системы и культуру политической конкуренции, свойственные региональному сообществу. Однако без поддержания социального иммунитета, заложенного институтами социализации, без общественного одобрения реакций на внешние воздействия иммунитет будет затухать. Иными словами, необходимы внутрисистемные условия, необходимые для поддержания политической стабильности. Эти условия выделены во вторую группу. К ним относятся, как минимум, следующие:

- чувство защищенности, появляющееся в отсутствии угроз жизни, здоровью, в отсутствии опасений потерять имеющуюся стабильность, хотя бы минимальном уровне уверенности в будущем, соблюдении прав, наличии понятной, общепринятой, устойчивой системы референтных ценностей и духовных основ;
- привлекательность системы для его членов, проявляющаяся в уровне и качестве жизни (удовлетворяющем большинству общества), возможности реализовать свой потенциал, справедливом распределении благ и ресурсов;
- возможность влиять на процесс принятия политических решений, проявляющаяся в реализации интересов населения в решениях органов власти, доступности политических институтов, в развитии экспертного потенциала институтов гражданского общества.

В каждом конкретном случае создание таких условий имеет специфику и связано с деятельностью политических институтов (особенно органов власти), экономических институтов (особенно распределяющих экономические блага и ресурсы), институтов контроля, надзора, безопасности, институтов массмедиа. Но только этого не достаточно, чтобы механизм социального иммунитета работал. Социальный иммунитет должен периодически тестироваться. Тестирование дает возможность понять, в каких пределах общество допускает внешние влияния и где пороговый предел, после которого влияния оцениваются как дестабилизирующие.

Условия, при которых возможно тестировать систему на наличие способности оценивать внешние влияния, выявлять среди них те, которые создают угрозы устойчивости системы, и реагировать на них, — мы выделили в третью группу. Эти условия связаны с наличием в системе альтернатив, оппозиции и институтов гражданского общества, способных делать «социальные прививки». Наличие таких усло-

вий зависит от способности политической оппозиции выполнять свои функции (диагностировать проблемы и предлагать конструктивные альтернативы их решения), от активности институтов гражданского общества и гражданских инициатив, от степени готовности власти к взаимодействию с «альтернативными акторами» и др. Позитивная роль оппозиционных институтов заключается в том, что они делают «прививки» в виде критики, позволяющие институтам власти обратить внимание на болезненные точки, те общественные проблемы, которые могут подорвать доверие и поддержку системного центра. В этой связи отсутствие институтов конструктивной оппозиции не способствует, а наоборот препятствует политической стабильности. Одновременно следует учитывать, что развитие этой группы условий способствует появлению альтернативных центров, поэтому интенсивные внутрисистемные тестирования иммунитета могут привести к расшатыванию системы, делая ее неустойчивой. Одновременно отсутствие внутренней политической конкуренции ведет к потере у системного центра рефлексивных способностей.

В рассмотренных условиях формируются важные для политической стабильности общественные феномены, имеющие критическое значение на уровне детерминирующих системных факторов обеспечения политической стабильности. При отсутствии указанных факторов общество не сможет соотнести свои критерии «чужеродности», опасности влияний с критериями системного центра; реакции общества на дестабилизирующие влияния не будут соответствовать ожиданиям системного центра; создадут риск неустойчивости политической системы. К таким критически значимым факторам мы относим чувство экзистенциальной безопасности у большинства населения, непротиворечивую социальную память, социальную сплоченность, институциональное и системное доверие. Рассмотрим эти факторы подробнее.

Механизм социальной памяти (в контексте поиска технологий обеспечения политической стабильности) рассматривается нами как универсальный базис общественного и индивидуального познания (определение Я.К. Ребане, данное им в работе «Информация и социальная память»¹). Социальная память систематизирует, обобщает, хранит в

---

¹ Ребане Я.К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания // Вопросы философии. — 1982. — № 8. — С. 44—54.

системе коллективный опыт поколений. Механизм социальной памяти не только фиксирует прошлые состояния общества, но и воспроизводит в настоящем сложившиеся типы и определенные стороны этих отношений, вырабатывает критерии оценки и матрицы интерпретации новой реальности. Культурно-исторические коды, выработанные ранее и воспроизводимые новыми поколениями, позволяют сохранять устойчивость системы.

На теоретическом уровне для более точной операционализации понятия с точки зрения решения задач обеспечения политической стабильности мы разделяем понятия «социальная память» и «историческая память» (понимая, что они взаимосвязаны). В исторической памяти важное место занимают факты, установление причинно-следственных связей, поиски истины, исторической правды, исторической справедливости, что нередко провоцирует воспроизводство исторических травм. В социальной памяти главное место занимают интерпретации совместно пережитого, ретроспективные модели коллективного действия, поиск пути коллективного существования. Исходя из этого, мы считаем, что для решения задач нашего исследования будет точнее и корректнее говорить именно о формировании социальной памяти. Поиск истины и исторической правды (критерии которой в разные исторические периоды могут быть совершенно разными у разных народов) может привести к актуализации субъективно преломленных рефлексий прошлого только в негативном контексте, стремлению наиболее активных групп навязать обществу доминирование архетипов, свойственных только им.

В социумах, находящихся на стадии новой институционализации, как правило, возникает проблема поиска технологий не просто формирования, а технологий реинституционализации социальной памяти, поиска и транслирования непротиворечивого опыта совместных действий разных элементов системы и одинаково значимых (по содержанию и важности) исторических событий, норм и ценностей сплоченности.

Сама по себе реинституционализация социальной памяти, коллективные образы совместных согласованных действий в прошлом не смогут долго обеспечивать политическую стабильность, если не будут поддерживаться соответствующими коллективными действиями в актуальный исторический период. Поэтому ответственным институтам целесообразно использовать технологии общественного сплочения и создавать условия для консолидированных действий разных сообществ,

организовывать публичные акции, основанные на добровольном участии разных групп общества.

Социальная сплоченность предполагает ценностно-ориентационное единство, взаимные симпатии разных групп друг к другу, привлекательность крымского сообщества, возможность мобилизации большинства сообщества в случае угроз дестабилизации. Технологии формирования сплоченности проанализированы в разных работах, но наиболее системно представлены в коллективной монографии «Практики сплоченности в современной России: социокультурный анализ»¹.

Первым шагом на пути к социальной сплоченности общества является социальная интеграция (системное включения индивидов и групп в политические, социальные и экономические отношения для удовлетворения потребностей) и интериоризация установленных норм, правил, ценностей (то есть формирование путем присвоения жизненного опыта внутренних мировоззренческих позиций, социальных и политических установок). Результатом интеграции и интериоризации становится формирование и/или усвоение общих мировоззренческих матриц, ценностей, которые станут основой социальной сплоченности, общих оценок степени дестабилизации внешних влияний. Вместе с тем известно, что для развития социальной сплоченности нужны такие условия, как доверие и создание работоспособных механизмов обеспечения социальной справедливости.

Суждения о справедливом обществе выражаются в идеологии, разделяемой большинством общества, что облегчает принятие решений на основе выработанного мировоззрения. Идеология имеет не только консолидирующий потенциал, этическую сторону отношений, но и выраженную экономическую составляющую. Если сообщество будет разделять с системным центром предложенную им идеологию, то будут минимизированы расхождения в понимании и трактовке происходящих процессов. Общество будет признавать действия системного центра и сам центр легитимными, соответственно, будут минимизированы затраты на контроль соответствия общественного поведения требованиям новой институциональной среды.

---

¹ См.: Практики сплоченности в современной России: социокультурный анализ: монография / под ред. Н.Е. Покровского и М.А. Козловой. — М.: Университетская книга, 2016.

В нашем исследовании мы говорим о критическом значении институционального доверия (доверия общества в отношении институтов (особенно — политических институтов); доверия институтов власти к обществу; системного доверия (доверия в отношении всей системы и ее участников, в отношении политического режима, общественного порядка, экономики, культуры и др.). Все типы доверия формируются в определенной атмосфере коллективного доверия. С точки зрения технологий обеспечения политической стабильности, важно сформировать такое состояние коллективного доверия, которое П. Штомпка называл «культурой доверия», когда доверие становится социальным правилом, в нашем случае — правилом новой институциональной среды¹.

Культура доверия формируется как результат исторического коллективного опыта положительного взаимодействия власти и общества, разных групп общества друг с другом. Как следствие, фактор исторического наследия играет важнейшую роль в формировании культуры доверия. При отрицательном опыте (например, частые неисполненные обещания, предательство, массовые фрустрации в результате неоправданных ожиданий и т.п.) формируется низкий уровень доверия, подозрительность и стереотипные оценки как власти, так и отдельных групп населения. Эти оценки транслируются и воспроизводятся от поколения к поколению. При положительном опыте взаимодействия формируется высокий уровень культуры доверия. Иными словами, фактор исторического наследия предопределяет общественное доверие к институтам и между собой, т.е. не только институциональное, но и системное доверие. Со временем исторически устоявшиеся оценки могут меняться под воздействием нового опыта. Новой власти (или прежней власти в новых условиях) общество может достаточно долго предоставлять «кредит доверия». Но если этот «кредит» не оправдывается хотя бы минимально, то при внешних дестабилизирующих влияниях общество может мобилизоваться на протестные действия. Общество не доверяет системному центру, когда его решения и действия не соответствуют общественным ожиданиям, когда власть не выполняет своих обещаний.

Чаще всего в политологии проблему доверия рассматривают в одностороннем порядке, как доверие общества в отношении власти. И мало

---

¹ Штомпка П. Культура доверия // Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. — М.: Логос, 2010. — С. 324—341.

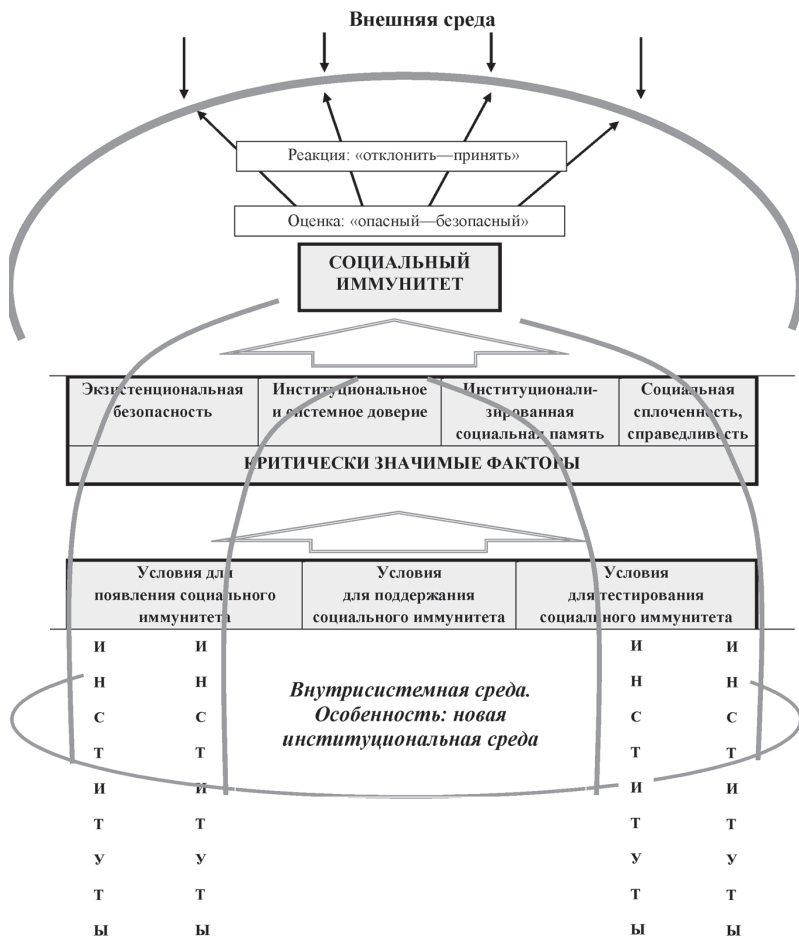
кто анализирует вторую сторону — доверие власти к обществу. Например, тотальный контроль — показатель недоверия власти обществу, централизация всех функций по распределению и исполнению — тоже пример недоверия власти к обществу. Недоверие власти к обществу формируется в результате повторяющихся практик поведения общества, которое не соответствует ожиданиям системного центра (например, практик предательства, коллаборационизма). Недоверие в демократических режимах компенсируется многочисленными договорными практиками и судебными решениями в случае неисполнения договоров. В авторитарных режимах проблема недоверия обществу решается, как минимум, цензурой, тотальным контролем. Понимание степени доверия власти к обществу в Крыму важно для прогнозирования активности институтов гражданского общества, развитие которых зависит от условий, созданных властью (в первую очередь правовых и политических условий).

Системное доверие предполагает не только доверительные отношения между властью и обществом, но и между разными общественными группами, в том числе этнорелигиозными. Такое доверие, как и вышеописанные виды, во многом обусловлено историческим опытом отношений, который изобилует конфликтами и противоречиями. В нашем исследовании мы ставили цель мониторинга степени доверия разных этнических групп друг к другу, но в перспективе, учитывая полиэтничность крымского сообщества, можно было бы применять шкалу социальной дистанции Богардуса.

Принимая методику анализа генеалогии культуры доверия П. Штомпки, мы считаем, что в основе формирования доверия к политическим институтам лежит потребность в экзистенциальной безопасности. Такая безопасность рассматривается как интегративное и универсальное явление человеческого бытия. Она выражается в ожидании понятного структурного и институционального контекста жизни, ожидании того, что система обеспечит нормативную стабильность, сформулирует понятные и достойные цели, обеспечит прозрачность политической организации, справедливость, защиту прав и свобод граждан. Политическая составляющая экзистенциальной безопасности состоит в том, что отношения общества с властью и по поводу власти должны формировать чувство защищенности и надежности, они не должны быть источником беспокойности населения по поводу своего будущего и настоящего. Техно-

логии органов власти по обеспечению экзистенциальной безопасности реализуются через политики — внешнюю и внутреннюю, а во внутренней политике — через социальную, экономическую, региональную, информационную политики, политику национальной политики и др.

Обобщая сказанное, схематично представим, как действует социальный иммунитет для обеспечения политической стабильности (см. рис. 2).

Рис. 2. Формирование и действие социального иммунитета по обеспечению политической стабильности

Таким образом, социальный иммунитет необходим для сохранения целостности политической системы и возникает по поводу отношений власти и общества, реагирует на угрозы общественной и политической организации и способы осуществления власти в обществе, вырабатывает невосприимчивость общества к чужеродным воздействиям, снижая риски таких воздействий. Проявляется иммунитет в умении идентифицировать внешние влияния по принципу «свой—чужие», «полезные—вредные», «развивающие—убивающие» и т.п.

Формирование социального иммунитета связано с удовлетворением потребности людей в регулировании и управлении общественными процессами. Поэтому мы рассматриваем социальный иммунитет как защитный, глубинный механизм обеспечения политической стабильности. Он обеспечивает защиту общества от внешних влияний, от проникновения несвойственных и чужеродных образцов поведения, ценностей, норм, разрушающих внутривнутриполитическую среду и целостность системы, сохраняя ее стабильность, адаптационный и интегративный потенциалы. Если реакции социального иммунитета на внешние влияния не совпадают с реакциями системного центра, то возникают благоприятные условия для дестабилизаций. Как следствие, определяющая роль социального иммунитета в обеспечении политической стабильности делает функцию его формирования политической функцией участвующих в этом институтов и важнейшей функцией собственно политических институтов.

Технологии формирования социального иммунитета особенно важны в контексте того, что любая политическая система несет внутри себя противоречия. Источниками нестабильности могут стать, как минимум, нетранспарентность власти и принимаемых ею решений; раскол внутри элит; наличие больших групп населения, чьи интересы не представлены во власти и не реализуются в политических решениях; несправедливые решения; нелегитимность власти; неэффективность институтов и механизмов политической социализации; неспособность политической системы самоизменяться и адаптироваться в соответствии с общественными изменениями, негибкость политических институтов и др.

Подводя итоги, отметим, что политическая стабильность рассматривается нами как частный случай стабильности, что позволяет применить теории динамических систем и кибернетический подход для

понимания сущности политической стабильности. Политическая стабильность определяется, основываясь на позициях, что любая сложная система обладает эмерджентностью (наличием особых свойств системы, не присущих ее элементам), способностью системы к гомеостазису (сохранять равновесие путем саморегуляции и приспособления к окружающей среде), интегративностью (сущностному качеству, присущему всей совокупности элементов и отношений системы, отличающему и отграничивающему ее от других совокупностей). Политическая стабильность рассматривается как динамическое равновесие между системообразующими и дестабилизирующими процессами, выраженное: 1) в способности системного центра управлять, сохранять способность интегрировать части системы и достигать основной цели ее существования; 2) в способности большей части общества давать оценки и реагировать на внешние влияния максимально сходным образом с системным центром.

Политическая стабильность рассматривается как условие устойчивости системы, т.е. условие способности самостоятельно поддерживать гомеостазис и самосохраняться. Политическая стабильность сохраняется при стабильности интегративно значимых частей (даже в условиях дестабилизации некоторых частей системы), способности развиваться и адаптироваться к изменениям. Политическая стабильность не является синонимом политического застоя, она предполагает развитие и может сопровождаться изменением системы, которые в ряде случаев становятся условием сохранения политической стабильности.

Для обеспечения политической стабильности важны, как минимум, связанные между собой механизмы: механизм самоадаптации (с помощью частичного нарушения частного гомеостаза система остается устойчивой и стабильной); механизм воспроизводства (с помощью «структуриации» воспроизводство сложившихся норм и правил политического взаимодействия) и институционализации (закрепления постоянно возникающих индивидуальных и групповых практик, соотносенных с действующими правилами осуществления власти); механизм социального иммунитета (с помощью интериоризированных критериев оценок внешних влияний общество реагирует на них максимально сходным образом с системным центром, определяя степень их угрозы стабильности). Социальный иммунитет — новое понятие в политологии и, как политическое явление, определяется через способность власти и

общества защитить политическую систему от проникновения несвойственных, чужеродных образцов поведения, ценностей, норм, разрушающих целостность и ценности системы. Значение социального иммунитета как защитного механизма будет возрастать в условиях глобализации, транспарентности систем, постмодерного общества, виртуализации политической сферы, интенсификации внутренних и внешних коммуникаций и передвижений, при которых затруднено применение запретительных мер. Нарушения в вышеуказанных механизмах ведут к дестабилизации системы.

Политическая стабильность связана со способностью системы к внутренним качественным переходам, обеспечивающим адаптацию и развитие. Как следствие, повышается значение внутрисистемных факторов политической стабильности. Критическое значение имеют такие факторы, как «социальная сплоченность и справедливость», «институциональное и системное доверие», «экзистенциальная безопасность», «непротиворечивая социальная память».

1.2. Изменяющаяся реальность и политическая стабильность

1.2.1. Изменяющаяся реальность и объяснительный потенциал постмодернизма

Под изменяющейся реальностью мы понимаем общественные процессы, ставшие возможными под влиянием эффектов, полученных от глобализации, развития информационного общества, общества постмодерна. Новые открытия в области техники и науки, внедряясь в общественно-политические отношения, меняют не только инструменты этих отношений, но и модели системных взаимосвязей, в том числе и внутри политической системы, предъявляя новые требования к политическим акторам и политическим технологиям.

Изменяющаяся реальность создает условия для проницаемости границ, усиления открытости систем, что, в свою очередь, угрожает их устойчивости и стабильности особенно в случае слабой адаптивности системы, медлительности ее реакций, ослабления политических институтов. Развитие информационного общества с формиру-

ющимися отношениями в киберпространстве, как написал в одной из работ Г. Киссинджер, «бросает вызов всему историческому опыту», оно не регулируется международными стандартами, остается в «поле принятия односторонних решений», и угроза, возникающая из него, неясна и расплывчата, ее трудно охарактеризовать¹. Нестабильность (выраженная в потере способности интегрировать части системы в определенных границах при ее интенсивной подвижности и динамичности) становится имманентным свойством современных политических системы. Появление виртуальной реальности и альтернативных информационных пространств угрожает интегративным качествам политической системы, если система не сможет адаптироваться в новых условиях.

Причины таких изменений были выявлены еще в 50-х годов XX в. основоположниками математической теории связи и кибернетики (американскими учеными Клодом Шенноном (Claude Shannon), Джоном фон Нейманом (Johnvon Neumann), Аланом Тьюрингом (Alan Turing), Норбертом Винером (Norbert Wiener) и советскими математиками (напр., Андреем Колмогоровым²), затем — Д. Беллом³, М. Кастельсом⁴, Э. Тоффлером⁵, У. Мартином⁶). Развитие научных направлений, связанных с проблемами организационных множеств (информационная теория, кибернетика, теория принятия решений, теория игр), поставили проблему стабильности систем на новый уровень осмысления. В начале 1990-х годов И.Р. Пригожин связывал ее с тем, что нестабильность является не только результатом идеологических особенностей, но и с результатом сочетания ряда научных экспериментальных и теоретических открытий. Причинами нестабильности он

---

¹ Киссинджер Г. Мировой порядок. — М.: АСТ, 2016. — С. 447, 450.

² Цит. по: Ершова Т. Информационное общество это мы. — М.: Институт развития информационного общества, 2008.

³ Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. — М.: Прогресс, 1986.

⁴ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. — М., 2000.

⁵ См.: Тоффлер Э. Третья волна // Информационная политика: в контексте социальной информатиологии: хрестоматия / сост. Н.П. Арапова. — М.: Изд-во Рос. акад. гос. службы, 2007.

⁶ Мартин Дж.У. Информационное общество // Теория и практика общественно-научной информации / АН СССР. ИНИОН. — 1990. — № 3. — С. 115—123.

называл: 1) открытие неравновесных структур, которые возникают как результат необратимых процессов, и в которых системные связи устанавливаются сами собой; 2) вытекающая из открытия неравновесных структур идея конструктивной роли времени; 3) появление новых идей относительно динамических, нестабильных систем, — идей, полностью меняющих наше представление о детерминизме¹. Признавая, что мир нестабилен, И.Р. Пригожин отмечал: «...но это не означает, что он не поддается научному изучению. Признание нестабильности — не капитуляция, напротив — приглашение к новым экспериментальным и теоретическим исследованиям, принимающим в расчет специфический характер этого мира»².

Методологической основой нашего исследования факторов и условий (как конкретно-исторического контекста), влияющих на стабильность / нестабильность политических систем, стали труды таких авторов, как Д. Белл³, Ж. Бодрийяр⁴, И. Валлерстайн⁵, Э. Гидденс⁶, С.П. Капица⁷, М. Кастельс⁸, Г. Киссинджер⁹, Н. Луман¹⁰, Э. Тоффлер¹¹, Ф. Фукуяма¹²,

---

¹ Пригожин И.Р. Философия нестабильности // Вопросы философии. — 1991. — № 6. — С. 48—49.

² Там же. — С. 49.

³ См.: Белл Д., Иноземцев В.Л. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. — М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. — М.: Academia, 2004.

⁴ См.: Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. — М.: Культурная революция: Республика, 2006; Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. — М.: Рипол-классик, 2017. — URL: <http://www.klex.ru/n8v>

⁵ См.: Валлерстайн И. Конец знакомого мира. — М.: Логос, 2004.

⁶ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. — М.: Академический проект, 2003.

⁷ Капица С.П. Демографическая революция в России // Век глобализации. — 2008. — Вып. 1. — С. 128—143. — URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/129834/>

⁸ См.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М.: ГУ ВШЭ, 2000.

⁹ См.: Киссинджер Г. Мировой порядок. — М.: АСТ, 2016.

¹⁰ См.: Луман Н. Власть. — М.: Праксис, 2001.

¹¹ См.: Тоффлер Э. Третья волна. — М.: АСТ, 2010.

¹² См.: Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. — М.: АСТ: Люкс, 2004.

Ю. Хабермас¹, С. Хантингтон². При выявлении современных тенденций, условий, факторов влияния на политическую стабильность мы использовали материалы таких документов, как: «Окинавская Хартия глобального информационного общества»³, Доклады о человеческом развитии (1990—2016)⁴, Доклад Римского клуба за 2017 г.⁵

На наш взгляд, точно и глубоко сущность происходящих изменений описал Ж. Бодрийяр. На основе его трудов, выделим такие характеристики современности, как «транспарентность», «трансполитичность», «необменность», «пресыщенность и избыточность», «аномальность» имеющие своим продолжением изменения в политических системах.

Ж. Бодрийяр, характеризуя современный мир как транспарентный мир, как мир конца тайны и вторжения транспарентности, вводит понятие «трансполитическое», т.е. «обесценность всех структур в децентрированном мире, транспарентность и обесценность хода истории в деисторизированном мире, транспарентность и обесценность информации в бессобытийном мире, транспарентность и обесценность пространства в беспорядочном переплетении сетей, транспарентность и обесценность социального в массах, политического в терроре, тела в ожирении и генетическом клонировании... Конец тайны — вторжение транспарентности»⁶. Мы живем в мире «обесценности», «...когда все становится невыносимо транспарентным»⁷.

Раскрывая проблематику «трансполитического», автор говорит об эре аномалии («отклонения от нормы без последствий»). Предыду-

---

¹ См.: Хабермас Ю. Модерное сознание времени и его потребность в самодостоверении // Философские науки. — 1997. — № 2, 3, 4.

² См.: Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. — М.: Прогресс-Традиция, 2004.

³ См.: Окинавская Хартия глобального информационного общества (Принята главами государств и правительств «Группы восьми» 22 июля 2000 г.). — URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170>

⁴ См.: Human Development Reports 1990—2016. — URL: <http://hdr.undp.org/en/global-reports>

⁵ Доклад Римского Клуба «Come On!: Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet». — 2017. — URL: <http://www.clubofrome.org/report/come-on/>

⁶ Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. — М.: Рипол-классик, 2017. — С. 33.

⁷ Там же. — С. 91.

щая эра (эра политического) была эрой аномии. Для нее были характерны кризисы, насилие, безумие, революции и эти процессы рассматривались как аномия, так как они выходили за рамки норм, правил, закона. В отличие от аномии аномалия «разыгрывается в сфере вариаций и модуляций, которая уже не имеет предела или характерной грани нарушения закона»¹. Аномалии сомневаются в самом существовании закона и правил. «Аномалия — нарушение или скорее заблуждение относительно порядка вещей — нам неведомом, если речь идет о системе причин и следствий. ...Аномалия уже не несет в себе ни трагизма аномальности, ни даже опасности и девиантности аномии. Она безвредна, в определенном смысле, безвредна и необъяснима. Она принадлежит к порядку чистого и простого появления, выхода на поверхность системы, нашей системы, это нечто, пришедшее из другого места»². С точки зрения роли аномалии, Ж. Бодрийяр пишет, что аномалия не имеет критического влияния на систему. Это скорее разновидность мутации. Иными словами, на современном этапе мы наблюдаем мутации систем, при которых трудно определить аномальность процессов, трудно зафиксировать изменения в качестве аномий, в то же время наблюдаются процессы, влекущие качественные изменения систем, в том числе и политических. Колоссальная транспарентность всех сфер общественной жизни делает политические процессы трансполитическими, т.е. открытыми и проницаемыми для любых акторов вне границ.

Другими характеристиками современного мира являются «необменность» и перенасыщенность. Мы переживаем «конец обмена» и живем в обществе, где обмен (который имеет свои правила) становится все более невозможным, «меньше вещей могут быть реальным предметом переговоров, потому что утрачены правила переговоров или же потому, что обмен, став обобщенным, породил неподвластные для обмена объекты, которые и стали настоящими ставками в этой игре»³.

Пресыщенность и избыточность ведет системы к точке инерции. Ж. Бодрийяр пишет о перенасыщенности систем памяти, избыточ-

---

¹ Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. — М.: Рипол-классик, 2017. — С. 33—35.

² Там же.

³ Там же. — С. 33—35, 64.

ности системы ядерного уничтожения, перенакоплении информации, которая уже не поддается обработке. Скорость информации не повышает уровень сознательности масс, потому что они «погрязли в этом бесполезном переизбытке информации, которая будто бы проливает на них свет, а на самом деле лишь загромождает пространство и аннулируется в эквивалентности молчания. ...Ни массы не имеют мнения, ни информация их не информирует»¹. Перенасыщенность характерна и для трансполитического, и проявляется она в переходе от роста к разрастанию. «Это уже очаг катастрофы, а не кризиса. Все вовлекается туда в технологическом ритме, включая экологически безопасные и психоделические технологии, что ведет нас все дальше и дальше от всякой реальности, всякой истории, всякой судьбы», — пишет Ж. Бодрийяр².

Роль массмедиа в современных общественно-политических процессах он оценивает как «умопомрачительную ловушку», в которой уничтожается политическая функция общества. Массы перестают быть объектами влияния власти, так как они «замолчали» (то есть перестали реагировать на импульсы, исходящие от субъектов (политического класса)), сохранив при этом внутренний инстинкт символического убийства политического класса. Народ, который служил «алиби представительной системе “исчез”». Современные массы не являются объектом угнетения и манипуляций. «Поэтому массы не могут быть освобождены, да и не стремятся к этому. Вся их сила (трансполитическая) заключается в том, чтобы быть чистым объектом, т.е. любым политическим попыткам заставить их заговорить противопоставлять свое молчание, нежелание говорить. Все пытаются их соблазнить, побудить, подкупить. Инертные, аморфные, бездонные, они сохраняют свой пассивный, непроницаемый суверенитет»³. По мнению Бодрийяра, сценарий политического инвертируется, т.е. «не власть ведет за собой массы, а массы подводят власть к пропасти»⁴. Эти рассуждения Ж. Бодрийяра являются весьма значимыми для понимания процессов пассивности масс (проявляющейся в пассивном электоральном поведении, пассивности местного самоуправления, неучастии в политических акциях

---

¹ Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. — М.: Рипол-классик, 2017. — С. 126.

² Там же. — С. 33—34.

³ Там же. — С. 33—35, 131.

⁴ Там же. — С. 133.

поддержки власти и др.). Автор говорит о «массовом обезволивании», «массовом отречении от воли»¹.

В этих условиях формируется новая личность, с которой политические институты еще не научились взаимодействовать. Возникают новые противоречия между обществом, производящим информацию, и потребляющим ее человеком, теряющим возможность адекватно соотносить себя как с окружающей средой, так и с самим собой. О.Ф. Шабров анализирует особенности постмодерной личности и отмечает, что для нее характерна подмена реальных социальных контактов виртуальными, неглубокое проникновение в суть происходящего, в том числе в политической сфере, вытеснение реального мира виртуальным, утрата способности судить о собственных интересах². Иными словами, личность постмодерна мало способна воспроизводить политическую систему (потому что социализирована в виртуальном сообществе), она мало мыслит категориями политической стабильности в рамках государственных границ (потому что живет «вне границ»), она мало подвержена рациональным влияниям (потому что с трудом их осмысливает). Личность постмодерна весьма уязвима для внешних влияний и легко становится мишенью внешних акторов, использующих все чаще и чаще технологии виртуальной среды.

По сути, о личности постмодерна говорит и С.С. Хоружий, описывая своего «виртуального человека»³. Быстрое продвижение «виртуального человека» означает виртуализацию всех сфер существования человека и постепенное преобладание виртуальной реальности над актуальной. Опасность такого процесса заключается в глубоких и продолжительных уходах в виртуальную антропологическую реальность, что имеет следствием потерю полноты контроля над актуальной ситуацией человека как внутренней, так и внешней, лежащей в мире техногенной цивилизации. «В сфере человеческого общения виртуализация несет его обеднение, редукцию и деградацию, уход и утрату глубинных, экзистенциально наполненных и смыслонасыщенных форм общения»⁴.

---

¹ Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. — М.: Рипол-классик, 2017. — С. 135.

² Шабров О.Ф. Модернизация в эпоху постмодерна // Власть. — 2017. — № 11 (25). — С. 13—21.

³ См.: Хоружий С.С. Постсекуляризм и ситуация человека. — URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/08/hor_postec_i_sit_chel.pdf

⁴ Там же.

Находящийся в системе виртуальных отношений, утративший желание (а затем и способность) критического анализа и оценки реальной ситуации человек не имеет достоверного представления о действиях акторов, чьи ценности и интересы он начинает разделять. Люди ориентированы на информацию, поставляемую по горизонтальным социальным сетям в виртуальном мире, — симулякры, как называл их Ж. Бодрийяр¹.

При этом с точки зрения конструктивистов (чьих взглядов придерживаемся и мы, объясняя восприятие стабильности / нестабильности политических систем), «порядок существует лишь как продукт человеческой деятельности»² и создается человеком в процессе постоянной экстернализации. «...И в своем генезисе (социальный порядок как результат прошлой человеческой деятельности), и в своем настоящем (социальный порядок существует, только поскольку человек продолжает его создавать в своей деятельности) — это человеческий продукт. ...Внутренняя нестабильность человеческого существования вынуждает его к тому, чтобы человек сам обеспечивал стабильное окружение для своего поведения»³.

Но если человек не включен в систему реальных отношений, ему нечего экстернализовать, по сути, он конструирует свои представления о реальном мире, исходя из виртуальных представлений. Из виртуальной среды он получает информацию, полученную не путем личного опыта, а представленную активными акторами виртуальной среды (отметим, не реальной, а виртуальной среды). Процессы его понимания и объяснения мира (которые философ Г. Абель очень точно называл «креативно-конструктивными процессами интерпретации») приобретают специфичность, навязанную виртуальными отношениями. Отсюда возникает практическая проблема «возврата» виртуального человека обратно в реальную среду, создания интересных ему механизмов вовлечения в реальную общественно-политическую жизнь. При этом следует понимать, что невозможно остановить иду-

---

¹ См.: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М.: Добросвет, 2000.

² См.: Социальное конструирование реальности. — URL: <http://evolkov.net/soc.psychol/Berger.P.Luckmann.T/chapter.2.1a.html#%CE%F0%E3%E0%ED%E8%E7%EC%E8%E4%E5%FF%F2%E5%EB%FC%ED%EE%F1%F2%FC>

³ Там же.

щие процессы виртуализации, но возможно адаптироваться в них, оставаясь активным действующим субъектом. И здесь большое значение приобретает гибкость институтов социализации, находящихся в сфере ведения государства. Особенно значимым это становится в условиях появления альтернативных акторов влияния, претендующих на роль альтернативных системных центров управления и пытающихся регулировать общественно-политические отношения.

В числе таких претендентов мы рассматриваем негосударственные институты, о возращении роли которых говорили еще в 1970-х годах представители «нового институционализма» Д. Марч, Д. Олсен и др. Но в настоящее время спектр таких акторов расширился за счет трансформации старых и появления новых. Не все из них институционализированы, обрели ясные и общепринятые нормы и правила функционирования и взаимодействия с другими институтами. Поэтому мы используем понятие «актор», а не институт, подразумевая всегда общественную и политическую активность, но не всегда — их институционализацию. К таким негосударственным акторам (институтам и неинституционализированным активным субъектам) мы относим: транснациональные корпорации, неправительственные общественные организации, религиозные институты и транснациональные этнорелигиозные сети, негосударственные институты образования и воспитания, социальные медиа (в том числе гражданскую журналистику), виртуальные сообщества и других акторов, оказывающих влияние на социализацию, политическую культуру, мировоззрение, мотивацию и политическое поведение граждан.

1.2.2. Новые и новейшие акторы внешних влияний

Сравнение зарубежных акторов, оказывающих влияние на политические процессы, политические решения и политическое поведение, позволяет нам классифицировать акторов внешних влияний по новизне применяемых ими технологий и появившихся благодаря новым технологиям и предположить существование традиционных, новых и новейших акторов влияния. К традиционным акторам мы относим, например, государства, партии, профсоюзы, армию, полицию, церковь, институты пропаганды (в разные исторические периоды они были разными:

от глашатаев до электронных СМИ и социальных медиа). Они всегда играли большую роль в политических процессах как внутри страны, так и за ее пределами.

К новым акторам мы относим электронные СМИ, международные организации как информационные силы и посредники урегулирования конфликтов.

К новейшим акторам мы относим транснациональные структуры, социальные медиа (нередко совпадающие с гражданской журналистикой), групповые и индивидуальные акторы (например, блогеры), появившиеся с развитием глобализации и Интернета. Определяя новейших акторов влияния, отметим, что имеет место переход акторов из одной группы в другую путем приобретения ими свойств последней (то есть «транснациональности», а в ряде случаев и виртуальности) и применения ими ресурсов последней (в первую очередь электронных ресурсов, цифровых технологий). Примером таких акторов могут служить: транснациональные, этнорелигиозные, коммуникационные сети.

До последнего времени государства являлись главными акторами технологий внешнего влияния (от них исходили инициативы, они имели соответствующие инструменты и ресурсы для реализации технологий). Собственно и в настоящее время за действиями почти всех зарубежных акторов можно проследить интересы тех или иных государств, а точнее элиты и/или иных групп интересов. В системе этих интересов могут действовать и негосударственные акторы, получая поддержку и ресурсы от государства. Но есть акторы, которые ведут самостоятельную игру. Рассмотрим подробнее некоторых новейших акторов, связанных и несвязанных с конкретными государствами.

Исследователи политической роли ТНК отмечают реализацию ими своих экономических интересов технологиями установления лояльных политических режимов. Как пример, деятельность в интересах ТНК компании «Exclusive Analysis», созданной в 2003 г., является специализированной компанией разведки, которая прогнозирует коммерчески соответствующие политические и насильственные риски по всему миру¹. Глобальная сеть источников (до 1000 человек) и методология

---

¹ Сайт компании «Exclusive Analysis» в сети Интернет. — URL: <http://www.exclusive-analysis.com>

обеспечивает точность принятия готовых прогнозов для транснациональных корпораций в широком диапазоне секторов. Они включают в себя страхование и перестрахование, финансовые услуги, доставку, банки, нефтегазовую, авиационную, горнодобывающую промышленность, логистику, правительства, НПО, СМИ и т.д. Собственно роль ТНК в политических процессах и технологии их влияния прослеживаются в обстоятельном исследовании Дэниела Ергина «Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть»¹.

Политическая роль и технологии социальных медиа исследовались Д.Г. Балувевым. Он отмечает, что социальные медиа стали неотъемлемой частью гражданского общества по всему миру². Новые медиа, по существу, не являются демократическими или тоталитарными. Данная социальная конструкция может быть и тем, и другим, что позволяет им стать актором технологий и оказывать влияние в любой политической системе и при любых политических режимах.

Социальные медиа представляют собой вид массовой коммуникации посредством Интернет, которые американский исследователь Б. Солис («Определение социальных медиа» (2007)) определил как «способ, при помощи которого люди обнаруживают, читают и комментируют новости, информацию и содержание. Это слияние социальной составляющей и высоких технологий, трансформирующих монолог (от одного ко многим) в диалог (многие ко многим)»³.

Потенциал социальных медиа для установления влияния и формирования общественного мнения и манипулирования общественным поведением достаточно высок. Предлагаем выделять три вида такого потенциала:

- 1) информационный (заключается в быстрой передаче (обмене) актуальной информации, в которой заинтересована аудитория);

---

¹ См.: Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. — М.: Альпина Паблишер, 2014.

² См.: Балувев Д.Г. Политическая роль социальных медиа как поле научного исследования. — URL: http://ifets.ieee.org/russian/depository/v16_i2/html/18.htm

³ См.: Макротренды в бизнесе. Как стать компанией новой волны, создавая эмоции, привлекающие клиентов. — URL: http://www.academia.edu/7914848/Макротренды_в_бизнесе_Как_стать_компанией_новой_волны_создавая_эмоции_привлекающие_клиентов

- 2) коммуникационный (заключается в формировании особо сети доверительных отношений за счет действенности принципа партиципарности, при котором коммуникации осуществляются на основе равноправного участия пользователей и социальных медиа, интерактивного участия);
- 3) социально-психологический (заключающийся в удовлетворении потребностей в аффилиации на основе общего интереса к обсуждаемой проблеме, самовыражения (возможность почувствовать себя значимым действующим субъектом; одновременная возможность стать и аудиторией, и автором; идентификация с себе подобными), одновременной возможности удовлетворить и информационную, и коммуникативную потребность). Социальные медиа, как инструменты гражданского общества, создают впечатление неангажированности (хотя нередко они ангажированы и действуют в интересах других акторов, получая от этого желаемые дивиденды).

Религиозные организации в условиях постсекулярности все чаще демонстрируют свое политическое значение и международное влияние, используя технологии международного гуманитарного сотрудничества¹. В.А. Ачкасов определяет ТЭКС, «как тематически определенные многомерные системы взаимодействия, которые осуществляются поверх национальных и государственных границ». Ссылаясь на исследование Т. Гарра², он выделяет основных акторов этих взаимодействий: 1) детерриторизированные этнические сообщества, к которым относятся новые глобальные диаспоры, мигранты, беженцы и организации, претендующие на их представительство, борющиеся за свои групповые права, социокультурное или религиозное самоопределение; 2) правительства стран исхода; 3) правительства принимающих стран; 4) религиозные и этнокультурные организации принимающих стран; 5) религиозные и этнокультурные организации стран исхода; 6) разные неформальные группы; 7) отдельные индивиды. ТЭКС зачастую

---

¹ Комлева В.В. Религиозные институты в международном гуманитарном сотрудничестве // Этносоциум. — 2017. — № 6. — С. 154—166; Комлева В.В. Религиозные институты как регуляторы нравственной парадигмы в геополитике // Миссия конфессий. — 2017. — № 24. — С. 8—15.

² Gurr T. Why Do Minorities Rebel? // Federalism against Ethnicity? / Ed. by G. Bachler. Zurich, 1997. — P. 165.

играют важную роль в глобальной актуализации локальных конфликтов и задают систему координат¹.

Провоцируя конфликты, ТЭКС способны дестабилизировать политическую систему. В.А. Ачкасов пишет, что «рост этнической и религиозной неоднородности как России, так и современных государств Запада и все более интенсивные взаимодействия этнических и этно-религиозных транснациональных иммиграционных сообществ поверх существующих границ приводит к размыванию национальных идентичностей и зачастую стимулирует новые этнические, этнорелигиозные и этнополитические конфликты»².

Новейшей технологией является то, что В.А. Ачкасов называет интернационализацией этнорелигиозных и этнополитических конфликтов. Он пишет: «В современном глобальном — взаимосвязанном, взаимозависимом мире, все чаще происходит интернационализация внутригосударственных региональных этнических и этнополитических конфликтов, т.е. растет степень глобализации как самих конфликтов, так и внешнего вмешательства в него. Это обусловлено, в том числе и огромным дестабилизирующим потенциалом этнополитических конфликтов, в которые могут быть втянуты не только соседние государства, но и другие международные акторы»³.

В последние годы зарубежные акторы, использующие в технологиях дестабилизации этнорелигиозный фактор, не ограничиваются традиционными инструментами влияния и используют возможности, созданные глобализацией, информационным обществом, сетевым обществом, кризисом идеи секулярного мира. Особенностью сетевых обществ является множественность узлов управления, множественность альтернатив сетевой идентичности и рефератных групп. В этих условиях «постмодерная личность» (составляющая все большую часть общества), социализированная виртуальным сообществом, со свойственным ей пассивным отношением к реальности и некритичным восприятием информации в условиях ее переизбыточности легко становится объектом внешних влияний. Как следствие, возрастает

---

¹ См.: Ачкасов В.А. Новые факторы и акторы дестабилизации международных отношений. — URL: <http://polit.msu.ru/pub/XXI-2/4/00.pdf>

² Там же.

³ Там же.

потенциал политического влияния негосударственных, транснациональных акторов. Как отмечает Д.Г. Балуев, распространение Интернета обеспечило доступ миллиардам людей не только к огромному массиву информации, но и к возможности «выражать свое мнение и независимо от государства предпринимать коллективные действия»¹. Происходит это в альтернативных информационных пространствах, в которых взаимодействия не регулируются государством. Поэтому возникновение альтернативных пространств может составлять угрозу политической стабильности.

Мы определяем альтернативное информационное пространство как совокупность информационных ресурсов и баз данных, средств информационного взаимодействия, информационной инфраструктуры, акторов, функционирующих на основе общих принципов и обеспечивающих информационное взаимодействие и удовлетворение их информационных потребностей. Альтернативность информационного пространства выражается в предоставлении информации, использовании ресурсов и акторов, неподконтрольных государственным, находящимся вне сферы контроля государственной власти. В то же время для политической стабильности важно формирование общего информационного пространства на общих принципах и правилах. Однако доверие к нему, в ряде случаев, низкое и люди ищут информацию, «независимую» от влияния действующей власти, и таким образом попадают в альтернативные информационные пространства, где получают информацию, альтернативную официальной. В социальных сетях у них есть возможность совместного обсуждения этой информации, сравнения ее с официальной информацией. Участниками таких обсуждений могут стать одновременно миллионы людей. При условии появления лидера участников обсуждения возможно спровоцировать и вывести на активную стадию политического действия.

Исследование альтернативных информационных пространств возможно с помощью технологий мониторинга и анализа деятельности социальных медиа, гражданской журналистики и иных акторов вирту-

---

¹ См.: Балуев Д.Г. Политическая роль социальных медиа как поле научного исследования. — URL: http://ifets.ieee.org/russian/depository/v16_i2/html/18.htm

альных пространств. Современность показывает, что ландшафт СМИ трансформируется, перераспределяются роли и отношения: журналистами становятся обычные граждане, они формируют повестку дня, влияют на мнение других пользователей сетей, оказывают давление на власть, претендуя на самостоятельное принятие политических решений. Они получают доступ к технологиям коммуникации — новым медиа — и возможность создавать собственный контент, альтернативные сети распространения информации, чем разрушают монополию власти и традиционных СМИ на информацию и информирование.

Востребованность и успех социальных медиа объясняется тем, что Интернет несет в себе культуру свободы и олицетворяется со свободной коммуникацией, свободой образа жизни; тем, что новые информационно-коммуникативные технологии позволяют людям «общаться по-новому, и всем вместе делать что-то новое, что в свое время делали телеграф, телефон и телевидение» (Говард Рейнгольд)¹, а блогеры, хотя и не имеют финансовых, моральных, социальных или культурных рычагов для изменения конкретного политического поведения, предлагают своим читателям уникальную информацию, которая влияет на них (Клэй Ширки)². Специалисты отмечают, что «20 лет назад лидерами мнений были политики, звезды шоу-бизнеса, спортсмены, а общественный интерес был приятным побочным эффектом их основной деятельности. Сегодня не обязательно потеть на футбольном поле, чтобы заполучить миллионы поклонников. Сотни независимых лидеров мнений рождаются в социальных сетях каждый день, и это формирует новый рынок»³.

Успешность технологий внешних акторов влияния и вовлеченность людей в альтернативные информационные пространства следует связывать не только с внешними, экзогенными факторами, но и с эндогенными, внутрисистемными изменениями и проблемами.

---

¹ См.: Howard R. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier. — 2nd ed. — Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2000.

² См.: Clay S. Here Comes Everybody: The Power of Organizing Without Organizations. — Penguin Press, 2008.

³ См.: Битва за лидеров мнений: как блогеры стали выгоднее любой рекламы. — URL: <http://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/345727-bitva-za-liderov-mneniy-kak-blogery-stali-vygodnee-lyuboy-reklamy>

1.2.3. Критические проблемы обеспечения политической стабильности

Выделим проблемы, решение которых, на наш взгляд, является наиболее значимым для обеспечения стабильности политической системы в условиях современных изменений.

Во-первых, отставание политических институтов от социальных и экономических изменений, от темпов развития среды, что ведет к несвоевременности оценки эндогенных и экзогенных рисков и угроз, к медлительности в принятии решений, замедленности реакций политической системы на внешние влияния.

«Искусство совместной жизни» (С. Хантингтон) отстает от темпов потребности в политическом равенстве, «изменения подрывают традиционные источники политического авторитета и традиционные политические институты; они чудовищно усложняют проблемы создания новых оснований политического единства и новых политических институтов, соединяющих в себе легитимность и эффективность. Темпы социальной мобилизации и роста политической активности населения высоки; темпы политической организации и институционализации низки»¹. При этом, «чем выше темпы изменений в направлении современности, тем выше уровень политической нестабильности в статике или динамике»².

Отставание политических институтов наиболее явно проявляется в скорости принятия решений. Знаменитая фраза В.И. Ленина: «Вчера было рано, завтра будет поздно. Власть надо брать сегодня» — точно отражает суть данной угрозы стабильности системы. Для более глубокого понимания проблемы мы обратились к современным исследованиям динамических систем с временными задержками. В частности, Клавдий Грос (университет Гете, Франкфурт, Германия) показал, что со временем стабильность может быть сохранена путем поиска способов сокращения времени, в течение которого политические субъекты должны принимать решения и реагировать на пожелания граждан (особенно когда они сталкиваются с внешними потрясени-

---

¹ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — С. 64.

² Там же. — С. 45.

ями)¹. Мнения граждан сейчас формируются гораздо быстрее, чем когда-либо прежде, по сравнению с тем временем, которое связано с принятием политических решений. Время, которое политическая система берет для себя, чтобы реагировать на внешние потрясения, формально расходится в переломном моменте со временем формирования общественного мнения. Политическая нестабильность может развиваться после того, как суммарная временная шкала для эволюции политических ценностей электората опустится ниже 7—15 месяцев. Это означает, что для сохранения стабильных обществ могут потребоваться радикальные изменения в способах управления, связанные с уменьшением времени для принятия политических решений.

В качестве причин ускорения процесса формирования политических взглядов граждан К. Грос называет ускорение связей из-за Интернета и смартфонов. Собственно проблема скорости принятия решений в мире новых технологий была поставлена еще в 1960-е годы основоположником кибернетического подхода в теории систем Н. Винером, когда он написал: «...машины действуют много быстрее, чем люди, и много точнее в исполнении этих действий. ...несмотря на то что машины теоретически подвергнуты человеческой критике, такая критика может оказаться неэффективной будучи применима позднее, чем была уместна. ...Из-за медлительности человеческих действий эффективность контроля над нашими машинами может быть сведена к нулю»².

---

¹ Gros C. Complex and Adaptive Dynamical Systems. — Springer, 2015; Gros C. Entrenched time delays versus accelerating opinion dynamics: are advanced democracies inherently unstable? // Европейский физический журнал. — 2017. — № 90 (11). — URL: https://translate.googleusercontent.com/translate_c?depth=1&hl=ru&prev=search&rurl=translate.google.ru&sl=en&sp=nmt4&u=https://www.sciencedaily.com/releases/2017/11/171121095133.htm&usg=ALkJrhgnj_1xu7YptPpSKHhnlvlfXnQd-w Springer. «Правительственный ответный ключ для стабильных обществ: модели сложных систем показывают, что социально-политические неустойчивости настолько предсказуемы, что необходимость сокращения временной задержки в принятии политических решений явно очевидна». ScienceDaily. ScienceDaily, 21 ноября 2017. — URL: www.sciencedaily.com/releases/2017/11/171121095133.htm

² Wiener N. Some Moral and Technical Consequences of Automation // Science. New Series 7. — 1960. — Vol. 131. № 3410 (May 6). — P. 1355—1358. — URL: <http://www.nyu.edu/projects/nissenbaum/papers/Wiener.pdf>

Таким образом, с развитием новых технологий информационного общества актуализуется противоречие между ускоренным формированием общественного мнения, ценностной динамикой и замедленностью принятия решений политическими институтами, отсталостью политических институтов в части использования новейших цифровых технологий во взаимодействии с обществом. Разрыв темпов изменения общества и политических институтов, временные задержки реакций политических институтов могут стать внутривнутриполитическими причинами дестабилизации системы.

Во-вторых, политические институты еще не готовы полноценно взаимодействовать с обществом по новым правилам постмодерного, информационного, сетевого обществ. Они плохо умеют использовать новейшие ресурсы и инструменты с целью выполнения своих функций. Мало используются гибридные модели, сочетающие сетевые технологии работы в виртуальной и реальной средах. Политические институты недостаточно представлены в виртуальной среде, и пока плохо представляют, как в нее включиться с учетом того, что границы виртуальной среды выходят за рамки конкретных политических систем и для этой среды более характерны интернациональные, чем национальные отношения. В этом глубокое общественное противоречие, решение которого пока не предложено.

Пожалуй, самое сложное новое правило взаимодействия власти и общества рождается в условиях, описанных Ж. Бодрийяром: «...мы приходим к парадоксу, ...когда позиция субъекта стала несостоятельной, единственно возможной позицией является позиция объекта. И единственно возможная стратегия — это стратегия объекта. Здесь подразумевается не “отчужденный” объект, который находится в процессе “разотчуждения”, не поработанный объект, который отстаивает свое право на автономии субъекта, а такой объект, который бросает вызов субъекту, отправляет к его неразрешимой позиции субъекта»¹. В таких условиях (почти замещения объекта субъектом), на наш взгляд, формируется новое правило участия общества в политике — институты гражданского общества (добровольно и по своей инициативе) берут на себя функции политических институтов. Под гражданским обществом мы понимаем горизонтально структурированную сеть негосударственного типа.

---

¹ Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. — М.: Рипол-классик, 2017. — С. 164.

В-третьих, серьезной внутривнутриполитической проблемой является ослабление функции политической социализации. Как следствие, не усваиваются нормы и ценностные образцы политического поведения, не происходит интеграции людей в систему общественно-политических отношений, в общественно-политические общности. Политическая культура (как власти, так и общества) с трудом адаптируется к изменяющейся реальности. Если ослабление социализирующей функции политических институтов будет сочетаться с негативными факторами социализации (такие как непривлекательность образа жизни в стране, низкие доходы и качество жизни, закрытость фильтров профессиональной и социальной мобильности и др.), то возрастет риск десоциализации (особенно молодежи) внешними акторами, риск развития дезинтеграционных процессов внутри системы, готовности ее частей взаимодействовать с альтернативными центрами управления.

Ослабление функции политической социализации связано не только с состоянием самих институтов, проблемами идеологического воспитания, но с развитием новых общественных отношений власти и общества, в частности, вышеописанных изменений роли и функций гражданского общества; изменений, связанных с особенностями постмодерного общества и проявлениями постмодерной личности. Так, результаты исследования психологов А.Ш. Тхостова и К.Г. Сурнова показали, что чрезмерное использование современных технологий и современная культура (развлекательные телекоммуникационные технологии, например, реалити-шоу, веб-форумы, компьютерные игры, «глянцевые журналы») могут приводить к десоциализации¹.

На фоне происходящих изменений появляется новый эмпирический материал (цифровые следы), который уже нельзя игнорировать ни при научном исследовании проблематики политической стабильности, ни при подготовке аналитических материалов для разработки и принятия политических решений, ни при выборе технологий обеспечения политической стабильности. Цифровые гуманитарные науки (Digital Humanities) сформировались на стыке компьютерных и гуманитарных наук, объединяют методологии традиционных гуманитарных наук с

---

¹ Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации // Психологический журнал. — 2005. — Т. 25. № 6. — С. 16—24.

компьютерными науками, компьютерными инструментами, что открывает новые возможности сбора и визуализации данных, информационного поиска, интеллектуального анализа данных.

Придерживаясь основных позиций Манифеста Digital Humanities (принят на конференции ученых в Париже, 2010 г.)¹, считаем, что 1) «цифровая революция» современного общества видоизменяет и ставит под вопрос традиционные формы создания и распространения знаний; 2) цифровые методы исследований имеют значение для всех гуманитарных наук. Digital Humanities опираются на все научные парадигмы, знания и умения, накопленные каждой из соответствующих научных дисциплин, используя инструменты и перспективы, открывшиеся благодаря цифровым технологиям; 3) цифровые гуманитарные науки по определению междисциплинальны и несут в себе все методы, средства и перспективы познания, связанные с цифровыми технологиями в области гуманитарных наук; 4) цифровые технологии влияют на процесс и способы технологизации политического управления.

Вместе с тем мы не абсолютизируем Digital Humanities как методологическую основу исследований, а используем как инструмент, позволяющий определить технологии обеспечения политической стабильности на основе понимания цифровых технологий дестабилизации политических систем, технологий многосекторальной мобилизации, формирования мнений и убеждений у объектов внешнего влияния, технологий привлечения новых акторов внешнего влияния. Мы понимаем особенности Digital Humanities, о которых говорит Таллер Манфред (Manfred Thaller), профессор департамента «Информационные технологии в историко-культурных исследованиях» Кельнского университета (Германия): «1) акцент на инфраструктуру для Digital Humanities может затенять тот факт, что исследования, в конечном счете, обусловлены аналитическими методами и инструментами, а не только обеспечением необходимыми данными или публикацией исследовательского инструментария; 2) ИТ может поддерживать гуманитарные науки во многих формах и национальных традициях. Так, анализ текстов сейчас является наиболее активно обсуждаемой областью, что, однако, не должно закрывать более широкого взгляда на возможности Digital Humanities; 3) надвигающаяся “мобильная революция” может вновь

---

¹ Манифест Digital Humanities — URL: <http://tcp.hypotheses.org/501>

привести к повторению разрушительного процесса, происходившего в ходе ПК — и интернет-революций; 4) направлению Digital Humanities, возможно, придется сыграть более активную роль не только в восприятии технологий, но и в их развитии»¹. С учетом сказанного, считаем, что современные эмпирические исследования политической стабильности должны вестись с учетом подходов Digital Humanities, иначе от исследователя будет «ускользать» альтернативная реальность, несущая в себе потенциал дезинтеграции политических систем и влияющая на обеспечение политической стабильности.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что в изменяющейся реальности технологии обеспечения политической стабильности должны быть направлены на получение глубинного и пролонгированного эффекта. Без достижения такого эффекта политический центр будет вынужден использовать ситуативные технологии быстрого реагирования, направленные на достижение быстрых, но краткосрочных эффектов, не способствующих формированию факторов устойчивости политической системы при активных внешних влияниях.

В современных условиях важнейшими функциями технологий обеспечения политической стабильности являются не только функция преобразования реальности в соответствии с заданной целью и желаемым состоянием системы и функция организации рационального взаимодействия акторов политической системы, но и функция познания, накопления нового знания о возможностях технологизации процесса обеспечения политической стабильности; а также — управленческая функция, суть которой в управлении процессом формирования у общества и системного центра непротиворечивых и схожих оценок внешних влияний и адекватности методов их нейтрализации, адаптации или иных реакций. Технологии обеспечения политической стабильности должны базироваться на принципах адекватности степени угрозы внешних влияний; целесообразности применяемых методов, способов, ресурсов; соответствия актуальному контексту, национальным приоритетам и потребностям общества.

---

¹ Таллер М. Дискуссии вокруг Digital Humanities // Историческая информатика. — 2012. — № 1. — С. 5. — URL: http://kleio.asu.ru/2012/1/hcsj-12012_5-13.pdf

ГЛАВА 2

НЕСИЛОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ВНЕШНИХ ВЛИЯНИЙ И ДЕСТАБИЛИЗАЦИЙ

2.1. Современные технологии внешних дестабилизирующих влияний

2.1.1. *Теория и практика несиловых влияний внешних акторов*

Эволюция технологий внешних политических влияний проделала большой путь от прямого захвата территорий, заключения династических браков, революций, государственных переворотов, силовых угроз и санкций до технологий долгосрочного влияния на формирование будущих политических элит через системы образования, воспитания, культуры, информационную политику, постепенное ослабление политических институтов, подготовки акций ненасильственного гражданского сопротивления. Современные внешние влияния не заключаются только в формировании общественного мнения путем подконтрольных СМИ и Интернета, использования социальных сетей для многосекторальной мобилизации. Они предполагают влияние на систему мировоззрения, мотивацию политического поведения будущих элит и масс, формирование установок, идеологий, которые будут воспроизводиться политическими акторами, возможно, не сразу, а через несколько лет. Технологии политической дестабилизации являются политическими технологиями, так как в конечном итоге направлены на борьбу за власть, ее распределение, использование, удержание.

При исследовании сущности и значения дестабилизирующих внешних влияний мы исходили из того, что система может характеризоваться как стабильная, когда она способна сохранять интегративные качества, успешно отражать внешние угрозы и вызовы, способна

артикулировать, агрегировать и выражать интересы значимых групп населения. Под внешним дестабилизирующим влиянием понимаются воздействия зарубежных акторов, нарушающие интегративные качества системы, устойчивость, адаптивность, продуктивность, эффективность политической системы. Сущность внешнего влияния заключается в реализации интересов зарубежных акторов путем установления контроля над мнением и поведением масс и элит (и/или контрэлит), ресурсами, процессом принятия политических решений и его результатом. Результаты внешнего влияния проявляются в установлении контроля в точках принятых управленческих решений, контроля над политическим поведением масс и элит, процессом формирования общественного мнения в интересах зарубежных акторов (не совпадающих с интересами государств и политической власти, в отношении которых осуществляется влияние). Выражается политическая дестабилизация в итоге в разрушении и существенной трансформации политической системы. В этих целях используются различные средства (чаще — комплекс политических, экономических, культурных, социальных, информационных, организационно-управленческих, дипломатических, военных средств).

При исследовании внешних влияний мы используем понятие «внешний актор» — индивидуальный или коллективный активный субъект внешнего влияния, находящийся за пределами Российской Федерации (иностранные граждане, общественные организации, государства, надгосударственные объединения, транснациональные структуры и др.).

Внешние акторы играли и продолжают играть большую роль в политической дестабилизации, о чем свидетельствуют многочисленные исторические факты и говорится в исследованиях, посвященных революциям, государственным переворотам, путчам и иным формам политической дестабилизации. Практически во всех этих работах описана роль внешних акторов в политической дестабилизации. Открытыми формами политической дестабилизации могут быть классические и «цветные революции», государственные перевороты, «инфраструктурное» противоборство, иррегулярные (партизанско- и диверсионно-террористические) войны, регулярные войны, опирающиеся на концепции сетевого противоборства, «стратегического паралича» Дж. Уордена, «операций базовых эффектов» и «предрешения» конфликта Э. Смита

и др. Латентными формами политической дестабилизации могут быть политическая социализация (десоциализация) групп населения, подготовка лидеров общественного мнения, раскол правящей элиты и другие формы, которые чаще всего являются результатом применения технологий «мягкой силы».

Анализ трудов В.И. Ленина¹ и Л. Троцкого² позволяет сделать вывод, что более ста лет назад ими были описаны многочисленные формы дестабилизации и технологии, приведшие к революциям именно через заданную последовательность действий. Даже «инфраструктурная война» (infrastructure warfare) была предусмотрена технологиями русских революционеров с той разницей, что сегодня к видам такой войны относят еще и кибератаки (опасность которых обусловлена перенесением систем управления инфраструктурами в глобальную сеть при одновременной их слабой защищенности).

Технологии влияния внешних акторов характеризуются алгоритмичностью и повторяемостью (на одной и той же или разных территориях), что создает возможности для их анализа. Особенностью нашего времени является то, что в условиях правового ограничения деятельности внешних акторов в реальном политическом пространстве в государственных границах внешние акторы используют транснациональные (трансграничные) возможности, возможности интернет-пространства. То есть для установления своего влияния внешние акторы используют как традиционные (как правило, институты), так и новейшие акторы (появившиеся в условиях глобализации, развития информационного и сетевого обществ); как традиционные, так и новейшие технологии (ставшие возможными в результате развития цифровых технологий). Именно эти новейшие акторы и технологии вызвали наш исследовательский интерес.

Современные технологии политической дестабилизации отличаются от классических технологий использованием информационно-коммуникативных технологий и возможностей возникшего виртуального пространства. Новейшие технологии более гибкие, они затрагивают

---

¹ См.: Ленин В.И. Революция в России. 5 шагов к победе: сб. работ. — М.: Алгоритм, 2017.

² См.: Троцкий Л. Перманентная революция: сборник работ. — М.: АСТ, 2005; Троцкий Л.Д. История русской революции. Октябрьская революция. — М.: Вече, 2017.

психологическую и мировоззренческую сферы, поэтому противостоять им весьма сложно. С помощью этих технологий оказывается влияние на критически значимые элементы общественной системы, дисфункции которых способны спровоцировать политическую нестабильность. Например, в полиэтничных системах (как, например, Республика Крым, Татарстан и др.) таким критически значимым элементом могут стать этнические и религиозные отношения, а целевыми группами — этнические и религиозные группы. Внешние акторы интернационализируют этнорелигиозные конфликты, актуализируют конфликтный потенциал путем тенденциозной подборки содержательного контента посылаемых сообщений о якобы нарушениях или ограничениях прав и ущемлении интересов, рекрутируют акторов дестабилизации внутри системы, интернационализируют конфликт.

Обобщение материалов разных исследований позволяет нам выделить следующие технологии рекрутирования акторов дестабилизации: поиск и поддержка наиболее ущемленных в правах групп граждан; поиск среди них наиболее активных и лидеров; обучение (или иная подготовка) актива; развитие инфраструктуры, необходимой для дестабилизации; развитие и поддержка протестного движения; использование сетей для мобилизации потенциально готовых к протесту (сейчас часто — использование социальных сетей); проведение информационных кампаний, опережающих реакции действующей власти.

Современные технологии политической дестабилизации описаны в работах Дж. Ная (технологии «мягкой силы»)¹, Д. Шарпа² (технологии ненасильственного гражданского сопротивления (политического неповиновения)); Э. Люттвака³ (подробно рассматривающего технологии государственных переворотов и нейтрализации сил политического противника).

Суть «мягкой силы» (soft power) впервые была определена в 1990 г. в статье американского политолога Джозефа Ная младшего⁴, хотя сама

---

¹ См.: Най Д. Будущее власти. — М.: АСТ, 2014; Най Дж. Гибкая власть. — М.: Фонд социопрогностических исследований «Тренды», 2006.

² См.: Шарп Д. От диктатуры к демократии. — Екатеринбург: Нов. изд-во, 2005.

³ Люттвак Э.Н. Государственный переворот: практическое пособие. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015; Люттвак Э.Н. Стратегия: логика войны и мира. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015.

⁴ См.: Nye J. Soft power // Foreign Policy. — Washington. — 1990. — № 80.

концепция использования привлекательных образов (а не грубой силы) для того чтобы влиять на других, не нова (например, идеи мягкой силы в той или иной трактовке прослеживаются в учении Лао-Цзы, концепции гегемонии А. Грамши и др.).

«Мягкая сила» в трактовке Дж. Най рассматривается как способность «заставлять другого хотеть того же, чего хочешь ты»¹, «способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек»², привлекательность, с помощью которой можно «экономить на кнутах и на пряниках»³. Анализ работ Дж. Най показывает, что его взгляды на мягкую силу прошли определенную эволюцию, и он дает разные трактовки понятия, что некоторые британские исследователи оценивают как непоследовательность и путаницу⁴. В одной из последних работ Дж. Най определил мягкую силу как притяжение, как «способность влиять на других путем средств сотрудничества в формировании программы действий, убеждения и оказания позитивного привлекательного воздействия для достижения желаемого результата»⁵. При использовании мягкой силы «воздействие ценностей игрока может быть сродни сиянию, исходящему от “города на холме”». Эта привлекательность примера представляет собой пассивный подход мягкой силы. ...Игрок предпринимает активные усилия по созданию притягательности и мягкой силы путем разнообразных программ, включая народную дипломатию, вещание, обмена и поддержку»⁶.

Дж. Най относит мягкую силу к типу поведения⁷, при котором влияние оказывается через сотрудничество путем использования (чаще всего) нематериальных ресурсов (психологических, идеологических,

---

¹ Nye J. Soft power // Foreign Policy. — Washington, 1990. — № 80. — P. 167.

² См.: Най Дж. Soft power, или «мягкая сила» государства // Восток. — 2006. — № 5 (41). — URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1165.htm

³ Nye J. What China and Russia don't get about Soft Power // Foreign Policy. — 2013. — URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/04/29/what_china_and_russia_don_t_get_about_soft_power

⁴ Fan Y. Soft power: power of attraction or confusion? // Place Branding and Public Diplomacy. — 2008. — Vol. 4. № 2. — P. 147—158.

⁵ Най Дж. Будущее власти: как стратегия умной силы меняет XXI век. — М.: АСТ, 2014. — С. 56.

⁶ Там же. — С. 168.

⁷ Там же. — С. 56.

культурных и др.). В то время как твердая сила — это приказ (принуждение, угроза, подкуп, санкции, заигрывание, убеждение, привлечение), для реализации которого чаще всего используются материальные ресурсы — вооруженные силы и деньги.

Дж. Най описывает технологии прямого влияния (через элиты) и модели косвенного, двухступенчатого влияния (через общественность и третьих лиц). Например, акторами мягкой силы становятся историки и журналисты (при сортировке фактов и объяснении причин), социологи и политологи (при проведении опросов общественного мнения и интерпретации действительности), которые передают не всю информацию, а информацию в соответствии с целевыми установками. Результатом реализации обеих моделей в итоге является создание обстановки, способствующей принятию решения в интересах воздействующего и встраиванию людей в «сложные структуры культурных, общественных отношений, и так или иначе соотносятся с силой, оказывающей воздействие и сдерживающей их»¹.

Иными словами, технологии «мягкой силы» (в отличие от принуждения против воли) способны установить такую форму политической власти, при которой желаемые результаты достигаются путем сотрудничества на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности. Инструментами такого влияния становятся культура, образование, наука, спорт, язык, СМИ и др.

Несмотря на успешность применения мягкой силы для дестабилизации политической ситуации, Дж. Най в одной из последних работ приходит к выводу, что мягкая сила не есть решение всех проблем. Он вводит понятие «умная сила» — «сочетание твердой силы для понуждения и возмездия с мягкой силой в виде убеждения и притяжения»².

Таким образом, сутью мягкой силы является сотрудничество и Най говорит о внешнем влиянии через сотрудничество. Как показывают события последних лет, внешние акторы начинают сотрудничать либо с силами сопротивления, либо с режимом против сил сопротивления. Часто действующие режимы сами ищут поддержку

---

¹ Най Дж. Будущее власти: как стратегия умной силы меняет XXI век. — М.: АСТ, 2014. — С. 46.

² Там же. — С. 18.

среди внешних акторов ради сохранения власти, как и силы сопротивления ищут внешнюю поддержку вовне (в отсутствии достаточной внутренней поддержки).

При этом другой автор — Д. Шарп — говорит об эффективности технологий внешнего влияния только при условии внутренней дестабилизации. Несотрудничество и неповиновение создает благоприятные внутренние условия для внешних влияний. Он пишет: «Основные силы борьбы должны действовать изнутри самой системы. Размеры и само наличие международной помощи стимулируются внутренней борьбой»¹. Международное общественное мнение и международная помощь — лишь скромное дополнение к главному — внутреннему сопротивлению. Институциональную основу этой борьбы составляют множественные независимые от государства неправительственные группы и институции, которые отказываются сотрудничать с действующим режимом, что в итоге лишает его источников силы, ресурсов власти и нарушает способность интегрировать все элементы системы.

Собственно идеи Д. Шарпа не новы, так как основы ненасильственного сопротивления были сформулированы еще в философии сатьяграха М. Ганди² и концепции Г. Торо³. Однако Шарп вывел их на технологический уровень, на уровень «методических рекомендаций». О том, где и как они применялись, не раз писал в своих публикациях Т. Мейсан⁴. Абстрагируясь от того, что М. Ганди писал о насильственном сопротивлении против колониальной Британской империи, а Д. Шарп — против диктатур, отметим положения, наиболее значимые для нашего исследования.

Смысл несотрудничества и неповиновения в том, чтобы лишить власть ресурсов и поддержки, ибо «любое правительство может пра-

---

¹ См.: Шарп Д. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения. — М.: Новое издательство, 2012. — URL: <https://www.litres.ru/dzhin-sharp/ot-diktatury-k-demokratii-strategiya-i-taktika-osvobozhdeniya/>

² См.: Ганди М. Революция без насилия. — М.: Алгоритм, 2012. — 480 с.

³ См.: Торо Г. Эссе о гражданском неповиновении. — URL: <http://www.inliberty.ru/library/101-o-grazhdanskom-nepovinoenii>

⁴ См.: Мейсан Т. Институт Альберта Эйнштейна: отказ от применения насильственных методов в версии ЦПУ. — URL: <http://www.voltairenet.org/Institut-Alberta-Ejnshtejna-otkaz#nb2>; Мейсан Т. Преступления глубинного государства. — М., 2017.

вить постольку, поскольку источники его силы пополняются сотрудничеством, подчинением и послушанием отдельных людей и общественных институций». Политическое неповиновение перекрывает эти источники власти. На определенном этапе силы неповиновения получают международную поддержку. Шарп считает, что «мировое общественное мнение, осуждающее режим, можно мобилизовать на гуманитарных, нравственных и религиозных основаниях» и надо «позаботиться, чтобы правительственные и международные организации применили дипломатические, политические и экономические санкции против режима»¹. Подход Шарпа показывает, что фокусирование на моральных и религиозных аспектах позволяет избежать обсуждения легитимности действий внешних акторов.

Технологии политического неповиновения позволяют изменить глубинную ситуацию в обществе. Д. Шарп описывает всю технологическую цепочку политической дестабилизации укрепления решимости, уверенности, способности к сопротивлению, укрепления независимых оппозиционных групп и институтов, разработки генеральной стратегии и стратегических планов до консолидации всех сил и институтов сопротивления для мощного внутреннего сопротивления. Он рекомендует использовать институциональные базы, при помощи которых можно оказывать давление на власть или ей сопротивляться, достигая кумулятивного эффекта, при котором режимы сталкиваются с пределами своего контроля. По мере укрепления оппозиционных гражданских институций люди институализируют отношения за пределами контроля институтов власти, перекрывают источники силы режима, без возобновления которых он ослабеет и в конце концов рухнет.

Д. Шарп подробно описывает 198 методов борьбы², разделив их на три группы: 1) протест и убеждение, 2) отказ от сотрудничества, 3) вмешательство (в том числе «параллельное самоуправление»). В любом случае главное — не признавать легитимности власти и отказываться под разными предлогами от политического, экономического (вплоть до саботажа на рабочих местах), идеологического и иного сотрудничества с режимом. Д. Шарп пишет: «Дисциплина ненасильственных дей-

---

¹ См.: Шарп Д. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения. — М.: Новое издательство, 2012. — URL: <https://www.litres.ru/dzhin-sharp/ot-diktatury-k-demokratii-strategiya-i-taktika-osvobozhdeniya/>

² Там же.

ствий — ключ к успеху, и ее надо поддерживать, невзирая на провокации и жестокость диктаторов или их агентов», не следует переходить к насильственным действиям — в плоскость отношений, где власть заведомо сильнее. Любые силовые действия приводят к централизации, а для технологий Шарпа главное — это разложение. Технологии политического неповиновения, описанные Д. Шарпом, по сути своей, парализуют власть и приводят к тому, что институты власти не могут использовать свои инструменты и ресурсы для интеграции и решения проблем, совершают интеллектуальные и организационные ошибки. Силы сопротивления расширяются до пределов неповиновения армии, полиции, сил безопасности, части экономических, политических, духовных (например, религиозных) элит. С этого момента можно говорить, что режим потерял всякую способность оставаться стабильным.

Технологии нейтрализации сил, поддерживающих политические режимы, описаны в работах Э. Люттвака. Раскрывая технологии государственных переворотов и нейтрализации сил политического противника, он отмечает: «...свержение правительства — дело нелегкое. Правительство будут защищать не только профессиональные охранные структуры государства — вооруженные силы, полиция и службы безопасности. Его поддержит и целый спектр различных политических сил. В развитом демократическом обществе сюда входят политические партии, группы по интересам, региональные, этнические и религиозные группировки. Их взаимодействие и взаимная оппозиция находят выражение в балансе сил, который в определенной степени и отражает правительство»¹. Э. Люттвак характеризует государственный переворот как «...процесс, во время которого нейтрализуются вооруженные силы и другие средства подавления, а политическим силам навязывается временная пассивность»². Он говорит и о необходимости нейтрализации влиятельных неполитических акторов, которые в определенный момент могут сыграть существенную политическую роль и помешать процессу дестабилизации. На примере революции 1917 г. в России он показывает, как Викжель (Всероссийский исполнительный комитет профсоюза железнодорожников, по сути своей неполитическая сила)

---

¹ Люттвак Э.Н. Государственный переворот: практическое пособие. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. — С. 56.

² Там же.

сыграл ключевую роль в поражении путча Корнилова, не разрешив перевозить их солдат к Петрограду, а затем обездвижил армию Краснова. Таким образом, Люттвак показывает, как акторы, контролирующие инфраструктурные объекты, системы жизнеобеспечения могут играть значительную роль в политической дестабилизации. Поэтому важно идентифицировать такие акторы, оценить их реальную силу влияния и, при необходимости, нейтрализовать их лидеров и руководящие центры. Собственно большая часть технологий, предложенных Э. Люттваком, направлена на нейтрализацию противоборствующих акторов, особенно правительства и сил, потенциально его поддерживающих. В современных условиях Э. Люттвак предлагает наименее болезненный путь — захватить власть изнутри существующей системы, оказывая разлагающее влияние на силы правительства изнутри.

Большая часть экспертов отмечает, что наиболее эффективны гибридные технологии¹, т.е. сочетание технологий мягкой и жесткой силы. Гибридные технологии прослеживаются в гражданском сопротивлении, вооруженном и «инфраструктурном» противоборстве. Методы противостояния таким технологиям рассматриваются в диссертации А.С. Семченкова². Гибридные технологии предполагают использование информационных технологий, часть которых трудно отнести к «мягким». Например, кибератаки. Они приводят к тому, что интенсивно развиваются наступательные информационные технологии, так как «предпринимать кибератаки легче, чем защищаться от них» (Г. Киссинджер)³.

---

¹ Клименко С. Теория и практика ведения «Гибридных войн» (по взглядам НАТО) 2015 // Зарубежное военное обозрение. — 2015. — № 5. — С. 109—112; Murray W., Mansoor P.R. Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present. — Cambridge University Press, 2012. — URL: https://books.google.ru/books?id=LAUuqR4BcpgC&pg=PA1&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false; Grant Greg. Hybrid Wars — URL: <https://cdn.govexec.com/b/interstitial.html?v=8.8.0&rf=http%3A%2F%2Fwww.govexec.com%2Fmagazine%2Ffeatures%2F2008%2F05%2Fhybrid-wars%2F26799%2F>

² См.: Семченков А.С. Противодействие современным угрозам политической стабильности в системе обеспечения национальной безопасности России: дис. ... д-ра полит. наук. — М., 2012. — URL: <http://www.dissercat.com/content/protivodeistvie-sovremennym-ugrozam-politicheskoi-stabilnosti-v-sisteme-obespecheniyatsio#ixzz55BHGlwyF>

³ Киссинджер Г. Мировой порядок. — М.: АСТ, 2016. — С. 448.

Обратим особое внимание на «поведенческие технологии» дестабилизации, пришедшие в политическую практику из маркетинга и имеющие большой манипуляторный потенциал. Они используют данные об объектах влияния, собранные в социальных сетях. Как правило, это технологии сбора и обработки больших данных (*big data* — структурированная или неструктурированная информация о сетевой активности и характеристиках объектов влияния). Одна из таких технологий — *nudge* — описана специалистами по поведенческой экономике Ричардом Талером (лауреатом Нобелевской премии по экономике 2017 г.) и Кассом Санстейном¹. Однако используется не только в регулировании социально-экономического, но и политического поведения. Субъекты влияния сохраняют для объектов влияния свободу выбора, но при этом указывают им определенное направление действий, позволяя им сделать собственный выбор.

Инструментами влияния при использовании поведенческих технологий становятся социальные сети и социальные медиа, которые формируют сетевые, множественные идентичности (часто противостоявшие реальной, национальной, гражданской идентичностям). Исследователи сетевой идентичности считают, что она не порождается сама собой в процессе взросления и старения, а конструируется с тем, чтобы быть эксплицитно презентированной другим². Сетевые идентичности могут быть ложными по сравнению с реальными идентичностями, что затрудняет выявление и идентификацию индивидуальных акторов, оказывающих дестабилизирующее влияние или готовящих дестабилизирующие акции.

Таким образом, к настоящему моменту внешними акторами разработаны и апробированы многочисленные технологии влияния на внутрисполитические процессы в других государствах. Для разработки технологий противодействия таким влияниям и превентивных технологий следует проанализировать причины эффективности этих технологий. Под эффективностью дестабилизирующих технологий мы понимаем успешное достижение цели дезинтеграции системы, политиче-

---

¹ См.: Талер Р., Санстейн К. *Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье.* — М., 2017.

² Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Журнал Высшей школы экономики. — 2013. — Т. 10. № 2. — С. 98—121.

ской дестабилизации и политических изменений в интересах внешних акторов при минимальных затратах ресурсов и без применения вооруженных способов захвата.

2.1.2. Гипотезы о причинах эффективности современных дестабилизирующих технологий

Попытки понять причины эффективности современных дестабилизирующих технологий предпринимаются не только в российских, но и в зарубежных исследованиях¹. Анализ эмпирического материала показывает, что зарубежные акторы наращивают свой транснациональный потенциал и используют возможности виртуальной среды лучше, чем институты, подконтрольные государственной власти. Однако цифровые технологии, сами по себе, это всего лишь способы коммуникации, не приводящие к политической дестабилизации. Необходим комплекс эндогенных и экзогенных условий, при которых эти технологии будут успешными.

Гипотеза первая: недемократические режимы дестабилизировать легче, так как под внешнее влияние попадают группы и индивиды, не довольные состоянием политической жизни, а именно — невозможностью на регулярной основе влиять на принятие политических решений, представлять интересы разных групп общества в органах власти, свободно высказывать свои политические взгляды. Как правило, оппоненты действующей власти ссылаются на западные модели демократии, как образцы выстраивания отношений власти и общества. Обратившись к современным зарубежным исследованиям (потому что именно на зарубежные исследования чаще всего ссылаются критики российской политической системы), мы выявили, что мнения зарубежных авторов относительно роли демократии как фактора стабилизации противоречивы.

Несмотря на многочисленные трактовки демократии, обратим внимание на определение Тавареса и Вачиарга: демократия — это набор

---

¹ См.: Blogwars by David D. Perlmutter. — New York: Oxford University Press, 2008; Diminescu D., Jacomy M., Renault M. Study on social computing and immigrants and ethnic minorities: Usage trends and implications. — 2010. — URL: <ftp://jrc.es/pub/EURdoc/JRC55033.pdf>; Benkler Y. The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom. — New Haven; London: Yale University Press, 2006.

правил и процедур, которые регулируют передачу политической власти и свободное выражение разногласий на всех уровнях общественной жизни¹. С этих позиций политическую стабильность следует рассматривать в контексте развития институциональной среды, поскольку она является следствием институциональной устойчивости и выполняет интегрирующие функции. Наименее подвержены дестабилизирующим влияниям страны с более надежными и прочными институтами, способными эффективно управлять конфликтами между противоборствующими группами. Эффективное распределение ограниченных ресурсов (принимая во внимание межвременные решения, такие как инвестиции, сбережения, займы или исследования и разработки) требует эффективных экономических институтов, которые не возникают спонтанно из разумных индивидуальных интересов. Степень эффективности этих учреждений является продуктом качества политических институтов.

По мнению Альтмана, в сильных институционализированных демократических государствах политическая система является наиболее стабильной и предсказуемой относительно своей внутренней и внешней политики. В частично демократических и переходных (транзитных) государствах политическая система наиболее проблематична и непредсказуема². В демократическом обществе стабильность достигается эволюционным путем. Гарантией политической стабильности выступает сама демократическая политическая система и средний класс.

Д. Норт утверждает, что: «...основная роль институтов в обществе заключается в уменьшении неопределенности путем создания стабильной (но не обязательно эффективной) структуры для взаимодействия с людьми. Общая стабильность институциональной структуры делает возможным комплексный обмен в пространстве. Этот набор характеристик стабильности никоим образом не гарантирует, что институты, на

---

¹ См.: Tavares J., Wacziarg R. How Democracy Affects Growth. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0014292100000933>; Nahed Z. Do Political Stability and Democracy Increase National Growth? — 2017. — URL: <https://www.omicsonline.org/peer-reviewed/do-political-stability-and-democracy-increase-national-growth-evidencernfrom-african-countries-using-the-gmm-method-87592.html>

² Altman M. The transition process from alternative theoretical prisms // Economist. — 2009. — № 36 (7). — С. 54.

которые опирается, эффективны, хотя стабильность может быть необходимым условием взаимодействия человека, но это, безусловно, не является достаточным условием эффективности»¹.

3. Нахед (Высшая школа бизнеса Сфакса, Тунис) по результатам анализа данных из 31 страны за период 1986—2014 гг. подтвердил позитивное и статистически значимое влияние демократии и политической стабильности исследуемых стран². Причина в том, что демократия предполагает принятие эгалитарной точки зрения, которая облегчает доступ к принятию решений самых бедных слоев общества и вызывает некоторое перераспределение доходов в экономике³. Некоторыми учеными доказано, что демократизация ведет к увеличению ВВП на душу населения на 0,005%⁴.

Несколько исследований показывают, что демократическое правление приводит к развитию человеческого потенциала, улучшению кадровых ресурсов общества и тем самым уменьшает число протестно настроенных граждан⁵. Из-за характера долгосрочного человеческого капитала, чем дольше будет демократия, тем более важным будет ожидаемое воздействие на человеческий капитал⁶.

Родрик подчеркивает, что демократии, основанные на участии, обеспечивают лучшее качество роста, позволяя в долгосрочной перспективе обеспечить большую предсказуемость и стабильность, будучи более сильными перед внешними потрясениями и обеспечивая лучшие

---

¹ См.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и экономические показатели. — Cambridge University Press, 1990. — URL <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/6310>

² См.: Nahed Z. Do Political Stability and Democracy Increase National Growth? // Journal Glob Econ. — 2017. Vol. 5. — P. 242. — URL: <https://www.omicsonline.org/peer-reviewed/do-political-stability-and-democracy-increase-national-growth-evidencernfm-from-african-countries-using-the-gmm-method-87592.html>

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Saint-Paul G., Verdier T. Education, democracy and growth. — 1993. — URL: https://www.isid.ac.in/~tridip/Teaching/DevEco/Readings/11Education/Saint-Paul&Verdier_JDE1993.pdf; Sturm J.E., Haan J. How robust is the relationship between economic freedom and economic growth? // Applied Economics. — 2001. — Vol. 33. Issue 7. — P. 839—844.

⁶ Guiso L., Sapienza P., Zingales L. The Role of Social Capital in Financial Development // American Economic Review. — 2004. — Vol. 94. № 3. — P. 526—556.

результаты распределения. Демократические институты помогут рынкам работать «отлично», как предполагалось в неоклассических экономических моделях. Расширение этих аргументов связано с каналом «волатильности», который также оказался важным косвенным эффектом демократии для экономического роста¹.

Р. Сах также утверждал, что авторитарные режимы имеют более неустойчивую работу, чем демократические страны². С другой стороны, недемократические режимы не являются однородными³, тогда как демократии более однородны и могут обеспечить стабильный прогресс.

Следует отметить, что результаты исследований связи демократии и политической стабильности не однозначны. Например, Мансур Олсон подчеркивает возможность политического тупика в демократии и предполагает, что политика групп интересов в демократии может привести к застою⁴. Барро считает, что «больше политических прав не влияет на рост»⁵, а, следовательно, не создает экономическую основу стабильности. Нет систематической связи между долгосрочным ростом и демократическим или авторитарным характером политического режима. В работе Алезина Альберто, Сула Озлера, Нуриеля Робини и Филиппа Швагеля приводятся примеры некоторых исследований, в которых утверждается, что политические деятели демократического правительства под-

---

¹ Sah R.K. Fallibility in Human Organizations and Political Systems // *The Journal of Economic Perspectives*. — 1991. — Vol. 5. № 2. — P. 67—88.

² Quinn D.P., Woolley J.T. Democracy and National Economic Performance: The Preference for Stability // *American Journal of Political Science*. — 2001. — Vol. 45. № 3. — P. 634—657.

³ Alesina A., Perotti R. The Political Economy of Growth: A Critical Survey of the Recent Literature (English). — URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/383001468764673841/pdf/multi-page.pdf>; Alberto A., Ozler S., Roubini N., Swagel P. Political Instability And Economic Growth // *Journal of Economic Growth*. — 1996. — Vol. 1. Issue 2. — P. 189—211. — URL: https://econpapers.repec.org/article/kapjecgro/v_3a1_3ay_3a1996_3ai_3a2_3ap_3a189-211.htm; De Haan J., Siermann. New Evidence on the Relationship Between Democracy and Economic Growth // *Public Choice*. — 1996. — № 1/2. — P. 175—198.

⁴ Olson M. *The Rise and Decline of Nations*. — Yale University Press, 1982.

⁵ См.: Robert J. Barro. *Determinants of Economic Growth: A Cross-Country Empirical Study*. — MIT Press Books, The MIT Press, 1998. — Vol. 1. № 0262522543. — URL: <https://www.nber.org/papers/w5698>

вержены влиянию групп интересов, что не способствует стабильности, а создает благоприятные условия для внешних влияний. Демократический режим часто замедляет экономический рост, а авторитарные режимы склонны его стимулировать. Связь высокого экономического роста с авторитарными режимами показывает опыт нескольких авторитарных «технократических» режимов (например, в Корее, Тайване, Индонезии, Турции, Чили)¹.

Таким образом, современные зарубежные исследователи имеют противоречивые данные относительно роли демократии в противостоянии внешним дестабилизирующим влияниям. Прав был С. Хантингтон, когда писал: «Самым важным, что отличает одну страну от другой в политическом отношении, является не форма правления, а степень управляемости»². Это ни в коей мере не означает, что для обеспечения стабильности мир должен двигаться в сторону авторитарных режимов. Скорее всего, противоречия, выявленные зарубежными авторами, следует учитывать при выборе и формировании той или иной модели демократии в конкретных исторических условиях.

Гипотеза вторая: причиной эффективности технологий внешних акторов является слабость правительств и раскол политической элиты, усиление контрэлиты и установление ею контроля над частью ресурсов, необходимых для завоевания и удержания власти. По мнению ряда ученых, внешние влияния не были бы эффективными, если бы правительства стран были сильными, а элиты сплоченными. Например, О.Ф. Шабров, анализируя причины распада СССР, приходит к выводу, что внутривнутриполитические процессы также вели к разрушению политической системы, как и внешние влияния. Было бы слишком просто объяснять распад СССР только дестабилизирующим влиянием зарубежных акторов.

О стабилизирующей роли элит писали В. Парето (доказывая необходимость циркуляции элит как условие политической стабильности), М. Вебер (рассматривая роль государственной бюрократии в политической стабильности), В.И. Ленин (анализируя партии как политиче-

---

¹ См.: Alberto A., Ozler S., Roubini N., Swagel P. Political instability and economic growth // Journal of Economic Growth. — 1996. — № 1 (2). — URL: https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/4553024/alesina_instabilitygrowth.pdf?sequence=2

² Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — С. 29.

ские институты, позволяющие артикулировать, выражать и защищать интересы разных общественных групп в правовом поле).

Среди новых исследований роли политических элит в обеспечении стабильности отметим диссертацию И.Г. Медведева о деятельности политической и военной элиты государства. Автор утверждает, что в современном динамичном мире одним из самых быстрых путей обеспечения стабильности и национальной безопасности страны является подготовка и выдвижение компетентной национальной элиты¹. Как будет показано в следующих разделах нашей работы, именно на подготовку политической элиты были направлены технологии зарубежных акторов в Крыму в 1991—2014 гг.

Слабое правительство как причина эффективности дестабилизирующих влияний, постоянно находящееся под угрозой потери должности, может быть особенно чувствительно к потребностям лоббистов и групп давления, что ведет к более прямому воздействию деятельности по поиску ренты в политических решениях. В этом контексте интересен вывод Эдварда Джонсона (Лондонский Университетский колледж). Исследуя политическую жизнь Украины, он пишет: «Внешнее влияние на волнения на Украине преувеличивается. Гибель десятков граждан и полицейских на киевских улицах — не следствие какой-то геополитической схватки России с Западом, а просто результат крушения легитимности правительства, которое было внутренне нестабильным, коррумпированным, бандитским»². Группа олигархов во главе с Ринатом Ахметовым, политическим «крестным отцом» Януковича, стремилась на европейские рынки и «всегда остерегала от применения силы к протестующим, так как опасалась международных санкций и экономической изоляции». При этом к сближению с Россией олигархи относятся опасно — «боятся, что их абсорбирует российская бизнес-элита, и они растеряют свое политическое влияние»³.

Российский исследователь О.В. Семченко на примере Украины отмечает, что «политическая жизнь в современных демократических обществах

---

¹ См.: Медведев И.Г. Политическая стабильность как фактор национальной безопасности России: дис. ... канд. полит. наук. — Кемерово, 2003.

² См.: Джонсон Э. За кровь на Украине не вините Россию: это была битва за власть между правящими элитами. — URL: <https://newrepublic.com/article/116719/ukraine-violence-dont-blame-russia-blame-yanukovich-regime>

³ Там же.

отличается высоким уровнем коммерциализации политических решений. Большая часть решений, принимаемых органами государственной власти, не всегда отражают мнение общества. Так, например, реформы в сферах здравоохранения, образования, социальной политики, как правило, не имеют поддержки населения. В результате этого основная часть граждан ограничена в своих правах на участие в социально-политической жизни государства, а власть становится собственническим ресурсом нескольких групп, использующих демократические инструменты в своих личных интересах. Ведь известно, что неучастие общества в реализации социальных проектов ведет к неустойчивости политической системы¹.

Иными словами, если политическая элита слабая, некомпетентная, коррумпированная — это может быть выгодно использовано актерами, дестабилизирующими ситуацию. Даже сильный правитель, совершивший революцию, вряд ли преуспеет, если будет действовать только в пользу рыночной деятельности или экономических сил, способствующих его приходу к власти. Связанные с этим направлением исследования, в частности работы А. Шлейфера и Р. Виши, К. Мерфи, А. Шлейфера, Р. Виши, подчеркивают негативные последствия для стабильности «рентабельной деятельности правительств».

Гипотеза третья: низкие темпы экономического роста и низкий уровень жизни способствуют политической дестабилизации. Экономический рост рассматривается как фактор стабильности и наоборот: политическая стабильность — есть условие экономического роста. Например, Гийям-Бремпон и Трейнор², на эмпирическом материале доказали, что никакая местная или международная компания не сделает инвестиции в стране, где политический климат характеризуется постоянными изменениями и значительной неопределенностью³. Неопределенность в функционировании различных институтов, в том числе рынка труда, экологических норм и рынка электроэнергии, оказывает воздействие на экономические циклы, на короткий и длительный экономический

---

¹ См.: Семченко О.В. Информационное обеспечение стабильности политической системы, политического режима, общества. — URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2015/04/05/>

² Barro R.J. Determinants of economic growth: a cross-country empirical study. — Cambridge, MA: MIT Press, 1997.

³ Fosu A.K. Political Instability and Economic Growth // Implication of Coup Events in Sub-Saharan Africa. — 2002. — P. 329—348.

рост¹. А в условиях экономического спада, как следствие, недовольства государственной властью, подверженность населения внешним влияниям повышается. Барро показал связи числа революций и политических убийств в условиях экономического спада или роста².

Нахед Згиди считает, что исследования эндогенных аспектов переменных политики следует вести с учетом влияния экономических факторов на институциональную сферу³. Он показывает, что увеличение политической стабильности на 1% предполагает рост ВВП на душу населения на 0,058%⁴.

Джеймс Файрон и Дэвид Лайтин придерживаются такой же гипотезы и показывают, как экономические факторы играли важную роль в Чаде, Судане и Сомали в условиях политического насилия⁵. Ссылаясь на индекс международного странового риска и статистические показатели развития страны, они доказывают, что внутренняя политическая стабильность Судана снизилась на 15% в 2014 г. по сравнению с предыдущим годом. Это снижение произошло после снижения темпов роста доходов на душу населения с 12% в 2012 г. до 2% в 2013 г. В отличие от того периода, когда рост доходов на душу населения в 1997 г. увеличился по сравнению с 1996 г., оценка политической стабильности в Судане в 1998 г. увеличилась более чем на 100%. Авторы исследования пришли к выводу, что политическая стабильность в течение любого конкретного года зависит от роста доходов в предыдущем году.

Исследования экономистов Пола Колье и Анке Хеффлер в 1998 и 2002 гг. показывают, как экономические (медленный рост доходов и зависимость от природных ресурсов) процессы могут объяснить политические потрясения⁶. Результаты исследований указанных авторов показали, что низкий доход на душу населения стал значительным поводом для гражданских беспорядков. С этих позиций политическая стабиль-

---

¹ Azam J.P., Berthelemy J.C., Calipel S. Ricque politique et croissance en Afrique // *Revue Economique*. — 1996. — P. 819—829.

² Barro R.J. Economic Growth in a cross section of countries // *Quarterly Journal of Economics*. — 1991. — Vol. 106. № 2. — P. 407—443.

³ См.: Nahed Z. Do Political Stability and Democracy Increase National Growth? — 2017. — URL: <https://www.omicsonline.org/open-access/do-political-stability-and-democracy-increase-national-growth-evidencefrom-african-countries-using-the-gmm-method-2375-4389-1000242.php?aid=87592>

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

ность прямо связана с экономической эффективностью государственной власти и уровнем жизни населения.

Вместе с тем Алезина Альберто, Сул Озлер, Нуриель Робини и Филип Швагель (исследовав взаимосвязь между политической нестабильностью и ростом ВВП на душу населения в 113 странах за период 1950—1982 гг.)¹ пришли к выводу, что экономические факторы влияют на государственные перевороты, однако: 1) низкий экономический рост (актуальный для исследуемого периода) не может повысить склонность к государственным изменениям; 2) авторы не нашли доказательств того, что экономический рост существенно различается, когда авторитарные режимы сравниваются с демократиями; 3) авторы выявили, что политическая нестабильность имеет тенденцию повторяться, поскольку возникновение частых нестабильностей (в том числе государственных переворотов) увеличивает вероятность дополнительных обрушений.

Сомнения относительно доминирующей роли экономических факторов выразил и Всемирный банк, признав, что экономические показатели не смогли предсказать «арабскую весну». В тот период обычные показатели экономической эффективности, такие как валовой внутренний продукт, торговля, прямые иностранные инвестиции, показали более высокий экономический рост и глобализацию стран «арабской весны» за десятилетие. Тем не менее в 2010 г. в регионе наблюдались беспрецедентные восстания, вызвавшие крах режимов, например, в Тунисе, Египте, Ливии.

Таким образом, гипотеза о связи экономических факторов с политической дестабилизацией пока еще остается гипотезой. Несомненно, экономический рост и рост уровня жизни населения укрепляет позиции действующей власти, однако не является самодостаточным условием противостояния дестабилизирующим влияниям. Соглашаясь с Ф. Фукуямой, отметим: непонимание того, что основы экономического поведения лежат в области сознания и культуры, приводит к распространению заблуждения, при котором материальные причины приписывают тем явлениям в обществе, которые по своей природе в основном принадлежат области духа².

---

¹ Alberto A., Ozler S., Roubini N., Swagel P. Political instability and economic growth // Journal of Economic Growth. — 1996. — № 1 (2). — P. 189—211. — URL: https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/4553024/alesina_instabilitygrowth.pdf?sequence=2

² См.: Fukuyama F. Culture Matters. How Values Shape Human Progress / Ed. by L.E. Harrington, S.P. Huntington. — New York, 2000.

Гипотеза четвертая: системы с долей молодых людей более 20% легче поддаются дестабилизации. Именно молодежь, наиболее радикально настроенная часть общества, лучше владеет цифровыми технологиями, является активными пользователями социальных сетей и потребителями информации из социальных медиа. Именно молодежь оставляет более всего «цифровых следов», которые возможно анализировать и использовать в интересах субъектов влияния. Но самым важным является то, что большая часть молодежи еще слабо социализирована, она не встроена в системные связи с государством и властью, не зависит от государственных благ и сомневается (или не задумывается), получит ли она их вообще. Это позволяет зарубежным акторам использовать молодежь против действующей власти.

Современные политические потрясения показывают, что молодые люди проявили особую активность в «бульдозерной революции» в Югославии (2000 г.), «революции роз» в Грузии (2003 г.), «оранжевой революции» в Украине (2004 г.) и в дальнейших политических протестах вплоть до настоящего времени; «зеленом движении» в Иране (после президентских выборов 2009 г.); во время «арабской весны» (с 2011 г.). Однако это не является веянием времени, значение молодежи в политических изменениях было раскрыто значительно раньше.

О роли молодежи в революционных процессах писали в своих политических работах еще К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин, Д. Голдстоун, анализируя революционные волны, прокатившиеся по Евразии в середине XVII и конце XVIII в. Они рассматривали молодежь как центральный фактор перемен. Заметное увеличение доли молодежи совпало с этим «веком демократической революции»¹. Герберт Мюллер утверждает, что в 1920-е годы увеличившаяся доля молодежи обеспечила кадрами экстремистские движения и фашизм². С. Хантингтон пишет, что всплеск рождаемости после Второй мировой войны спровоцировали волнения

---

¹ Goldstone J.A. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. — Berkely University of California Press, 1991. — P. 24—39.

² См.: Грачев М.С. Политический протест современной молодежи в концептуальном осмыслении западной политологии // Вестник МГОУ. Сер. История и политические науки. — 2016. — № 5. — С. 138—142 (оригинал: Moeller H. *Youth as a force in the Modern World // Comparative Studies in Society and History*. — 1968. — № 10 (April). — P. 237—260); Feuer L.S. *Generations and the Theory of Revolution // Survey*. — 1972. — № 18. — P. 161—188.

1960-х годов. Волнения в исламских странах в 1970-х и 1980-х годах совпали с «молодежным пиком». Он рассматривает молодежь как олицетворение протеста, нестабильности, реформ и революций и прогнозировал политическую нестабильность в условиях, когда доля молодежи превысит 20% населения¹.

При этом должен быть провоцирующий фактор. В числе таких факторов чаще всего называют коррупцию и неравенство. По причине того, что в России отмечается достаточно высокий уровень коррупции (о чем свидетельствуют материалы Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции и открыто говорится на самом высоком уровне), нам стало интересно исследование Мохаммад Реза Фарзанеган о связях двух условий политической нестабильности — коррупции и демографии. В 2016 г. он опубликовал результаты своего исследования (взяв для анализа данные в более чем 100 странах за период 1984—2012 гг.)². Автором было выявлено, насколько коррупция является дестабилизирующим фактором в условиях, когда молодежь (15—24 лет) превышает 20% взрослого населения.

Мохаммад Реза Фарзанеган доказал кратковременный стабилизирующий эффект коррупции, т.е. кратковременно коррупция влияет на внутреннюю стабильность. Политическая коррупция позволяет политическим лидерам строить политическую поддержку через сети зависимости, продлевая продолжительность их режимов.

Но коррупция усиливает неравенство, бенефициары увеличивают свой доход, а большая часть населения чувствует на себе и переживает неравенство, поскольку экономический рост и инвестиции стагнируют (здесь Фарзанеган ссылается на вывод, к которому пришли в 2014 г. политологи Наташа Нойдорфер и Ульрик Теоеркауф). Люди не выражают сопротивления, потому что они уже встроены в систему сетей зависимости. Однако молодежь, которая еще не встроена в систему и имеет меньше экономических возможностей, активнее других и более открыто проявляет свое недовольство. Такая ситуация создает условия для радикализации части молодежи. Используя результаты исследования К. Онуоха, Фарзанеган утверждает, что политическая коррупция

---

¹ См.: Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. — М.: Прогресс-Традиция, 2004.

² См.: Farzanegan M.R. Can we predict political uprisings? — URL: <https://phys.org/news/2017-06-political-uprisings.html>

стоит за формированием и долговечностью террористических групп в Ираке, Сирии и Нигерии. Этим группам удалось привлечь маргинализированные части населения, в основном из молодежи.

Но, по мнению Фарзанегана, одна только коррупция, как и только молодой возраст, не создает политических волнений. Необходима комбинация «правильного» количества молодежи в общей популяции, страдающей от коррупции. Эмпирические исследования М.Р. Фарзанегана подтверждают выводы С. Хантингтона о том, что риск выше в тех обществах, где доля молодежи более 20%. Молодежный рост, превышающий 20% взрослого населения, в среднем в сочетании с высоким уровнем коррупции может значительно дестабилизировать политические системы в конкретных странах.

Также исследователь говорит о некоем комплексе условий, при которых риски политической дестабилизации еще более увеличиваются. К таким условиям относятся: неравенство, экономический рост, уровень инвестиций, инфляция, государственные расходы, военные расходы, нефтяная рента, торговля, образование, коэффициент рождаемости и демократия. Автор говорит и о роли «внешнего фактора», относя к нему, преимущественно, глобальный финансовый кризис. В исследовании были учтены и конкретные различия между странами, такие как география, геополитическая ситуация, культурное и историческое наследие и религия. В целях избежания политической дестабилизации Фарзанеган предлагает политикам и международным организациям лучше организовывать бюджет по борьбе с коррупцией с учетом демографической структуры обществ¹. Результаты исследования М.Р. Фарзанегана помогают нам предполагать риск внутреннего политического конфликта в возможное для этого демографическое временное окно.

Следует отметить, что роль демографического фактора в устойчивости систем исследовалась группой ученых при поддержке Лондонского Королевского общества, ЮНЕСКО, Рос-НОУ, фондов ИНТАС, РФФИ под руководством российского ученого П.С. Капицы². Однако демогра-

---

¹ См.: Farzanegan M.R. Can we predict political uprisings? — URL: <https://phys.org/news/2017-06-political-uprisings.html>

² Капица П.С. Глобальная демографическая революция и будущее человечества. Доклад на заседании Президиума РАН 24 февраля 2003 г. // Демоскоп. — 2004. — № 153—154. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0153/analit01.php>

фический фактор был рассмотрен этими учеными с другой точки зрения, нежели вышеизложенная.

В отчетном докладе П.С. Капица говорит: «...в настоящее время возможна потеря системной устойчивости при прохождении развивающихся стран через демографический переход в ситуации, близкой к той, в которой находилась Европа в начале XX в.». На примере последствий мировых войн, оценки экономического роста таких стран, как Китай и Индия, демографического роста населения мира и отдельных регионов, Капица приходит к выводу о все увеличивающихся градиентах роста населения и экономического неравенства.

В числе причин потери устойчивости роста и дестабилизации систем Капица называет увеличивающуюся неравномерность развития. В мусульманских станах «взрывное появление масс неприкаянной молодежи дестабилизирует общество. Причем по культурологическим причинам ислам мало способствует экономическому сотрудничеству, и поэтому результирующее “столкновение цивилизаций” связано не столько с религиозным фактором, сколько с отставанием некоторых стран ислама в плане модернизации и развития». Тем не менее при осуждении вопросов безопасности системы следует включить в анализ демографический фактор стабильности, который должен учитывать не только количественные параметры роста населения, но качественные, в том числе этнические факторы.

Устойчивое развитие в ряде регионов возможно только при условии, если будет восстановлено число детей, приходящихся на одну женщину. В противном случае, по мнению П.С. Капицы, «таким популяциям неминуемо грозит вымирание или вытеснение за счет миграции из более плодovitых стран, что уже приводит к глубоким противоречиям»¹. К такому же выводу приходит американский историк П. Бьюкенен в книге «Смерть Запада. Как вымирающее население и вторжение эмигрантов угрожают нашей стране и цивилизации»².

---

¹ Капица П.С. Глобальная демографическая революция и будущее человечества. Доклад на заседании Президиума РАН 24 февраля 2003 г. // Демоскоп. — 2004. — № 153—154. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0153/analit01.php>

² См.: Buchanan P.J. The Death of the West. How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil our Country and Civilization. — New York, 2002.

Исследования роли демографического фактора в политической дестабилизации затрагивают глубокие моральные и этические вопросы жизни. Тем не менее для разработки технологий обеспечения политической стабильности эти исследования имеют значение для прогнозирования потенциала дестабилизации с учетом роста рождаемости и доли молодого поколения (например, в отдельных этнических и религиозных группах) и вычисления групп молодежи, которые потенциально могут быть использованы для политической дестабилизации в регионе Крыма. Соответственно, могли бы быть разработаны превентивные меры по обеспечению качества жизни молодежи и ее ранней встроенности в системные связи с государственной властью, ее политической социализации.

Подводя итоги, отметим, что достичь целей внешнего дестабилизирующего влияния возможно при наличии комплекса эндогенных и экзогенных условий. Внешние влияния вряд ли будут эффективными, если внутри страны не развернуто гражданское сопротивление, нет массового политического неповиновения, политические элиты консолидированы, политические институты выполняют свои функции (в том числе вместе с другими институтами — выполняют функции политической социализации), власть контролирует ресурсы политической системы, а сама система сохраняется свои интегративные качества. Предпосылками к изменению внутривнутриполитической ситуации могут стать недемократические методы управления и непредставленность в решениях власти интересов значимых групп; низкий уровень жизни; десоциализация, рост числа молодежи, не встроенной в систему отношений с властью.

Особенности современных технологий политической дестабилизации, инициированные и реализуемые внешними акторами, обусловлены процессами общественного развития, характеризующимися глобализацией, постмодерностью, развитием цифровых технологий и их проникновением в общественно-политическую сферу, формированием сетевых горизонтальных взаимодействий власти и общества. С методической точки зрения, зарубежными авторами достаточно подробно разработаны, апробированы и описаны технологии мягкой силы и сотрудничества с целью установления контроля за принятием решений и общественным мнением; технологии гражданского сопротивления путем неповиновения и отказа сотрудничать с режимами; технологии соз-

дания институтов, неподконтрольных действующей власти; технологии государственных переворотов и нейтрализации сил, поддерживающих политический режим.

Спецификой современного этапа является применение технологий влияния на психологическую и идеологическую сферу населения. Особенно следует отметить поведенческие технологии (в том числе технологии *nudge*). Технологии дестабилизирующего влияния все больше связаны с использованием «больших данных» для сегментации объектов влияния; анализом «цифровых следов», которые оставляют эти объекты в интернет-пространстве, что позволяет использовать психологические и мировоззренческие особенности объектов влияния. Это позволяет выстраивать горизонтальные отношения с объектами влияния и объектов влияния между собой. Степень доверия в таких сетях значительно выше, чем при горизонтальных отношениях. Следовательно, власть заведомо находится в невыгодном положении. По этим причинам трудно противостоять новейшим технологиям внешнего влияния традиционными методами запрета и контроля со стороны государственных институтов как традиционных акторов обеспечения политической стабильности.

2.2. Попытки установления внешних влияний в Республике Крым: до и после 2014 года

2.2.1. До 2014 года

Современные технологии внешних дестабилизаций в Республике Крым уходят своими корнями в тот период, когда Крым находился в составе Украины. Находясь в составе Украины, Крым испытывал на себе практически все изменения, свойственные государству Украины, но имел ряд особенностей, которые использовали внешние акторы. Эти особенности связаны с конфликтным потенциалом региона, исторически оформившимся вокруг трех ключевых вопросов: «крымско-татарский вопрос» (статус и права крымских татар), «русский вопрос» (статус русского языка и отношений с Россией), «вопрос безопасности Черноморского региона» (контроль вод Черного моря и размещение военных сил на Черноморском побережье).

В условиях ослабления политических институтов Украины, стратегии сближения с государствами Европы, США, Турции и др. для внешних акторов возникли благоприятные условия одновременного применения как технологий прямого влияния (через инструменты политического консалтинга и экономической помощи), так и технологий косвенного, «отсроченного» влияния (через развитие гражданского сопротивления, программы сотрудничества и другие инструменты «мягкой силы»). В конечном счете все технологии были направлены на установление контроля за политическими институтами, политическими решениями, политическим поведением и институтами социализации. Наше исследовательское внимание сосредоточено на не силовых технологиях (с помощью ресурсов «мягкой силы»), так как их потенциал влияния сохраняется и проявляется до настоящего времени. Последствия применения этих технологий имеют отсроченные эффекты, несмотря на нейтрализацию их субъектов после 2014 г. Объекты, попавшие под воздействие таких технологий, могут стать латентными акторами конфликтов путем прохождения в институты власти и/или создавая разного рода «гражданские институты» (термин Д. Шарпа). К таким технологиям пролонгированного действия мы относим технологии влияния на социализацию и образование.

Анализ практики применения технологий внешних акторов в Крыму проводился, исходя из понимания технологий как способа преобразования установки на «знания» в установку на «действия», отражения действительности, представления о способах решения актуальных проблем для достижения идеального образа будущего. Поэтому наряду с выявлением методов работы и ресурсов внешних акторов в Крыму, мы выявили содержательную сторону познавательно-проектной деятельности внешних акторов, т.е. выявили, каким образом они представляют будущее Крыма, ради которого используют те или иные методы работы.

Полученные данные были систематизированы. Все интересанты использовали такие методы, как: материальная поддержка из фондов (создание благотворительных фондов), создание и поддержка неправительственных и некоммерческих организаций, поддержка акторов виртуальной среды, интернационализация проблемы. Но были и специфические методы влияния, отличающие внешних акторов друг от друга. Специфичность во многом связана с доступными и подконтрольными

ресурсами и целями внешних акторов. Например, для Турции в украинский период будущее Крыма виделось под влиянием «тюркского мира» (в культурном, экономическом и, в перспективе, в политическом значении). Применялись технологии обучения в специализированных образовательных учреждениях (светских и медресе), формирование групп «по интересам» в сети Интернет, трудоустройство лояльных жителей Крыма, в том числе в турецких компаниях. Использовались религиозные институты, образовательные учреждения, ТЭКС, бизнес-структуры, благотворительные фонды, подконтрольные СМИ и общественные организации, формировались сети адептов.

США рассматривали Крым как территорию Украины, но потенциальную территорию размещения баз НАТО для распространения геополитического влияния в Черном море. Применялись такие формы работы, как поддержка проектов (в том числе финансирование), публикации мнений экспертов в СМИ и сети Интернет, консалтинг представителей власти и политическая поддержка. Использовались ресурсы политических институтов, международных организаций, консалтинговых и аналитических структур, вооруженных сил, благотворительных фондов, СМИ и общественных организаций.

Все зарубежные акторы в той или иной степени использовали для своего влияния этно- и религиозный фактор («крымско-татарский вопрос» и «русский вопрос»). Оба «вопроса» стали аргументацией зарубежного влияния на политические, социально-экономические, социально-культурные процессы внутри региона и составляли идеологическую основу информационных войн. Кроме защиты прав и свобод этно- и религиозных групп, интересанты преследовали свои политические и экономические интересы.

Эти процессы в «украинский период» Крыма развивались на фоне падения уровня жизни населения, земельных споров татар, политической неопределенности, межэтнических конфликтов, которые украинские власти пытались решить как с помощью противопоставления татар и русских, так и с помощью технологий «украинизации» населения Крыма. «Украинизация» являлась частью процесса формирования европейской идентичности жителей Украины, с помощью которой украинские власти пытались разрешить этнополитический конфликт в Крыму. Но технологии «украинизации» только обостряли ситуацию и создавали благоприятную среду для деятельности внеш-

них акторов в своих интересах. «Украинизация» методами вытеснения русского языка и русских, тенденциозной подборки исторических фактов и героизации личностей С. Бандеры, Р. Шухевича, проведения символических акций (например, торжеств по случаю дат рождения С. Петлюры, И. Мазепы), — была инородной не только для русского населения Крыма, но и для татар, пытавшихся в то время решить в первую очередь свои материальные вопросы (земля, жилье, власть). Крымские татары не идентифицировали себя с новой европейской идентичностью. Действия украинской власти спровоцировали конфликт трех историко-культурных идентичностей — русской, крымско-татарской, европейской. Некоторые эксперты отмечают не последнюю роль в формировании радикальных настроений в Крыму именно украинских властей¹. Своими ошибочными действиями украинские власти создали условия для дезинтеграции системы. Этим воспользовались внешние акторы влияния, актуализировав идеи пантюркизма.

Исторически идентификация внутри сторонников пантюркизма происходила на основе принадлежности к тюркской языковой группе, отказа от элементов культурного влияния со стороны арабов и иранцев, создания своего собственного языка (вариант тюркского языка, предложенный Гаспринским (Исмаил-бей Гаспралы), лег в основу современного турецкого языка). Целью является создание собственного федеративного государства — Великого Турана, в состав которого входит Крым.

В годы «холодной войны» пантюркизм использовался как инструмент влияния на СССР и возбуждения межнациональной розни. После распада СССР интерес к пантюркизму за рубежом несколько угас, но снова приобрел свое влияние на территории Крыма, формируя сеть организаций и лиц, деятельность которых дезинтегрировала политическую систему.

Распространение влияния шло через этно- и религиозных акторов, не только локального, но и глобального характера. По сути, акторы внешнего влияния пытались не просто актуализировать этнорелигиозные и этнополитические конфликты, но и интернационализировать

---

¹ Меренков Д.А. Крымско-татарский фактор в Крыму: современное состояние и перспективы // Проблемы постсоветского пространства. — 2017. — Т. 4. № 1. — С. 73—79.

их, формируя чувство принадлежности к решению международных проблем, а не к локальным конфликтам, ощущение участия в установлении мирового порядка, а не только местного. Логика интернационализации была ровно такой же, как описал В.А. Ачкасов¹, ссылаясь на исследование Т. Гарра²:

- были созданы международные условия, которые способствовали мобилизации этнических групп (в нашем случае — угроза терроризма, исходящая от исламского мира);
- созданы условия, которые стимулировали власти Украины реализовать политику, приводящую к обострению отношений между различными этническими общинами (обострение вопроса русского языка, положения и прав русских с противовес другим этническим группам);
- оказана организационная помощь, а также предоставлено убежище соперничающим сторонам (Россия — русским; Турция — татарам, США и некоторых страны Европы — антироссийским акторам);
- организовано посредничество и переговоры в урегулировании споров (Турция);
- применены к участникам конфликта торговые, финансовые, политические санкции (в нашем случае — после вхождения в состав Российской Федерации);
- попытки международной миротворческой деятельности, в том числе военной («гуманитарные интервенции»).

Таким образом, этнополитический конфликт в Крыму был интернационализирован и получил оценку как международная проблема. Соответственно, и для его решения были подключены международные акторы. Самыми активными акторами стали не просто религиозные организации, а транснациональные этнорелигиозные коммуникативные сети (ТЭКС), через которые оказывалось внешнее влияние на внутривнутриполитические процессы.

В «украинский период» на территории Крыма действовало несколько радикально-экстремистских организаций с центрами принятия решений

---

¹ См.: Ачкасов В.А. Новые факторы и акторы дестабилизации международных отношений. — URL: <http://polit.msu.ru/pub/XXI-2/4/00.pdf>

² Gurr T. Why Do Minorities Rebel? // Federalism against Ethnicity? / Ed. by G. Bachler. — Zurich, 1997. — P. 165.

за пределами Украины. Например, «Хизб-ут-Тахрир»¹ (штаб-квартира в Лондоне), «Нурджулар» (штаб-квартира в штате Пенсильвания, США)², «Альраид»³ или «Братья Мусульмане» (штаб-квартира в Саудовской Аравии), «Сулейманджилар» (штаб-квартира в Анкаре)⁴. Почти все эти организации запрещены в большом количестве стран, однако их деятельность была разрешена в Украине, соответственно, и в Крыму до его вхождения в состав Российской Федерации.

Все эти организации активно использовали сетевые технологии работы⁵, технологии влияния на политические процессы методами подготовки акторов неповиновения, провокационной деятельности, методом прохождения в точки принятия управленческих решений, методами ранней политической социализации молодежи (особенно — в образовательных учреждениях и общественно-политических организациях).

Анализ работы ТЭКС в Крыму позволяет сделать вывод о некой «специализации»: технологии подготовки будущих элит и политических лидеров (специализация «Нурджулар») и технологии подготовки масс для реализации интересов зарубежных акторов (специализация «Сулейманджилар»). Религиозные организации и контролируемая ими система образования и воспитания были основными ресурсами технологий внешнего влияния.

Организация «Нурджулар» (ныне запрещена в Российской Федерации⁶) привлекала в образовательные учреждения наиболее способных детей из влиятельных семей вне зависимости от национального и рели-

---

¹ См.: Новиков А. Бродит призрак терроризма... «Хизб-ут-Тахрир» в Англии. — URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1161416700>

² См.: Агенты ЦРУ в турецкой секте Нурджулар. — URL: <http://armenianreport.com/pubs/6433>

³ См.: АЛЬРАИД Контакты. — URL: <http://www.arraid.org/ru/contacts>

⁴ См.: «Турецкий гамбит» на Волге-2. — URL: <http://www.segodnia.ru/content/116075>

⁵ См.: Рябцев О.В. Сетевой принцип деятельности организаций закрытого типа в контексте угроз национальной и региональной безопасности России: на примере крымско-татарского национального движения: дис. ... канд. полит. наук. — Ростов н/Д., 2008. — URL: <http://www.dissercat.com/content/setevoi-printsip-deyatelnosti-organizatsii-zakrytogo-tipa-v-kontekste-ugroz-natsionalnoi-i-r#ixzz50UBRakro>

⁶ См.: Верховный суд признал экстремистской организацию «Нурджулар». — URL: https://www.gazeta.ru/news/lastnews/2008/04/10/n_1204704.shtml

гиозного происхождения. Нурсисты, работающие в Крыму, для ведения образовательной и миссионерской деятельности проходили специальное обучение в соответствующей этнокультурной и религиозной среде в Турции. Геополитическую основу гуманитарного блока дисциплин составляли идеи восстановления великого турецкого государства. Нурсисты аргументировали «возвращение» земель черноморских областей Украины и России в состав «великого Турана» и рассматривали государства Центральной Азии и Азербайджан как будущие составные части турецкого государства. Украина рассматривалась в актуальной исторической ситуации как временный союзник в борьбе с Россией, потому что украинский народ, в соответствии с интерпретацией нурсистов, испытывает «естественную» неприязнь к России. В качестве учебного пособия использовалась карта будущего великого «тюркского мира», изданная на многих языках.

Выпускники образовательных учреждений имели возможность престижного трудоустройства, что было крайне важно для молодого поколения и их родителей в экономически депрессивном регионе Крыма. Например, воспитанники Крымско-Турецкого лицея¹ (наряду с выпускниками турецких высших учебных заведений) работали в «ICG Investments»², составили в городе Симферополь костяк «Турецкого агентства по сотрудничеству и развитию» (ТИКА), деятельность которого была направлена на укрепление исторической связи Турции с Крымом³ и развитие

---

¹ Крымско-турецкий лицей — учебное заведение в с. Танковое Бахчисарайского района действовало на основе договора между Министерством образования Крыма и фирмой «Чагь огретим ишлетмелери». Согласно данному договору, турецкая фирма присылала в данное образовательное учреждение своих представителей в качестве преподавателей и воспитателей, участвовала в составлении учебного плана лицея. И по этому договору турецкая фирма получила право готовить вопросы тестов для отбора учащихся, а также проводить этот отбор, что позволяло сформировать первичную базу молодых людей с оценкой их интеллектуального потенциала и анализом биографических данных. В настоящее время лицей переименован в Крымскую гимназию-интернат для одаренных детей Министерства образования и науки АРК.

² Attention Required! _ CloudFlare. — URL: <http://icginvest.com/ru/management.html>

³ См.: Сафонкина Е.А. Турция как новый актер политики «мягкой силы». — URL: https://iorj.hse.ru/data/2014/06/17/1310003912/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D1%8B%20%D0%B8%D0%B7%20%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA_2013_2-final-8.pdf

крымской бизнес-среды путем привлечения турецкого бизнеса и украинских массмедиа. Выпускники лицея занимали руководящие должности в бизнес-структурах (например, Глава правления в Крымской международной бизнес-ассоциации (СІВА)) и общественных организациях (например, руководитель молодежной организации при медресе — МО «Бизим Кирым»), являлись (и являются в настоящее время) помощниками народных депутатов Украины, сопровождая их на международных встречах. Иными словами, выпускники лицея находились в центрах принятия управленческих решений, имели возможность влиять на общественное мнение, являлись лидерами общественных организаций. «Нурджулар» использовала не только конспиративные технологии продвижения интересов в светских институтах — политических, социальных, экономических, и контролировала Муфтият. Последнее является важным примечанием, потому что особая роль во вмешательстве во внутривластные дела Украины отводилась Муфтияту (Духовное управление мусульман Крыма) и медресе-курултай (орган самоорганизации крымских татар). Глава медресе крымских татар устанавливал контакты с лидером и главным идеологом организации «Серые волки» еще в 1995 г.¹ Одновременно в 1990-е годы он выстраивал отношения с руководителем «Нурджулар»², встречаясь с ним в Турции. Глава медресе, встречаясь с международными миссиями и многочисленными дипломатами, критикуя власть, использовал хорошо известную в случаях свержений действующих политических режимов проблематику ущемления прав человека и притеснений.

Другая организация — «Сулейманджилар» изначально была образована в 1957 г. турецкими спецслужбами для реализации преимущественно внешней политики в отношении стран, находящихся в сфере интересов Турции. Хорошо известно, что к 2014 г. в Крыму из 339 имамов 24 являлись гражданами Турции. Деятельность «Сулейманджилар» концентрировалась на религиозно-теологическом воспитании. Основной целевой группой и социальной базой организации были социально неблагополучные слои населения. Анализ деятельности организации

---

¹ См.: Турция и карабахский конфликт. — URL: <http://armenianhouse.org/demoyan/turkey/>

² Ислам в СНГ: Международный вектор украинского ислама. — URL: <http://www.islamsng.com/ukr/pastfuture/4660>

«Сулейманджилар» позволят нам сделать вывод, что ей отводилась роль подготовки уличной массы и adeptов-экстремистов.

Рассмотрим технологии деятельности «Сулейманджилар» и логику их наращивания. В Крыму «Сулейманджилар» установила контроль над частью крымских учебных заведений религиозного толка — медресе. Обучение в медресе «Сулейманджилар» было обязательно на турецком языке с использованием турецкой литературы. В книге «Введение в Ислам», распространяемой «Сулейманджилар» на турецком языке, в разделе главы «Джихад», написано: «Кто не делает вооруженный джихад и не имеет намерение делать джихад, то этот человек мунафик (то есть кяфир, неверующий)». Далее следует: «Джихад для мужчин и женщин является обязательным, кто убежал от джихада, того не следует считать мусульманином». Чтобы не привлекать внимания государственных служб безопасности, этот раздел в книге на русском языке отсутствует. На русском языке в этой книге, в разделе «Индивидуальная свобода выбора», утверждается: «То, что хочет человек, то и делает Аллах».

Подобные императивы формировали у мусульманской молодежи искаженные религиозные представления, экстремистские воззрения, что способствовало их вовлечению в секты и общественно-политические организации радикального толка.

Медресе в Крыму, подконтрольные «Сулейманджилар», финансировались посредством благотворительного фонда «Азиз Махмуд Худаи Вакуфы». Всего на территории Крыма официально функционировало пять исламских духовных школ — медресе. Четыре из них находились под контролем «Сулейманджилар», и только «Медресе хафизов», расположенное в п. Давыдовка Симферопольского района, курировали «Братья Мусульмане» (которая на территории Украины осуществляла свою деятельность через организацию «Альраид»). В учебных заведениях «Сулейманджилар» учащиеся, так же как и в структурах «Нурджилар», находились круглосуточно, и школы работали по принципу школ-интернатов.

Азовское медресе исламских наук являлось базой для подготовки последователей «Хизб-ут-Тахрир» — организации, рассчитанной на широкие массы (но особенно рассчитанной на социально неблагополучные слои и людей с низким образовательным уровнем). «Хизб-ут-Тахрир» эффективно использовала медиа-ресурсы: <http://www.hizb.org.ua/>,

<http://m.qirim-vilayeti.org/> и бесплатную еженедельную газету «Возрождение» (учредитель — Мусульманская религиозная община «Алушта»), которая раздавалась каждую пятницу после обязательной коллективной молитвы. Воспитанники этой организации пытаются вести свою деятельность и в настоящее время.

К 2012 г. организация стала способной проводить массовые мероприятия и перешла от форм конференций, форумов и круглых столов к протестным формам. Были проведены массовые уличные акции протеста: митинг в поддержку народа Сирии (05.08.2012 г., организаторы мусульманская община «Давет» и КРОО «Правозащитного движения Крыма»), митинг против фильма «Невинность мусульман» (27.09.2012 г.), пикет российского консульства в Симферополе (20.11.2012 г.). Системная работа «Сулейманджилар» в Крыму проявилась в способности мобилизовать массы, что составляло угрозу политической стабильности в регионе. Как отмечает А.А. Форманчук, «Сложно сказать, как бы развивались конкурентные отношения в крымско-татарской среде вокруг дальнейшего усиления роли исламского радикального фактора при развитии крымской автономии в составе украинского государства, если бы не “Крымская весна”. Она застала врасплох всех, кто использовал проблему крымских татар для продвижения своих политических целей относительно будущего Крыма в составе украинского государства»¹.

Кроме усиления культурно-исторического влияния и геополитических интересов внешние акторы имели экономические интересы. Известно, что гуманитарные технологии продвижения экономических интересов — одни из самых эффективных для создания выгодных условий размещения капиталов и привлечения региональной элиты в инвестиционные проекты. Выгодные турецкие инвестиции способствовали повышению привлекательности турецкого партнерства для экономически депрессивной территории Крыма. По сути, речь шла об установлении политического влияния путем использования экономических инструментов и последующем получении экономических выгод от решений лояльной политической элиты.

---

¹ Форманчук А.А. Интеграция Республики Крым в государственное пространство Российской Федерации: особенности, проблемы, риски // Новая Евразия. Проблемы национальной стратегии. — 2015. — № 3 (30). — С. 127.

В Крыму действовало «Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию» (ТИКА). ТИКА безвозмездно финансировал социально-культурные и иные проекты по укреплению исторической связи Турции с Крымом¹. ТИКА взаимодействовало с органами власти в проведении разного рода мероприятий по развитию крымской бизнес-среды, например, проведении украинско-турецких бизнес-форумов с привлечением турецких и украинских массмедиа. Организация «ICG Investments» финансировала в числе своих многочисленных проектов и меджлис-курултай.

Для установления влияния использовалась проблематика защиты прав и свобод. Миссию защиты крымско-татарского народа взяла на себя Турция, политические деятели которой заявляли, что Турция всегда готова защитить татар в Крыму, если они подвергнутся притеснениям². В 2010 г. в рамках курултая возникла идея проведения «Международного форума по вопросам восстановления прав крымско-татарского народа на своей Родине, обеспечения его безопасности и гарантий развития в Украине». Ставка делалась на приобретение «государственности» под давлением мировой общественности. Для этой цели 18.09.2012 г. выпускники «Нурджулар» инициировали в отеле «НУАТТ» встречу в рамках подготовки к проведению данного форума с представителями дипломатических миссий, аккредитованных в Украине. Заинтересованность западных акторов в проведении «Международного форума по вопросам восстановления прав крымско-татарского народа на своей Родине, обеспечения его безопасности и гарантий развития в Украине» проявлялась в разработке для этой цели рекомендаций ОБСЕ (как было отмечено — «масштабной и тщательной работы группы квалифицированных и независимых экспертов»).

В свою очередь, члены «Нурджулара» в период подготовки к проведению данного форума «презентовали» готовый кадровый потенциал для управления «Крымской Республикой» — созданную ими структурную сеть под «защитой» Крымской международной бизнес-ассо-

---

¹ См.: Сафонкина Е.А. Турция как новый актер политики «мягкой силы». — URL: https://iorj.hse.ru/data/2014/06/17/1310003912/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D1%8B%20%D0%B8%D0%B7%20%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA_2013_2-final-8.pdf

² См.: Татарско-турецкий фактор в судьбе полуострова. — URL: <https://lenta.ru/articles/2014/03/10/tatar/>

циации (СІВА). Комитеты (представленные на сайте СІВА), по сути, дублировали имеющиеся министерства и республиканские комитеты АР Крым. Таким образом, предпринималась попытка создания альтернативной системы управления в Крыму.

Финансирование попыток создания альтернативных центров управления в Крыму и деятельности акторов, чья деятельность рассматривается нами как дестабилизирующая внутривнутриполитическую ситуацию, осуществлялось несколькими благотворительными фондами, бизнес-структурами и Международным республиканским институтом (IRI, Председателем Правления директоров которого был сенатор-республиканец Джон Маккейн)¹.

Учитывая материальную заинтересованность потенциальных акторов дестабилизации, низкий уровень качества жизни, весьма эффективными были проекты благотворительных организаций. Как пример, в 2010 г. была создана благотворительная организация «Фонд развития Крыма» с целью содействия социальной активности жителей Крыма, формированию ответственного сообщества и преодолению последствий одной из катастроф XX в. — геноцида депортации 1944 г. Ресурсы Фонда направлялись в гуманитарную сферу, в идеи, чтобы раскрыть внутренние потенциалы крымчан, сформировать видение Крыма, как перспективного и успешного региона Украины.

Параллельно работе в реальной среде создавалось альтернативное информационное пространство в сети Интернет. Но после вхождения в состав Российской Федерации в Крыму в течение 2014—2016 гг. были заблокированы сайты более десяти организаций (в их числе и сайты СМИ) по причине размещения ими информации, содержащей призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности или участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка. Такие информационные ресурсы были запрещены решениями Роскомнадзора, в некоторых случаях — решениями судебных инстанций. Например, официальный сайт исламской партии «Хизб-ут-Тахрир», так как в Российской Федерации данная организация признана террористической; сайт организации «Меджлис крымско-татарского народа», сайт новостного агентства

---

¹ См.: Кто стоит за Мустафой Джемилевым. — URL: <http://www.milli-firka.org/content/DBAFHNBFB>

«QNA — крымские новости», крымско-татарский телеканал «АТР», так как информация, размещенная на этих сайтах, содержала призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности или участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка (документ о принятом решении — решение прокурора Республики Крым от 12.04.2016 г.); сайт международной религиозной организации «Свидетели Иеговы», так как решением Верховного суда Российской Федерации деятельность религиозной организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и всех 395 местных религиозных организаций признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

Подводя итоги исследования технологий внешних дестабилизирующих влияний в период 1991—2014 гг., отметим, что такие влияния стали возможными в условиях внутривнутриполитических проблем и ошибочных действий власти. Путем установления сотрудничества с действующими политическими институтами (государственными и негосударственными), оказания финансовой помощи для реализации экономических, социальных, культурных проектов внешние акторы реализовывали свои интересы, связанные в основном с экономическими и геополитическими амбициями.

Действия внешних акторов в Крыму в рассматриваемый период были обусловлены их геополитическими и экономическими интересами (нередко конкурирующими между собой). Использовались технологии создания сетей сторонников, акторов внутреннего сопротивления, подконтрольных масс и элит. Особое внимание уделялось формированию новой политической элиты, ее ценностных и мировоззренческих установок, которые должны были проявиться в принимаемых политических решениях. Внешние акторы использовали традиционные институты социализации (образование, религия, общественные организации по интересам), технологии материального стимулирования и морального поощрения, технологии вовлечения в социально-значимые проекты (значимость которых достигалась за счет интернационализации проблемы, на решение которой был направлен проект). В период 1991—2014 гг. в Крыму были апробированы практически все методы установления влияния, предложенные Дж. Шарпом, с целью дестабилизации особым образом использовались идеи Д. Найя (по сути своей несущие потенциал сотрудничества) и идеи некоторых зарубежных технологов политических нестабильностей.

2.2.2. После 2014 года

После 2014 г. активность внешних акторов в Крыму не угасла, но работа была перенесена в виртуальное пространство. Невозможность использовать политические институты и медиапространство на территории Крыма заставила внешних акторов использовать зарубежные ресурсы и ресурсы виртуальной среды. На этом этапе появляется вторая модель внешнего влияния методами использования ресурсов неконтролируемой государством информационной виртуальной среды. Эти ресурсы в настоящее время в основном сосредоточены в Украине и некоторые — в США.

Нами были выявлены основные группы методов и ресурсов, которыми пользуются внешние акторы, перенося их в виртуальную среду.

Группа «ресурсы и методы институтов власти зарубежных государств», а именно — размещение в сети Интернет выступлений политических лидеров, мнения экспертов; размещение информации на интернет-платформах органов государственной власти; организация работы специальных учреждений (с разной долей и формой государственного участия), организация диалоговых площадок на сайтах этих организаций (для обсуждения проводимых мероприятий), поддержка оппозиционных лидеров (например, Меджлиса в Украине). Официальная позиция зарубежных государств в отношении Крыма озвучивается руководителями государств и политическими лидерами сил, находящихся у власти. Позиции политических лидеров транслируются многочисленными СМИ, в том числе и российскими (хотя и с комментариями), и показывают, что наиболее агрессивно настроены украинские лидеры. Однако их выступления имеют больше потенциал интеграции украинского общества, чем дестабилизирующее влияние на крымское сообщество.

В процесс подготовки акторов, потенциально готовых к активным дестабилизирующим действиям в Крыму, включены и государственные институты. Примером использования этого ресурса является Министерство информационной политики Украины. На сайте Министерства размещено пособие по ненасильственному сопротивлению для украинцев (подзаголовок документа — «Что людям стоит сейчас делать, чтобы сместить оккупационные режимы в Крыму и на Донбассе» (документ в редакции 2016 г.)).

Государственные ресурсы используются для создания специальных учреждений, деятельность которых направлена на актуализацию конфликтного потенциала крымского сообщества. Такие учреждения позиционируются как общественные, но реально являются государственными учреждениями, подконтрольными власти. Примером такого ресурса является автономное государственное предприятие «Крымский Дом» и организуемые им мероприятия (в том числе онлайн дискуссии), содержательный контент которых сводится к оценке вхождения Крыма в состав Российской Федерации как «российской оккупации Крыма». Онлайн-дискуссии позволяют развивать горизонтальные сетевые взаимодействия и сегментировать участников по «интересам» (крымско-татарский вопрос, несправедливые решения российских властей по любым аспектам, притеснения свобод и др.). Навязывают свою точку зрения и политические партии. Например, в идеологической платформе партии «Укроп» предлагается запретить идеологию «русского мира» и публичную демонстрацию символов России как тоталитарных и человеконенавистнических; национализировать имущество госслужащих Российской Федерации, которые включены в санкционные списки ЕС и США и/или когда-либо публично или материально поддержали идеологию «русского мира» и/или агрессию против Украины; поддерживать граждан РФ и их объединения, которые выступают против режима Путина и идеологии «русского мира»; признать Крым аннексированной территорией, а отдельные районы Донецкой и Луганской областей — оккупированными территориями; вести активную работу с жителями Донбасса и Крыма, показывая, что в Украине они и их дети имеют больше перспектив, прав, свобод и возможностей, чем под оккупацией государства-изгоя; на период, пока Украина не имеет возможности восстановить контроль над частью границы с РФ, связи с этими регионами надо свести к гуманитарным и просветительским, прежде всего, — к организации мощной информационной кампании, направленной на изменение политических ценностей жителей региона. Эти позиции отражают как актуальность проблематики в политическом дискурсе Украины и «эксплуатацию» темы в борьбе за власть, так и представления украинского политического истеблишмента о способах урегулирования конфликта и технологиях влияния на общественное мнение Крыма.

Группа «ресурсы и методы институтов гражданского общества» (благотворительные фонды, правозащитные организации, официаль-

ные СМИ). Внешними акторами используются ресурсы следующих институтов гражданского общества: благотворительных фондов, правозащитных организаций, центров гражданского и правового просвещения, официальных СМИ. Технологии влияния общественных организаций рассмотрим на примере деятельности правозащитного международного объединения «Луганск, Донецк, Крым — это Украина» и Центра гражданского просвещения «Альменда».

Правозащитное международное объединение «Луганск, Донецк, Крым — это Украина». В числе основных направлений деятельности объединения обозначены такие, как «содействие в отстаивании государственных интересов относительно деокупации и возвращения Луганской и Донецкой областей и Автономной Республики Крым в состав Украины, а также содействие по возврату имущества Украины, в том числе и граждан, незаконно “национализированного” во время оккупации Луганской и Донецкой областей и Автономной Республики Крым и всесторонняя помощь относительно обращения по этому поводу в международные-европейские организации и суды; ...всесторонняя поддержка относительно обеспечения реализации прав граждан Украины в Луганской и Донецкой областях и Автономной Республике Крым, а также внутренне перемещенных лиц из Луганской и Донецкой областей и Автономной Республики Крым, в том числе и лиц, которые остались проживать на временно оккупированных и неподконтрольных территориях». В этих целях объединение сотрудничает с органами власти, службами безопасности и международными организациями, участвует в политических акциях, о чем говорится на сайте объединения. Никакой новостной или аналитической информации на сайте нет. Адрес места нахождения объединения не указан, а получить контакты можно, только заполнив форму обратной связи. Таким образом, деятельность объединения направлена на организационную работу с населением, создание сети активных людей, скорее всего, мобилизационного характера (при необходимости активных действий). Целевой группой являются лица, которые по разным причинам не довольны своим положением и действиями российской власти.

Деятельность другой организации — Центра гражданского просвещения «Альменда» — направлена на молодежь. Собственно в истории Центра так и записано, что он появился в Ялте в 2008 г. как молодеж-

ная инициатива. Новости и материалы сайта содержат информацию о «российской оккупации» Крыма, предлагают разного рода методические рекомендации, прямо и косвенно направленные на идеологическую подготовку молодежи. Материалы сайта показывают, что основной целью Центра является социализация молодежи путем ее вовлечения в совместные проекты. На сайте размещены методические рекомендации по участию и самостоятельной реализации таких проектов. Например, «Методические разработки для проведения единого урока в школах ко Дню памяти депортации крымских татар», информационно-методические материалы «Как остановить “войну смыслов”? Обществом противодействует информационной войне против Украины», методические рекомендации по проведению тренинга «Информационные войны: как спастись от пропаганды или почему удается манипулировать общественным сознанием», методические рекомендации по управлению дискуссией, организации кино клубов и обсуждений фильмов и др.

«Альменда» информирует молодежь Крыма о возможностях поступления в украинские высшие учебные заведения, размещает опросы студентов, выбравших эти вузы для обучения. На сайте организации размещены методические рекомендации по организации кино клубов и просмотров и обсуждению фильмов (например, «Процесс: Российское государство против Олега Сенцова» (предлагалось «обсудить положение украинских политзаключенных в застенках Кремля, и подписать открытки со словами поддержки»), «Борьба Джамалы» (версия крымско-татарских событий и событий 2014 г. в изложении украинской певицы Джамалы)). Отдельной рубрикой выведена рубрика «Полуостров страха», где размещены мнения очевидцев, личные истории, активная жизненная позиция авторов постов.

Анализ материалов сайта позволяет выделить следующие способы работы с молодежью:

- манипулирование общественным мнением путем размещения опросов общественного мнения;
- попытки использовать реальные институты социализации (школы);
- привлечение медийных лиц для работы с молодежью;
- использование документального кино как кино с наибольшей вероятностью доверия со стороны зрителей. Как правило, с последующим обсуждением, где участники под управлением модера-

тора обсуждения в итоге делают «правильные выводы» и уходят с «правильными» позициями и мнением;

– истории из жизни, эмоциональные посты очевидцев.

В отношении Крыма реализуют специальные проекты и некоторые СМИ, размещая аналитику с ангажированными комментариями и тенденциозно подобранными фактами, актуализирующими конфликтный потенциал. В СМИ часто ссылаются на информацию вышерассмотренных ресурсов (органы власти и негосударственные институты). Как примеры, приведем радио «Свобода», «Черноморскую телерадиокомпанию» (перешедшую в интернет-вещание), ИА «Голос Криму», интернет-ресурс «Еспресо», считающих Крым «временно оккупированной территорией» и призывающих крымчан, не смирившихся с «русской оккупацией», противодействовать решениям российских властей.

Группа «ресурсы и методы сетевых сообществ» (социальные сети, платформы, онлайн-сервисы, веб-сайты, направленные на построение и использование социальных взаимоотношений в Интернет), социальные медиа во всех их проявлениях (блоги, гражданская журналистика и др.). Эти методы и ресурсы можно было бы отнести к группе институтов гражданского общества, но по причине их слабой институционализации, пока мы выделяем их в отдельную группу.

Социальные медиа повышают политический потенциал каждого пользователя, так как дают возможность самовыражения каждому желающему, в результате чего продуцирование информации перестает быть централизованным процессом «меньшинства» избранных и профессионально обученных. Политически активные люди инициируют в социальных сетях дискуссии по актуальной проблематике. Со временем вокруг них формируются общности, определенная солидарность на основе заинтересованности в решении проблемы (чаще формируется среда критического отношения к реальности). Лидер общности может уже навязывать свою повестку дискуссии и пользоваться своим авторитетом и доверием для формирования мнения конкретной общности. В основе влияния в таких обществах лежит «тактика малых дел», направление которых определяется в «узлах» социальных взаимодействий.

Социальные медиа не относятся к профессиональной журналистике. Для социальных медиа, в отличие от профессиональной жур-

налистики, более характерна поверхностность, акцент на мнениях, а не на фактах, тенденция усиления, не ослабления идеологического экстремизма и сегрегации (Н. Карр¹); акторы социальных медиа чаще выступают как очевидцы с информацией «из первых рук», а не как журналисты (С. Кваша²). Вместе с тем считаем, что в системе социальные медиа будут структурироваться как более профессиональные медиа (как вид онлайн-овых профессиональных СМИ, в которых авторами материалов являются журналисты или аналитики-эксперты в обсуждаемой сфере, имеющими профильное образование или опыт работы). При этом всегда будут оставаться активные участники, не имеющие профессионального опыта и образования, но имеющие свое мнение и желающие высказаться.

Таковыми активистами создается гражданская журналистика (citizen journalism), в которой обычные граждане принимают активное участие в процессе сбора, анализа и распространения информации³. Авторы-непрофессионалы осуществляют деятельность в блогах, социальных сетях, через микроблогинг, а также посредством сервисов традиционных СМИ. В данном случае субъектом деятельности являются сами граждане. Интернет и социальные сети создают благоприятную среду для поиска, распространения информации, привлечения внимания общественности к определенным проблемам, проверке достоверности сведений, предоставленных традиционными СМИ. Материалы гражданских журналистов привлекают аудиторию в Интернете, сопоставимую с таковой для крупных традиционных СМИ. Потенциал гражданской журналистики используют и традиционные СМИ, используя пользовательский контент и ссылаясь на факты, представленные очевидцами. Внутри традиционных СМИ выделяются новые медиа, т.е. интерактивные электронные издания и новые формы коммуникации производителей контента и потребителей. Новые медиа имеют три базовые характеристики: цифровой формат, интерактивность и мультимедий-

---

¹ Карр Н. Бездушность Веб 2.0 // Компьютерра. — 2005. — 21 ноября. — С. 38.

² См.: Кваша С. Цивилизация очевидцев — URL: http://www.gazeta.ru/2005/09/05/oa_169667.html

³ См.: Bowman S., Willis C. We Media: How Audiences are Shaping the Future of News and Information. The Media Center at the American Press Institute. — 2003. — URL http://www.hypergene.net/wemedia/download/we_media.pdf

ность, которые, как будет показано ниже, активно используется внешними акторами.

Примером использования инструментов гражданской журналистики является канал «Громадське Крим» на Ютубе (<https://hromadske.ua/>), который размещает фильмы и короткие видео в память о событиях «в период оккупации Крыма», информируют о проведении фотовыставок о героях Крыма. Проект позиционируется как «документально-журналистский видеопроjekt Богдана Кутепова. Короткометражные ленты, которые отражают действительность». Отдельным проектом реализуется «Громадське Крим» — «новости, репортажи и истории людей в условиях российской оккупации Крыма». В размещаемых видео дается интерпретация событий очевидцами. Например, интервью с замглавы Меджлиса крымско-татарского народа (организация запрещена в РФ) Ахтемом Чийгозом позволяет не только понять идеологические основы антироссийских действий. Воспоминания А. Чийгоза дают исследователям материал, позволяющий выявить технологии, с помощью которых действовали подконтрольные ему силы (технологии организации людей, выезжающих на майдан; технологии организации сопротивления в районных советах действиям Партии Регионов; технологии получения информации и направления ее в международные институции, в Киев; технологии организации отрядов самообороны в местах компактного проживания крымских татар технологии протеста в феврале—марте 2014 г.).

Группа «личностные ресурсы и методы референтных лиц» (например, лидеров общественного мнения, лидеров социальных сетей, блогеров). Технологии использования ресурсов блогеров базируются на сформированном доверии к блогеру и его авторитету (нередко — экспертному потенциалу). Содержательный контент блогеров, использующихся в целях внешнего влияния, коррелирует с содержанием материалов о Крыме в иных социальных медиа. Но блогер высказывает личное мнение, выстраивает личную аргументацию и его влияние основывается на доверии к нему. Его популярность зависит от качества контента, потому что он должен сохранять лицо перед подписчиками. Особенностью большинства украинских блогеров, пишущих на политические темы (в том числе и тему Крыма), является то, что они занимаются не только крымским вопросом, но побочными проектами. Такие проекты обычно связаны с продажей консалтинговых услуг и PR в разных

сферах. Например, Тарас Березовец — одновременно политический консультант, владелец компании стратегического консалтинга Berta Communications (<http://www.bertacom.com.ua/pro-kompaniju/>), основатель Kiev urban bureau (KUB), идеолог Free Crimea. Игар Тышкевич одновременно и блогер и эксперт Украинского института будущего. Такие примеры приводят к мысли, что Крым — одна из тем, привлекающих внимание к самим блогерам, на которой можно заработать. События в Крыму оцениваются ими как «оккупация Крыма Россией» (иногда — «временная оккупация», подразумевая, что Крым вернется в состав Украины).

Блогеры ориентированы на теорию «малых дел», при которой достаточно быстро происходит накопление доверия аудитории и структурное формирование виртуальных сетевых сообществ вокруг блогов. Также технологии блогеров базируются на законах маркетинга и влияния, сокращая дистанцию между лидерами мнений и общественностью. Кредит общественного доверия к блогерам, налаженные ими личные отношения с подписчиками и обсуждаемая ими тематика Крыма, позволяющая выделить целевую группу влияния, — делают блогеров весьма привлекательными для внешних акторов в качестве субъектов влияния. Для многих украинских блогеров характерен популизм, методы производства которого заимствованы из коммерческой рекламы. Например, создание благоприятных или неблагоприятных ассоциаций, эффективность которых обратно пропорциональна их политической рациональности.

Потенциально блогосфера может создавать условия для участия граждан в формировании политической повестки дня, что ранее было доступно лишь политической элите. Но пока не следует идеализировать блогосферу, ее контент (во всех исследованных нами случаях) отражает и рефлексивирует политическую повестку, сформированную правящей элитой.

Несмотря на вышеупомянутые недостатки, блогосфера продолжит развитие как один из элементов политического поля страны и недооценивать этот процесс нельзя. Интерес к политике в блогосфере объясним, так как в нее вовлечены акторы, имеющие политические интересы, но не имеющие другой возможности их реализовать, кроме самоорганизации с помощью ресурсов Интернет. Как следствие, нарастает политический потенциал блогеров и их политическое влияние. Актив-

ное использование блогов как канала политического самовыражения и влияния обусловлено широкими возможностями самореализации на собственной странице, гибкими нормами коммуникации в чужих дневниках, тематическим разнообразием, которое позволяет создавать индивидуальную ленту новостей. В итоге деятельность политизированных блогеров направлена на мобилизацию и мотивирование людей совершать политические действия в реальном пространстве в отношении реальной политической власти.

Если официальные СМИ при выборе информации ориентируются на ее общественную и политическую значимость, то в блогосфере отбор информации зависит от интереса к ней блогера и его сообщества. Таким образом, информация точно находит своего потребителя. По цепочке может сформироваться большая сеть потребителей этой информации за счет сторонних лиц, близких к подписчикам блога или связавших (целенаправленно или случайно) интересующую их информацию с информацией, размещенной в блоге. В случае интереса информации и возникновения переживания по поводу нее возникает напряжение, которое часто называют «напряжением информационного поля», запускается процесс взаимодействия, выраженный в комментариях и публикациях пользователей. В этом случае информация распространяется достаточно быстро и широко. Однако работа с блогерами — это лишь один из инструментов влияния внешних акторов, он не приносит быстрого результата. Понимая это, внешние акторы используют комплекс разных ресурсов, инструментов и способов.

Группа «ресурсы и методы международных организаций», высказывающих свою точку зрения относительно правомерности вхождения Крыма в состав Российской Федерации, правового и социально-экономического положения отдельных групп населения в Крыму, оценивающих деятельность российской власти в Крыму и т.п. В целом проблематика, лежащая в основе критики политики России в Крыму и в основе попыток дестабилизации (путем актуализации конфликтного потенциала), полностью копирует проблематику, вокруг которой выстраивают оценку событий зарубежные СМИ. Эта проблематика формулируется следующим образом:

- несправедливые действия российских властей в Крыму («российский захват земли»), распределение должностей между москов-

скими представителями («коррупцированными кремлевскими назначенцами»)¹;

- ущемление прав меньшинств (особенно языковая политика в отношении татарского и украинского языков)²;
- ущемление прав и свобод (мониторинг прав человека)³;
- военная агрессия России⁴;
- критика зарубежных политиков и зарубежного бизнеса, поддерживающих Россию и бывавших в Крыму⁵.

---

¹ См.: MacFarquhar N. In Crimea, Russian Land Grab Feeds Cries of ‘Carpetbaggers!’ — URL: <https://www.nytimes.com/2017/09/30/world/europe/crimea-annexation-russia-ukraine.html>; Yaffa J. Putin’s Shadow Cabinet and the Bridge to Crimea. — URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2017/05/29/putins-shadow-cabinet-and-the-bridge-to-crimea>

² См.: The Annexation of Crimea Isn’t Going as Planned: Foreign Policy. — 2017. — URL: <http://foreignpolicy.com/2017/05/11/the-annexation-of-crimea-isnt-going-as-planned/>

³ См.: Моніторинговий огляд ситуації з правами людини у Криму — URL: <http://voicocrimea.com.ua/category/main/law>

⁴ См.: Русские «просто тренируются». Запад помнит про Крым. — URL: https://www.inopressa.ru/article/14Sep2017/inotheme/zapad_obzor14.html; Hemicker L. Putins Armeestehet an der Grenze — URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/russland-nato-staaten-blicken-besorgt-auf-herbstmanoever-15195860.html>; Saradzhyan S. 100,000 troops will engage in Russia’s Zapad-2017 war games — URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2017/09/13/100000-troops-will-engage-in-russias-zapad-2017-war-games/?utm_term=.f003b231dd12&wpisrc=nl_todayworld&wpmm=1; Bota A. Sie wollen doch nur üben. — URL: <http://www.zeit.de/2017/38/russland-weissrussland-militaermanoever-sapad/komplettansicht>; Higgins A. Russia’s War Games With Fake Enemies Cause Real Alarm. — URL: https://www.nytimes.com/2017/09/13/world/europe/russia-baltics-belarus.html?mcubz=3&wpisrc=nl_todayworld&wpmm=1; McClintock B., Lilly B. Zapad 2017; What It Reveals About the Prickly Russia-Belarus Relationship. — URL: <http://nationalinterest.org/feature/zapad-2017-what-it-reveals-about-the-prickly-russia-belarus-22271?page=show>; Ropcke J. Russen schicken Droh-SMS an Ukraine-Soldaten. — URL: <http://www.bild.de/politik/ausland/ukraine-konflikt/ukraine-elektronische-kriegsfuehrung-50059318.bild.html>

⁵ См.: Becker S., Amann M. Russische Stiftung bezahlte Krimreise von AfD-Politiker Pretzell — URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/marcus-pretzell-russische-stiftung-bezahlte-krimreise-des-afd-politikers-a-1130921.html>; Quenelle B. La Crimée, future tête de pont du marché russe — URL: https://www.lesechos.fr/23/05/2017/lesechos.fr/030350508152_la-crimee--future-tete-de-pont-du-marche-russe.htm; Sanktionen T. Siemens-Turbinen angeblich auf der Krim eingetroffen. — URL: <http://www.handelsblatt.com/unternehmen/industrie/trotz-sanktionen-siemens-turbinen-angeblich-auf-der-krim-eingetroffen/20024282.html>

Практически все вышеперечисленные ресурсы и технологии, реализуемые с их помощью, направлены на формирование сети идеологически подготовленных акторов влияния, ресурс которых можно использовать для дестабилизации ситуации. Однако закономерен вопрос: *насколько опасны и эффективны эти технологии? Какой дестабилизационный потенциал они имеют в настоящее время?*

Оценка такого потенциала была проведена экспертами в ходе структурированного интервью. Большая часть экспертов отметила, что влияние выше перечисленных актов в настоящее время невысоко, но они все же имеется. Экспертам предлагалось проранжировать ресурсы влияния по силе их дестабилизирующего потенциала. Из предложенного списка наиболее влиятельными эксперты посчитали сетевые сообщества (32,7%), институты гражданского общества (20,7%), международные организации (8,6%), лидеров общественного мнения, референтных лиц (5,2%), институты власти зарубежных государств (3,2%), никакие внешние влияния не могут дестабилизировать внутрисполитическую ситуацию (29,3%).

Эксперты отмечают, что наибольший дестабилизационный потенциал имеют сетевые сообщества и институты гражданского общества, выстраивающие горизонтальные коммуникации с населением путем использования интернет-ресурсов. Наименьшее влияние, по мнению экспертов, оказывают отдельные личности, ведущие свою деятельность в виртуальной среде, и институты власти зарубежных государств. Международные организации имеют невысокий потенциал дестабилизации. В ходе интервью эксперты уточняли, что позиция ООН по вопросу вхождения Крыма в состав России или введение антироссийских санкций не смогло дестабилизировать ситуацию и оказать давление на решение российской власти. Почти треть экспертов считает, что никакие внешние влияния не могут дестабилизировать внутрисполитическую ситуацию в Крыму. Точка зрения аргументировалась чаще всего тем, что 1) федеральный центр не допустит дестабилизаций; 2) события на Украине заставляют людей мыслить рационально, категориями безопасности; 3) трудности нас объединяют, особенно против «врага».

Собственно политическая дестабилизация общества (в целом, а не только в Крыму), по мнению опрошенных нами жителей Республики Крым, может проявляться следующим образом: революции и перевороты (97%), гражданская война (93%), многочисленные митинги и про-

тесты (41%), сопротивление людей решениям власти (39%), многочисленные террористические акты (37%), контроль органов власти неправительственными силами (31%), многочисленные публикации в СМИ и социальных сетях, критикующие власть (24%), наличие многочисленной оппозиции (19%). Иными словами, респонденты оценивают политическую дестабилизацию как активные действия протестующих сил, угрожающие свержением власти. Само по себе наличие оппозиции и многочисленных публикаций в СМИ не рассматривается большинством как дестабилизация.

Результаты нашего исследования показывают, что риск политической дестабилизации внутренними силами в Крыму в настоящее время мал. При этом небольшие очаги недовольства еще остаются. Распределение ответов на вопрос: «По вашему мнению, насколько велика вероятность политической дестабилизации в регионе?» показало, что 25% населения считает, что никакой угрозы дестабилизации нет, 41% считает, что угроза «невелика, но все же есть», 21% думает, что «вероятна, но не велика», и только 3% считает, что угроза дестабилизации достаточно велика, 10% затруднились ответить.

Активность внешних акторов дестабилизации в настоящее время, в целом, перенесена в виртуальную среду. Примерно треть (31%) респондентов встречали в социальных сетях предложения присоединиться к группам недовольных положением дел в Крыму, в том числе 6% встречают довольно часто, 17% — никогда не встречали, треть респондентов (33%) не помнят таких предложений и 19% опрошенных вообще не общаются по таким вопросам в социальных сетях. Из числа тех, кто встречал такие предложения, отметили, что инициаторы предложений были не довольны в первую очередь «положением крымских татар в Крыму» (76% от числа всех предложений, которые встречали респонденты в социальных сетях); 63% — политикой российской власти в Крыму; 61% — несправедливостью; 43% — нарушением прав; 24% — коррупцией; 21% — качеством жизни и уровнем доходов в Крыму; 5% — положением русских в Крыму.

Подводя итоги, сформулируем основные выводы. Технологии внешнего влияния на внутривнутриполитические процессы за историю своего существования эволюционировали от жестких технологий к более гибким, не силовым. Несиловые технологии не всегда рассчитаны на быстрый результат, они весьма эффективны в долгосрочной перспективе, так

как изменяют систему мировоззрения, ценности, установки, идеологические приоритеты, что препятствует воспроизводству политической системы и ценностей. К таким технологиям относятся технологии политической социализации (или десоциализации), целью которых является воспитание будущих элит, лиц, находящихся в точках принятия политических решений и воспитание масс, идеологически и системно не связанных с действующим правительством, сомневающимися в его легитимности и критически относящихся к его действиям на внутривнутриполитическом и внешнеполитическом пространстве. На фоне слабости, неэффективности действующей власти снижается социальный иммунитет общества к внешним воздействиям и снижается сплоченность общества.

Объектом внешнего влияния является в основном социально активная группа — молодежь. Поэтому технологии обеспечения стабильности должны быть рассчитаны в первую очередь на работу с молодежью. Политическая социализация и десоциализация, если они регулируются внешними акторами, имеют целью формирование антироссийских установок; мировоззрения, в основе которого лежат воспоминания о негативных моментах истории, связанных с Россией, а также формирование протурецких и прозападных симпатий.

Проведенный анализ технологий внешних акторов позволяет выделить, как минимум, три модели дестабилизирующих влияний.

Первая модель основывается на использовании ресурсов и методов действующих институтов и институциональной среды (как пример, действия внешних акторов в Крыму в период 1991—2014 гг. в условиях институциональной среды, характеризующейся хаотичностью, нестабильностью политической системы, конкуренцией внутри элит, либеральным законодательством в отношении экстремистских и радикальных организаций).

Вторая модель формируется в условиях сильного ограничения деятельности внешних акторов в реальном политическом пространстве, невозможности использовать действующие институты внутри страны, государственного контроля деятельности внешних акторов и их сторонников внутри страны, наличия запретительных нормативных правовых актов в отношении некоторых направлений деятельности внешних акторов. В таких условиях внешние акторы используют цифровые технологии и полностью переносят свою деятельность в виртуальную

среду, рассчитывая сформировать сеть адептов через виртуальные сообщества, но в последующем мобилизовать их на действия в реальной среде. Особенно такой вариант характерен для трансграничных акторов влияния (трансграничные антирелигиозные коммуникативные сети, трансграничные международные организации и т.п.). В чистом виде такая модель влияния не характерна для внешних акторов, за которыми стоят государственные институты других стран. В этом случае формируется третья модель влияния внешних акторов.

Назовем третью модель «смешанной моделью», когда используются одновременно и институциональные ресурсы, и ресурсы виртуальной среды. При этом задействованы институты государства — места нахождения внешних акторов, и частично задействованы некоторые гражданские институты этих государств. Государственные институты используют ресурсы виртуальной среды (официальные сайты, страницы в социальных сетях, взаимодействие с социальными медиа и др.) для формирования антироссийских настроений. В этих же целях самодостаточно действуют и акторы самой виртуальной среды — блогеры, лидеры форумов, референты социальных сетей, медиа и др. Практически все задействованные акторы виртуальной среды взаимосвязаны, ссылаясь на информацию друг друга, вовлекая новых акторов из разных стран, интернационализируя проблематику конфликта и выводя статус своих адептов на более высокий, международный уровень. Таким примером может служить система влияния, которую пытаются выстроить зарубежные акторы через Украину.

ГЛАВА 3

КРИТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

3.1. Методологические основы исследования технологий обеспечения политической стабильности

3.1.1. *Что такое политические технологии?*

Попытки стандартизации способов и методов разрешения общественных противоречий, поиска алгоритмов действия политических центров в схожих ситуациях предпринимались неоднократно. Но проблема технологизации политического управления все еще актуальна, так как обусловлена изменяющимся общественно-политическим контекстом. И чем выраженнее качественные изменения контекста, тем актуальнее проблема поиска новых технологий политического управления и/или адаптации старых к новым реалиям. Несмотря на отсутствие научного консенсуса относительно общепринятого подхода к трактовке понятия «технологии», дискуссии о формализации и дифференциации понятий «политические технологии», «технологии в политике», «технологии политической деятельности»¹ и др., понимая, что существуют многочисленные основания классификации политических технологий, выделим подходы, составившие научно-теоретическую базу нашего исследования.

Мы использовали философские основы понимания технологий, возможности и ограничения технологизации деятельности, в том числе и политического управления, заложенные в работах Дж. Бермана,

---

¹ Гришин О.Е. Технологии политической деятельности: сущность и потенциал применения: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2001. — С. 17—62.

С. Блэка, Д. Вейцнера, Ф. Джефкинса, Д. Линдона, Ф. Лунца, Д. Мангейма, Дж. Мартино, Д. Пиньона, Р. Рича, К. Стандке¹ и др. Среди российских ученых отметим подходы М.Г. Анохина, О.Е. Гришина, В.С. Комаровского, Ю.И. Матвеевко, А.И. Соловьева, О.Ф. Шаброва².

В российских исследованиях последних лет чаще всего ссылаются на определения технологий, данные О.Ф. Шабровым и А.И. Соловьевым: технологии — целенаправленно сконструированные «совокупности приемов и способов достижения результата, использование которых затрагивает государство и несовпадающие интересы значимых социальных групп»³, направленные на «наиболее оптимальную и эффективную реализацию целей и задач конкретного субъекта в определенное время и в определенном месте»⁴. Вместе с тем следует отметить большое разнообразие исследований, посвященных разным видам технологий, где авторы дают свои определения. Например, через призму связей власти и общества рассматриваются технологии PR-структур в работах Ю.А. Головина, Т.Э. Гринберга, В.С. Комаровского, Т.Ю. Лебе-

---

¹ См.: Блэк С. Паблик рилейшнз? Что это такое? — М., 1994; Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология: Методы исследования. — М.: Весь Мир, 1999; Марков М. Технология и эффективность социального управления. — М.: Прогресс, 1982; Мартино Дж. Технологическое прогнозирование. — М.: Наука, 1997; Стандке К. Оценка технологии — сугубо политический процесс // Импакт. — Париж, 1987. — № 1; Berman J., Weitzner D. Technology and democracy // Social research. — New York, 1997. — Vol. 64. № 3; Jefkins F. Public Relations. — London: Pitman., 1994. — P. 340; Lindon D. Marketing politique et social. — Paris, 1976; Luntz F. Candidates, consultants and campaigns. — Oxford, 1988; Гуревич В.В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков. — М., 1988; Pignon D. Crises et communications // Strategieqie. — Paris, 1986. — № 32.

² См.: Политическое управление / под ред. В.С. Комаровского, С.В. Рогачева. — М.: РАГС, 1999; Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты и технологический вызов. Имперская бюрократия и проблемы модернизации // Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. — М., 1998; Гришин О.Е. Технологии политической деятельности: сущность и потенциал применения: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2001; Шабров О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. — М.: Интеллект, 1997.

³ Цит. по: Шабров О.Ф. Политические технологии // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 4. — С. 328.

⁴ Соловьев А.И. Политология: Политическая теория и политические технологии. — М.: Аспект Пресс, 2001. — С. 415.

девой, И.Д. Соколова, Е.Н. Пашенцева¹ и др. Технологии политической рекламы исследовались Е.В. Егоровой-Гантман, И. Минтусовым, П.В. Ушановым, О.А. Феофановым² и др. Информационно-политические технологии, интернет-технологии политического управления проанализированы в трудах С.Н. Бухарина, Л.А. Василенко, Ю.С. Кинаш, В.В. Комлевой, Г.Г. Почепцова, В.В. Цыганова³ и др. Технологии в контексте политической конфликтологии рассматривались А.В. Глуховой, О.А. Колобовым, В.А. Кулинченко, Е.Г. Степановым, Л.Н. Тимофеевой⁴

---

¹ См.: Головин Ю.А., Григорьев П.В., Щенников М.А. Новые политические технологии в современной России. — М.: НИПКЦ Восход-А, 2009; Гринберг Т.Э. Политические технологии: PR и реклама. — М.: Аспект Пресс, 2006; Связи с общественностью в политике и государственном управлении / под ред. В.С. Комаровского. — М.: РАГС, 2001; Лебедева Т.Ю. Паблик рилейшнз. Корпоративная и политическая режиссура: Модели, система ценностей, каналы СМК. — М.: Изд-во МГУ, 1999; Соколов И.Д. Технология популярности, или паблик рилейшнз. — Минск: Парадокс, 1999; Чумиков А.Н. Связи с общественностью: учеб. пособие. — М.: Дело, 2000; Пашенцев Е.Н. Политконсультанты за работой: опыт России // Связи с общественностью: мировая практика и современная Россия. — М., 2000 и др.

² См.: Егорова-Гантман Е. В., Плешаков К.В., Байбакова В.Б. — М.: Никколо-Медиа, 2002; Ушанов П.В. Гласность как политическая технология. — Владивосток: Изд. дом Дальневост. федерального ун-та, 2012; Феофанов О.А. Политическая реклама // Реклама: новые технологии в России. — СПб.: Питер, 2000.

³ См.: Бухарин С.Н., Цыганов В.В. Методы и технологии информационных войн. — М.: Академический Проект, 2007; Василенко Л.А. Интернет в информатизации государственной службы России. — М., 2000; <http://www.confident.ru/magazine/Tema/Terna.html>; Кинаш Ю.С. Возможности информационных технологий в современных политических конфликтах (на примере конфликта в Ливии 2011 г.) // PolitBook Political Science Journal. — 2017. — № 3 — С. 176—187; Комлева В.В. Информационные потоки в избирательной кампании. — Орел: Изд-во ОРАГС, 2003; Почепцов Г.Г. Информационно-политические технологии. — М.: Центр, 2003; Цыганов В.В., Бухарин С.Н. Информационные войны в бизнесе и политике: теория и методология. — М.: Академический Проект, 2007.

⁴ См.: Глухова А.В. Политический конфликт: анализ теории и методологии исследования: дис. ... д-ра полит. наук. — М.: РАГС, 1998; Колобов О.А. Современные политические технологии противодействия радикальным экстремистским течениям. — Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2006; Кулинченко В.А. Политический конфликт / Политическая теория: тенденции и проблемы. — М., 1994; Степанов Е.Г. Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы. — М.: Ин-т социол. РАН, 1996; Тимофеева Л.Н. Технологии управления политическими конфликтами на микроуровне // Политическая культура. Сер. Политология. — М., 1999. — Вып. 6.

и др. Отдельную группу исследований составляют исследования избирательных технологий, технологий мобилизации электората, создания политических сетей избирателей (В.Н. Амелин, Т.Е. Бейдина, А.Ю. Бузин, С.Е. Гречишников, З.М. Зотова, А.И. Ковлер, С.Ф. Лисовский, Е.Б. Малкин, Н.М. Мальцева, С.В. Мироненко¹ и др.).

Обобщая работы указанных авторов, основываясь на принятых нами теоретико-методологических подходах, принимая во внимание этимологию слова «технология» (от греч. *techne* — искусство, мастерство и *logos* — наука, знание), дадим определение технологий обеспечения политической стабильности с точки зрения нашего исследования. *Технологии обеспечения политической стабильности* — это система последовательных логически выстроенных, взаимосвязанных решений и взаимодействий акторов по решению проблемы обеспечения стабильности политической системы наиболее оптимальными методами и средствами с использованием имеющихся и привлеченных ресурсов, в конкретном политическом контексте, с учетом интересов акторов технологий. Особенностью данного определения является вывод понимания технологий из субъектно-объектного поля в акторное, т.е. подчеркивание значения интересов, активности, ресурсов и влияния всех участников процесса обеспечения политической стабильности. Такой подход обусловлен изменяющейся реальностью, актуализацией общественного запроса на горизонтальные модели коммуникации, соучастие в принятии и реализации политических решений, потребностью

---

¹ См.: Амелин В.Н. Стратегия избирательной кампании — М.: Рос. центр обучения избират. технологиям при Центр. избир. комиссии РФ, 2001; Бейдина Т.Е. Избирательные технологии, оказывающие манипулятивное воздействие на электорат. — Чита: РИК ЧитГУ, 2010; Бузин А.Ю. Административные избирательные технологии и борьба. — М.: Панорама, 2007; Гречишников С.Е. Избирательные технологии. — М.: Канон+, 2011; Зотова З.М. Избирательная кампания: технологии организации и проведения. — М.: Рос. центр избират. технологий: Вестник, 1995; Ковлер А.И. Избирательные технологии: российский и зарубежный опыт. — М.: ИГПАН, 1995; Лисовский С.Ф. Избирательные технологии: история, теория, практика. — М.: РАУ Ун-т, 2000; Малкин Е.Б., Сучков Е. Политические технологии: избирательные технологии, партийное строительство, политические проекты. — 3-е (8-е) изд., испр. и доп. — М.: Русская панорама, 2012; Мальцева Н.М. Грязные избирательные технологии: Мифы и реальность. — М., 2003; Мироненко С.В. Избирательные технологии и безопасность. — Самара: Новая техника, 2001.

в субъектно-субъектных отношениях. При этом акторные отношения предполагают активность и осведомленность всех участников о целях, способах, ресурсах применяемых технологий. По логике своей разработки технологии обеспечения политической стабильности основываются на достижениях общей теории технологий и в общем виде предполагают взаимосвязанные процедуры и операции.

Сущность технологий заключается в алгоритмизации использования знаний о методах, средствах, ресурсах, формах изменения политической реальности и достижения цели. Технологии рационализируют и алгоритмизируют политическую реальность, чем способствуют повышению эффективности действий политических акторов. Вместе с тем современная реальность так быстро изменяется, внешние акторы так изобретательно подходят к своим технологиям, что от центров политического управления требуются более гибкие алгоритмы политического управления. Требуется акцент исследовательского внимания не только на преобразующем характере технологий, но и на познавательном. Ряд классических технологий становятся малоэффективными (например, если использовать только технологии противодействия внешним влияниям без критического осмысления и оценки степени угрозы этих влияний).

Современная быстро изменяющаяся реальность затрудняет тиражирование и многократное использование технологий даже при достижении похожих целей и задач. Отсюда актуализируется проблема разработки каждый раз уникальных технологий, что труднодостижимо в реальности. Такое противоречие заставляет задуматься над поиском гибких технологий обеспечения политической стабильности с делегированием части функций политического центра обществу (а точнее — институтам гражданского общества). Однако такое делегирование будет иметь желаемый результат, если оценки внешних влияний и реакции на них у общества и системного центра будут максимально схожи, что достигается технологиями социализации. В таких условиях возможно достичь уровня технологизации процесса обеспечения политической стабильности, при котором технологии могут тиражироваться и воспроизводиться, например, в разных региональных подсистемах, с учетом конкретного политического контекста.

Соглашаясь с логикой формализации понятия «политические технологии» (включающего преимущественно политические компоненты) и

понятия «технологии политической деятельности», принятой в исследованиях О.Е. Гришина¹, мы относим технологии обеспечения политической стабильности к группе технологий политической деятельности, а точнее — к технологиям политического управления. Такой подход позволяет нам рассматривать не только политические компоненты, ресурсы и методы технологий обеспечения политической стабильности, но и социальные, экономические, информационные культурные, психологические и другие ресурсы и методы, имеющиеся у акторов процесса обеспечения политической стабильности.

Мы предлагаем рассматривать технологии обеспечения политической стабильности не только как «структурный элемент любой политической системы и технологически оформленный продукт» (формулировка О.Е. Гришина), но и как деятельность, связанную с реализацией критически значимой цели обеспечения политической стабильности. Определение и достижение этой цели является самой важной задачей политического центра при выборе технологий особенно в условиях роста транспарентности политических решений, открытости политических систем, формирующейся трансполитичности, и одновременно обострения международной конкуренции. Например, цель, направленная только на противодействие внешним влияниям, может обусловить выбор одних технологий, а цель, направленная на формирование критического осмысления внешних влияний, обусловит выбор других технологий.

3.1.2. Виды технологий обеспечения политической стабильности

Из известных нам работ по политическим технологиям наиболее функциональна классификация, предложенная О.Ф. Шабровым². Он выделяет технологии по характеру решаемых задач (технологии политологического исследования, переговоров, принятия решений, выборов, политической рекламы и др.); по основанию применяемого

---

¹ Гришин О.Е. Технологии политической деятельности: сущность и потенциал применения: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2001. — С. 17—62.

² Шабров О.Ф. Политические технологии // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 4. — С. 328—330.

инструментария (технологии исследования, политического согласования, воздействия и т.п. с применением инструментария психологии, социологии и др.); по степени открытости (публичные, латентные «кабинетные» технологии); по уровню решаемых задач (глобальные технологии, национально-государственные, региональные, местные); по степени воспроизводимости (стандартные, уникальные); по степени применения силы (жесткие, мягкие, к этой же группе мы бы отнесли и относительно недавно появившиеся «гибридные технологии»); по степени соответствия существующим в обществе нормам (нормативные и девиантные); по степени «генеральности» (генеральные технологии и технологии, частные по отношению к генеральной технологии).

Весьма полно и информативно представлены и систематизированы технологии в диссертации О.Е. Гришина. Автор типологизировал технологии по видам политики (внутренняя, внешняя, международная); по направлениям политики направления (экономическая, социальная, национальная, демографическая, аграрная, культурная, экологическая, военная, геополитика и др.); по средствам государственной власти (технологии принуждения, убеждения, насилия, технологии парламентаризма, технологии переговорного процесса, достижения консенсуса и др.); по функциям политического управления (технологии связей с общественностью, принятия политических решений, информационно-аналитического обеспечения и др.); по задачам политического маркетинга (технологии исследования политического рынка, изучения и формирования общественного мнения, формирования позитивного имиджа организации, технологии политической коммуникации, лоббистской деятельности и др.); по задачам построения демократического гражданского общества (технологии политического участия, разрешения и регулирования конфликтов, переговоров, социального партнерства и др.); по задачам партийного строительства (технологии создания партии, привлечения социальных слоев к политической деятельности, идейной борьбы, политического руководства и др.); по задачам политической деятельности на разных уровнях политической системы (технологии социально-политического мониторинга, технологии прогнозирования, сценарийной техники, проектирования стратегий, реформ, лидерские технологии и др.); по спектру избирательных технологий (политическая реклама, ораторское искусство, техноло-

гии построения предвыборной команды, агитационные технологии, пропаганда и др.); квазинаучные технологии («чистые», «грязные», «серые» и др.); по степени рациональности (рациональные, иррациональные, нерациональные (перерасход ресурсов относительно требуемого количества для решения конкретной задачи); другие виды технологий¹. Отметим, что «метод стабилизации политической системы» О.Е. Гришин относит «к технологиям функционирования и развития политической системы и ее институциональной подсистемы, наряду с выборными технологиями, технологиями разделения власти, технологиями политической социализации, технологиями получения, удержания, укрепления власти, технологиями обеспечения национальной безопасности, технологиями повышения эффективности деятельности элиты»² и другие виды технологий.

Не считаем необходимым пересказывать все известные классификации технологий, но отметим, что они были осмыслены для формирования авторской классификации технологий именно обеспечения политической стабильности. Предлагаемые нами технологии обеспечения политической стабильности являются «генеральными» (то есть общими, предполагающими более частные технологии) и предназначены для политического системного центра (органов власти). Они предполагают наличие активных внешних дестабилизирующих влияний в современных (вышеописанных) условиях, поэтому классификация технологий опосредована функциями политического центра по обеспечению устойчивости и развития политической системы. Мы выделяем следующие виды генеральных технологий обеспечения политической стабильности (см. табл. 1).

Каждый вид перечисленных генеральных технологий предполагает систему частных технологий, которые представляют собой самостоятельный алгоритм решения поставленной задачи. Предложенная классификация не претендует на всеобщность и универсальность, может быть дополнена и скорректирована в дальнейших исследованиях. На данном этапе она позволяет рационализировать и систематизировать методы, задачи и акторов обеспечения стабильности.

---

¹ Гришин О.Е. Технологии политической деятельности: сущность и потенциал применения: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2001. — С. 53—58.

² Там же. — С. 53.

Классификация генеральных технологий обеспечения политической стабильности

1. По акторам процесса обеспечения политической стабильности	2. По содержанию важнейших задач системного центра в обеспечении стабильности	3. По способам взаимодействия акторов обеспечения стабильности
1.1. Технологии институтов социализации	2.1. Технологии обеспечения безопасного существования	3.1. Технологии мониторинга, аккумулирования, агрегирования, выражения интересов и потребностей общества
1.2. Технологии государственных институтов	2.2. Технологии социализации, формирования общей непротиворечивой системы ценностей и норм	3.2. Технологии коммуникации, в том числе информирования
1.3. Технологии негосударственных политических институтов	2.3. Технологии формирования непротиворечивой социальной памяти	3.3. Технологии создания социальных сетей в реальной и виртуальной средах
1.4. Технологии институтов гражданского общества в их числе, но с учетом особых ресурсов технологии СМИ	2.4. Технологии формирования социальной сплоченности	3.4. Технологии вовлечения в системные отношения
1.5. Технологии религиозных институтов	2.5. Технологии формирования системного и институционального доверия	3.5. Технологии мобилизации Цифровые технологии взаимодействия власти и общества
1.6. Технологии международных институтов		
1.7. Технологии акторов виртуального пространства		
1.8. Технологии экономических институтов		

Таким образом, технологии обеспечения политической стабильности могут быть классифицированы: по акторам процесса обеспечения политической стабильности (технологии институтов социализации, государственных институтов, негосударственных политических институтов, экономических институтов, институтов гражданского общества, СМИ, религиозных институтов, международных институтов, технологии акторов виртуального пространства и др.); по содержанию важнейших задач системного центра в обеспечении стабильности (технологии обеспечения безопасного существования, технологии социализации, формирования общей непротиворечивой системы ценностей и норм, технологии формирования непротиворечивой социальной памяти, технологии формирования социальной сплоченности, технологии обеспечения социальной справедливости, технологии формирования системного и институционального доверия и др.); по способам взаимодействия акторов обеспечения политической стабильности (технологии мониторинга, аккумулирования, агрегирования, выражения интересов и потребностей общества; технологии коммуникации, в том числе информирования; технологии создания социальных сетей в реальной и виртуальной средах; технологии вовлечения в системные отношения; технологии мобилизации; цифровые технологии взаимодействия власти и общества и др.). Указанные технологии должны базироваться на принципах адекватности степени угрозы внешних влияний; целесообразности применяемых методов, способов, ресурсов; соответствия актуальному контексту, национальным приоритетам и потребностям общества.

3.2. Условия и факторы обеспечения политической стабильности в Республике Крым

3.2.1. Новая институциональная среда Республики Крым и условия выбора технологий обеспечения политической стабильности

Обновление институциональной среды Республики Крым произошло после вхождения в состав Российской Федерации и, собственно, новизна заключается в изменении не только законодательной базы, перестройке всех сфер под требования российского законодательства,

изменении норм общественно-политических отношений, социально-экономических аспектов жизни, но и в обновлении ценностно-нормативных основ, механизмов общественного согласия, изменении культурного, идентификационного вектора (выше были рассмотрены попытки украинской власти сформировать европейскую идентичность среди крымчан путем навязывания украинского языка, пересмотра, идеологизации и тенденциозной подборки событий истории и др.). Как следствие, в 2014 г. в состав России крымское сообщество вошло далеко не в том состоянии, в котором оно было в 1990-х годах. За период 1991—2014 гг. оно пережило процессы реинтеграции, ресоциализации, реинституционализации. Два раза с 1995 г. в отношении жителей Крыма применялись разные по содержанию, но одинаково мощные по силе воздействия программы интеграции: программа интеграции в украинское общество (Программа интеграции и развития Крыма ООН (ПРИК)) и с 2014 г. — программа интеграции в российское общество (программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2022 года»). Уникальность крымского случая именно в повторной интеграции крымского социума в общероссийский социум (со всеми ранее интериоризированными жизненными практиками и стереотипами), в необходимости принятия новой институциональной среды. В этой связи повышается роль и значение системного центра и политических институтов в достижении целостности и упорядоченности региональной системы. С политической точки зрения речь идет о целенаправленной экономической, социальной и культурной политике в отношении крымского социума.

Выбор технологий обеспечения политической стабильности в новой институциональной среде должен учитывать, как минимум следующие условия.

Первая группа условий связана с необходимостью понимания и учета ключевых особенностей общественно-политического развития в Республике Крым:

- неоднократные реинституционализация, реинтеграция, ресоциализация крымского социума в разные общественно-политические системы (СССР, Украина, РФ);
- полиэтничность, полирелигиозность социума, этнополитические конфликты, конфликтогенность «крымско-татарского вопроса», длительный поиск своей региональной идентичности;

- воспроизводство исторических травм у некоторых политически активных групп населения;
- столкновение геополитических интересов региональных и вне-региональных акторов на территории Крыма;
- наличие положительного опыта горизонтальных взаимодействий власти и общества, субъект-субъектных отношений и результатов, достигнутых сетевыми технологиями (Референдум и последующие события 2014 г.).

Вторая группа условий связана с необходимостью правильного определения механизма поддержания политической стабильности с учетом вышеназванных особенностей. В контексте изменяющейся институциональной среды Крыма основной целью является формирование способности общества к самоадаптации, способности критически осмысливать внешние влияния, оценивать их и реагировать на них схожим образом с системным центром, т.е. таких способностей, которые мы называем социальным иммунитетом к внешним влияниям.

Предположительно, что его формирование затруднено спецификой крымского случая. Специфика Крыма при формировании реакции иммунитета обусловлена не просто их развитием, а возрождением (после вхождения в состав РФ) ряда критериев, по которым общество оценивает внешние воздействия как «чужеродные», хотя еще недавно оценивало их как «свои». Относительно недавно жители Крыма были в условиях, при которых степень «чужеродности» внешних влияний оценивалась по степени их антироссийской направленности. В новой институциональной среде критерии «чужеродности» другие, и они еще не полностью интериоризированы жителями.

Следует учитывать и то, что в украинский период население Крыма было искусственно расколото, как минимум, на две самые многочисленные группы — крымских татар и русских. На русское население была возложена ответственность за действия системного центра в период СССР, за исторические травмы, переживаемые крымскими татарами. «Русские» рассматривались как враждующая группа, мешающая реализации идеи национальной государственности крымских татар. С другой стороны, русское население в условиях украинизации чувствовало себя ущемленным в правах. Разумеется, в каждой из названных групп были люди разных позиций, но, в целом, сложилась именно такая ситу-

ация, спровоцированная действиями системного центра (находившимся в то время в Украине). В настоящее время ситуация меняется, но учитывая известную инертность общественного сознания, трансформация общественного сознания жителей Крыма, скорее всего, будет происходить медленнее, чем перестройка институциональной среды. Это делает формирование социального иммунитета еще более сложной и важной задачей системного центра.

Усилия органов власти Крыма целесообразно направить на внутрисистемные факторы, а именно на формирование чувства экзистенциальной безопасности, реинституционализацию социальной памяти, ресоциализацию крымчан и формирование социальной сплоченности, формирование институционального и системного доверия (в том числе путем вовлечения групп населения (особенно молодежи) в системные отношения с властью, доверие органов власти обществу, разделение ответственности органов власти с обществом за принятие и реализацию решений). Указанные факторы в Крыму критически значимы, что обусловлено: 1) введением зарубежными странами политических и экономических ограничений в отношении жителей Крыма (ограничений, нарушающих права граждан), нарушающих чувство экзистенциальной безопасности; 2) мировоззренческими особенностями этнических и религиозных групп, их интересов, потребностей и интерпретаций реальности, не всегда позитивно сказывающихся на социальной сплоченности и системном доверии.

3.2.2. Верификация идеи социального иммунитета

Подход к обеспечению политической стабильности в условиях внешних влияний, описанный в первой главе, был верифицирован нами в ходе исследований, проведенных в Республике Крым. В результате верификации подтвердилась роль и значение социального иммунитета и внутрисистемных факторов обеспечения политической стабильности. Верификация осуществлялась следующими способами:

- открытостью процедур получения исследовательских данных и возможностью их апробации в практике деятельности одного из авторов этой книги в Республике Крым;

- сравнением полученных результатов исследования с результатами другими исследователей¹;
- внешней экспертизой, проведенной экспертами в Республике Крым и специалистами по политическим процессам в регионах России. Экспертное сообщество (37 человек) составили ученые-политологи, социологи, конфликтологи, представители институтов социализации (Крымского Федерального университета, общеобразовательных школ, учреждений культуры), представители органов власти (Государственного Совета Республики Крым, Правительства Республики Крым), оппозиции (представители КПРФ), институтов гражданского общества (Общественной палаты Республики Крым, национально-культурных автономий), религиозных институтов (епархии православной церкви, духовного управления мусульман), СМИ («Крымские известия»), социальных сетей («Молодежная Республика Крым»);
- в ходе проведения фокус-группы среди молодежи 18—25 лет (12 человек);
- путем сравнения результатов проведенного опроса жителей Республики Крым с результатами экспертного интервью и результатами других исследований. Опрос жителей Республики Крым был проведен в августе — сентябре 2018 г. Выборочная совокупность составила 980 человек.

В процессе верификации было установлено, что большинство экспертов согласны с позиций автора исследования в том, что механизм социального иммунитета — наиболее действенный механизм обеспечения политической стабильности в условиях интенсификации внеш-

---

¹ Например: результаты исследований, проводимых под руководством декана философского факультета КФУ, д-ра филол. наук О.А. Габриеляна и результаты социологических опросов, проводимых под руководством зав. кафедрой социологии и социальной философии КФУ, академика РАН СТ и МСБ научного руководителя центра «Социс», д-ра соц. наук, проф. В.А. Чигрина; экспертные материалы, опубликованные в следующих изданиях: Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Республике Крым — в городе федерального значения Севастополе: экспертный доклад за 2017 г. / ред. Е.В. Гросфельд. — Симферополь: АРИАЛ, 2018; Русский мир: культурное пространство Крыма. — Симферополь: ИП Бровко А.А., 2016; Киселева Н.В. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения. — Симферополь: Салта, 2015; Крымская власть (от Багрова к Аксенову). — Симферополь: Доля, 2017.

них влияний и усиления прозрачности систем. Преимуществом этого механизма, в отличие от реактивных технологий противодействия внешним акторам, являются: 1) развитие способности общества самостоятельно критически оценивать внешние влияния; 2) максимальное совпадение реакций общества и системного центра на основе добровольного согласования своих оценок. С технологической точки зрения развитие совпадающих реакций у общества и системного центра является синергетическим результатом применения технологий формирования социальной памяти, сплочения общества, обеспечения социальной справедливости, формирования институционального и системного доверия, обеспечения экзистенциальной безопасности общества, рассматриваемых нами в качестве критически значимых внутрисистемных факторов политической стабильности.

Верификация фактора «социальная память» подтвердила значение преобразования информации о прошлом в связи с актуальным общественно-политическим контекстом. Экспертам был задан вопрос: «Если бы вам пришлось выбирать один из способов обеспечения политической стабильности в Крыму, что бы вы выбрали как первоочередную задачу: улучшить социально-экономическое положение, сделать более привлекательной жизнь в регионе или сформировать ценностно-нормативную систему, социальную память, идеологически непротиворечивую “картину мира”, нравственные императивы?». Все эксперты отметили неразрывность этих задач, но в ситуации необходимости выбора более 80% экспертов начали бы с формирования ценностно-нормативной системы, социальной памяти, идеологически непротиворечивой «картины мира», нравственных императивов. В крымском сообществе речь идет не просто о формировании, а о реинституционализации социальной памяти, заключающейся в поиске и транслировании непротиворечивого опыта совместных действий полиэтничного крымского народа и одинаково значимых (по содержанию и важности) исторических событий, норм и ценностей сплоченности. Речь не идет о тенденциозном подборе и трактовке истории. Эксперты отмечали необходимость объективно и критично оценить историческое прошлое с позиций ценности человеческой жизни, реалий конкретного исторического периода и задач системного центра по сохранению целостности и устойчивости всей системы. В этой связи мы предположили, что институтам социализации следует использовать для воспроизведения такие историче-

ские модели и примеры взаимодействия власти и общества, межгрупповых отношений в Крыму, которые сближают полиэтничное сообщество Крыма, а не провоцируют конфликт. В процессе исследования самой труднорешаемой задачей стала задача поиска именно таких исторических примеров и моделей поведения. Исторические обиды и переживания исторических травм передаются от поколения к поколению, вытесняя даже исторический опыт консолидированных действий, социальной сплоченности и общественного согласия. И здесь группу риска составляет молодое поколение.

Исследование показало, что у молодежи имеются затруднения в интерпретации значимости исторических событий не только в контексте современных реалий, но с каких-либо других позиций. Весьма сложным для студентов оказалась просьба назвать десять основных событий в истории Крыма, которые следовало бы изучать будущим поколениям. Затруднения наступали на четвертом-пятом событии. В отличие от более взрослых поколений (называвших события в хронологической последовательности и начинавших испытывать затруднения на седьмом-восьмом событии), подавляющая часть молодежи начинала с 2014 г., называя референдум и строительство крымского моста. Затем назывались события, недавно отмечавшиеся в Крыму и освещавшиеся в массмедиа («вторая оборона Севастополя», «памятник Екатерине II», «день жертв депортации»).

Вероятно, что затруднения в перечислении значимых исторических событий (которые демонстрировали бы консолидацию крымчан) являются следствием изучения в «украинский период» истории и гуманитарных дисциплин в интерпретации, противоречащей нынешнему контексту. Как следствие, непонимание молодежью того, как теперь относиться к историческому прошлому Крыма. В этой связи именно молодежь составляет наибольшую группу, рискующую оказаться под влиянием внешних манипуляций историческими фактами. Во избежание этого целесообразно ввести в учебные планы учебных заведений обязательный курс истории Крыма (на все направления подготовки). Ответственность за это лежит на руководстве учебных заведений и особенно средних профессиональных и высших профессиональных учебных заведений Крыма (так как в школах есть курс крымоведения, вопрос только в том, каковы остаточные знания истории Крыма у выпускников школ).

Для реинституционализации социальной памяти некоторые эксперты предложили рассматривать историю Крыма до момента вхождения в состав Российской империи в парадигме общемировой истории, а после этого — в парадигме истории России. Линия раскола в трактовке исторических событий лежит в основном по линии трактовки истории крымско-татарского и русского народа, а именно — действий системного центра в отношении этих народов в периоды нахождения Крыма в составе разных государств, трактуемых как ущемление прав и свобод не только крымских татар, но и других народов, в том числе и русского. Например, в украинский период центральная власть Украины проводила политику «украинизации», сознательно сталкивала крымско-татарское население с русским, преследуя собственные антироссийские интересы. Зарубежные акторы использовали в своих интересах групповой интерес крымских татар (желание иметь свою национальную государственность).

В современных реалиях рекомендуется сместить акценты с подчеркивания конфликтности исторического опыта взаимодействия (поведение крымско-татарского народа во время Великой Отечественной войны, действия системного центра в отношении крымских татар по переселению и т.п.) на события, демонстрирующие солидарность народов в трудные исторические периоды. Однако технологические сложности реализации этой задачи наступают уже на этапе поиска консолидирующих исторических фактов. В процессе экспертного интервью такие факты были перечислены представителями Духовного Управления мусульман Крыма: действия во время Великой Отечественной войны дважды Героя Советского Союза Амет-Хана Султана (после войны работавшего испытателем новой авиационной и космической техники)¹; пример конного полка крымских татар — личной охраны российского императора Николая II и другие исторические факты. Иными словами, при желании заинтересованных сторон возможен поиск факторов консолидированных действий полиэтничного социума в Крыму, и пропаганда таких фактов в разных группах референтными акторами.

---

¹ Распоряжение Совета министров Республики Крым от 25.08.2015 г. № 739-р «Об утверждении Плана мероприятий по подготовке и проведению в Республике Крым памятных мероприятий, посвященных 95-летию со дня рождения дважды Героя Советского Союза Амет-Хана Султана» // Официальный веб-сайт Совета министров. — URL: www.rk.gov.ru

Чтобы избежать манипуляций общественным мнением в процессе реинституционализации социальной памяти, следует развивать критическое мышление, т.е. умение анализировать, сравнивать, критически относиться к внутренней и внешней информации и воздействиям. Каким бы парадоксальным не казался наш вывод, но люди, зависящие от пропаганды, легче попадают под внешние влияния. Отсутствие навыков критического осмысления реальности заставляет таких людей в периоды общественных трансформаций стремиться к поиску готовых, идеологически непротиворечивых матриц осмысления реальности. Поэтому идеологически зависимые люди склонны заменять одну идеологию другой. Люди, умеющие критически осмыслить действительность и перспективы, менее подвержены внешним влияниям, поэтому способны оценить плюсы и минусы не только своего общества, но и чужого. Развитие критического мышления — функция институтов образования, которая реализуется в процессе обучения. В университетах на развитие критического мышления направлены гуманитарные дисциплины, такие как философия, социология, политология. Однако в учебных планах вузов сокращаются именно эти дисциплины, как отмечали эксперты из крымских университетов.

Внешний мониторинг процесса развития критического мышления в университетах весьма затруднен. Поэтому контроль за выполнением этой функции лежит, как правило, на самом образовательном учреждении, а результаты зависят от квалификации педагогов и преподавателей. Вторым важным институтом развития критического мышления являются СМИ, общественные организации. Целесообразно повысить уровень исторических знаний журналистов, способных готовить аналитические материалы для широкой аудитории в доступной и интересной форме.

Что может стать методологической основой формирования критического мышления? Было бы некорректным отрицать конфликтогенность территории Крыма и заниматься мифотворчеством на основе тенденциозно подобранных фактов. Основу формирования критического мышления может составить цивилизационный подход, позволяющий рассматривать Крым как территорию столкновения цивилизаций, цивилизационных интересов, а не противостояния отдельных этнических групп Крыма. Например, с этих позиций могут быть осмыслены противоречивые периоды разных войн, в том числе и гражданской войны в

Крыму. Кроме того, источником конфликтов являются геополитические интересы, и осмысление крымской проблематики с точки зрения геополитики позволило бы показать, что крупные геополитические игроки втягивают отдельные этнические группы Крыма в реализацию своих интересов, находя внутри этнических групп людей, наиболее подверженных внешним влияниям, используя метод интернационализации конфликта. С этим предположением согласилась большая часть экспертов. Значительно меньшая часть (10,8% экспертов) отметили, что в Крыму невозможно сформировать критическое мышление, потому что в семьях постоянно воспроизводятся переживания исторических травм и обид, а социализация мощнее, чем в семье, не происходит ни в одном другом социализирующем институте.

Эксперты, составившие большинство, отмечали важнейшую роль школы, университетов и коллектива друзей, расширение состава которых возможно благодаря раннему включению в разные общественно полезные организации и группы, в реализацию социально значимых проектов. Новые широкие возможности формирования социальной памяти открываются в виртуальной среде с помощью сетевых технологий (от развития разных форм сетевых коммуникаций с органами власти до создания исторических компьютерных игр, виртуальных обучающих курсов с выдачей сертификатов университетов и др.). Поэтому следует обратить внимание на новое явление — сетевой контент, «цифровые следы», которые, наряду с бумажными и электронными носителями, стали носителями информации о прошлом и настоящем. Использование виртуальной среды для реинституционализации социальной памяти — новое направление, работа над которым требует не только желания, умения, понимания целей этой работы, но и креативного подхода. Пока работа с «цифровыми следами» и сетевым контентом составляют проблему для системных центров и системных институтов социализации, не всегда готовых эффективно взаимодействовать с акторами сетевой среды, а нередко не имеющих достаточной квалификации для правильного мониторинга сетевого контента.

Верификация фактора «социальная сплоченность» показала, что крымское сообщество, в целом, готово к коллективным решениям и действиям. Более того, оно неоднократно имело такой опыт, в том числе в 2014 г. Среди опрошенных нами крымчан 76,43% отнесли себя к коллективистам, «людям команды», 19,18% сказали, что они «инди-

видуалисты, одиночки», остальные затруднились ответить. Эксперты считают, что в настоящее время крымское сообщество можно назвать относительно сплоченным. Эксперты приводили примеры общественной мобилизации в дни референдума 2014 г. и в последующий период, когда обществу было присуще единение, консолидированные действия, чувство принадлежности к общему делу и значимости каждого участника. Тем не менее часть экспертов обратила внимание на то, что единение стало возможным благодаря стремлению большинства избежать угрозы политического и гражданского хаоса (по примеру Украины). События на Украине спровоцировали общественный подъем, «взрыв пассионарности» (по выражению одного из экспертов) стал возможным благодаря тому, что «все сошлось», т.е. интересы большинства (представителей политической элиты, бизнеса, силовых структур, духовенства, авторитетных и референтных лиц системы образования, воспитания, культуры и простых граждан) объединились вокруг стремления обрести ту экзистенциальную безопасность, суть и значение которой (как фактора политической стабильности) мы описали в разделе 1.1. В данном контексте вспоминаются идеи П. Бурдьё, что нет ничего более универсального и объединяющего, чем трудности, которые необходимо преодолевать¹. В более-менее стабильное время, при отсутствии прямых угроз безопасности, начинают действовать и другие механизмы и технологии.

В качестве механизмов сплоченности Е.Р. Ярская-Смирнова и В.Н. Ярская рассматривают «механизмы общенациональной и внутригрупповой мобилизации, формирования публичной сферы по проблемам сплоченности, доверия и инклюзии» и подчеркивают важность «конструирования, символического производства сплоченности, в частности, в дискурсивном пространстве СМИ и массовой культуре»². Несомненно, это важнейшие технологии, однако без подкрепления практикой реальной жизни контент дискурсивного пространства СМИ и культуры перестанет «работать». Соглашаясь с данной позицией, ряд экспертов рассказал о региональном опыте консолидации разных народов про-

---

¹ См.: Бурдьё П. Опыт рефлексивной социологии. — URL: <http://bourdieu.name/bourdieu-opit-refleksivnoi-sociologii>

² См.: Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская В.Н. Социальная сплоченность: направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2014. — Т. 17. № 4. — С. 41—61.

тив дестабилизирующих влияний акторов. На примере деятельности делегации крымских общественников на конференции Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в Варшаве (2017 г.) показателен опыт консолидированных действий русского сообщества и национально-культурных автономий армян, болгар, греков и немцев. Делегаты использовали площадку ОБСЕ для доказательства своей позиции по вопросам прав и свобод народов Крыма и правового статуса Крыма. Важным моментом стало то, что международной общественности на международной площадке была продемонстрирована консолидированная позиция разных крымских народов в противовес позиции международных акторов и представителей отдельных стран.

Для диагностики сплоченности и выявления источников конфликтов были исследованы проявления недружелюбия, неуважения, конфликтов людей разных взглядов и убеждений. Около половины респондентов за последний год сталкивалось с разного рода конфликтами по причинам: конфликта поколений, «отцов и детей» (21,22%), на национальной и этнической почве (17,04%), разных политических взглядов (16,12%), на религиозной почве (11,94%), между «богатыми и бедными» (8%). 56% отметили, что не сталкивались ни с какими конфликтами. Культуру и уважение людей друг к другу как основу сплоченности должны закладывать в первую очередь в семье (так считают 87,14% респондентов), в учреждениях образования и воспитания (в ДОУ, школах, вузах и т.п. — 68,98%); в трудовом коллективе (29,18%), в организациях по интересам (9,08%). 41,02% респондентов отметили роль власти и политики, 59,39% — религии. Исходя из этих данных, системному центру целесообразно продумать политику в отношении семьи и технологии работы с семьями в местах компактного проживания этнических групп. Технологически это может быть реализовано с помощью программного и проектного подходов в государственном управлении. Идеологически через межнациональные проекты.

Социальная сплоченность связана с чувством экзистенциальной безопасности. Исследования показали, что опасения за жизнь, здоровье, будущее детей, опасения революций, экстремизма, гражданской войны (в ходе экспертного опроса и фокус-групп приводились примеры Украины) заставляют людей согласовывать свои действия. Согласование происходит на основе понятной, непротиворечивой нормативно-ценностной системы общественных отношений. Опрос населения позво-

лил составить ценностный ряд жителей Крыма: семья, дети (92,04%), безопасность (86,02%), здоровье (76,12%), справедливость (71,22%), стабильность (67,04%), интересная работа (54,18%), друзья (45,10%), свобода (37,04%), деньги (31,22%), вера (21,33%). Эти ценности важны для всех крымчан независимо от этнической принадлежности, что показывает согласие крымчан по основным референтным ценностям. С точки зрения обеспечения стабильности, противоречиво значение веры как ценности, потому что в многоконфессиональном крымском социуме вера может стать как основой сплоченности (при условии эффективного межконфессионального диалога), так и источником дестабилизации (в случае не учета этого фактора в политике системного центра). Иными словами, требуется возрождение наиболее эффективных технологий государственно-конфессионального диалога, опыт применения которых был утрачен в украинский период.

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос:
«Доверяете ли вы следующим руководителям и органам власти,
контроля, надзора?» (в % от общего числа опрошенных)**

	В целом, больше доверяю	В целом, скорее всего, не доверяю	Затрудняюсь ответить
Президент Путин В.В.	87,45	9,08	3,47
Правительство РФ	40,10	45,31	14,59
Государственная Дума РФ	34,29	39,18	26,53
Глава РК Аксенов С.В.	74,18	17,45	8,37
Государственный Совет РК	61,22	22,24	16,54
Правительство РК	69,18	22,45	8,37
Суды в РК	46,33	18,37	35,3
Прокуратура в РК	48,06	20,41	31,53
Полиция в РК	39,39	40,31	20,3
Органы МЧС в РК	49,18	24,08	26,74

Верификация фактора «институциональное и системное доверие». Исследование общественного доверия к политическим институтам в Республике Крым измерялось прямыми и косвенными вопросами. Распределение ответов на прямой вопрос «Доверяете ли вы следующим руководителям и органам власти, контроля, надзора?» показано в таблице 2.

По материалам таблицы видно, что наибольший уровень доверия имеет Президент РФ и Глава Республики Крым и институты, деятельность которых в основном направлена на обеспечение безопасности и справедливости.

Институциональное доверие формируется в ходе личного опыта взаимодействия с институтами или опыта знакомых людей. Оценка результатов такого взаимодействия закрепляется и в будущем руководит поведением людей. Исследование показало достаточно высокое доверие исполнительным органам власти, судебным и правоохранительным органам. Доверие к последним особенно важно для формирования чувства экзистенциальной безопасности. Респондентам был задан еще один вопрос: «Если бы вы искали организацию, которая защитит ваши права, куда бы вы обратились в первую очередь?». Респонденты могли выбрать до трех вариантов ответов. В итоге 75,00% обратились бы в суд, полицию, прокуратуру; 32,14% — в общественную организацию по правам человека; 11,84% устроили бы пикет, митинг; по 3,16% обратились бы к депутату и/или к политическим партиям; и никто не обратился бы в профсоюз. 11,12% респондентов в ответе «другое» вписали, что обратились бы в СМИ и 9,29% выложили бы информацию о проблеме в Интернет для привлечения внимания власти и общественности. 7,04% респондентов вписывали в анкету свои варианты ответов по типу «не знаю» и «недоверие» («никуда не пойду, это бесполезно», «везде коррупция», «никого не интересуют мои права», «если нарушение от власти, то она все равно будет права» и т.п.). Обобщая сказанное, отметим, что половина опрошенных доверяет политическим институтам и еще большее количество респондентов доверяет конкретным политическим лидерам.

Исследование показало, что среди жителей Крыма достаточно распространен ценностно-рациональный тип доверия, основанный на вере в безусловную правоту и ценность решений власти, восприятию решений институтов власти как самостоятельной ценности. Респондентам

предлагалось представить ситуацию, в которой органы власти приняли решение, ущемляющее какие-то личные интересы и/или интересы целых групп населения. При этом органы власти аргументировали свое решение, объяснили причины, которые показались достаточно убедительными. Респондентам был задан вопрос: «Станете ли вы проверять эти факты, причины или поверите “на слово”?» В итоге, 72,14% опрошенных ответили, что, скорее всего, «поверят на слово», 23,16% начнут проверять, если в результате этого решения произойдут кардинальные негативные изменения в личной жизни и жизни близких людей. И только 5,00% будут проверять аргументы институтов власти. Иными словами, крымчане дают колоссальный кредит доверия институтам власти и воспринимают властные решения как общественно ценные. При распространенности такого типа доверия чрезвычайно важен контроль за деятельностью институтов власти, за технологиями работы с населением (во избежание технологий манипуляций и обмана). Принимая во внимание мнение экспертов о том, что экспертные институты гражданского общества недостаточно развиты в Крыму, мнение (почти половины респондентов) о том, что политическая оппозиция сейчас не нужна, — прогнозируем достаточно высокий риск невовлеченности гражданского актива в процесс принятия решения, что будет препятствовать формированию системного доверия.

Системное доверие предполагает также доверие в горизонтальных отношениях, т.е. между отдельными общественными группами. Исследование межгруппового доверия, в первую очередь межэтнических групп, показало, что уровень доверия между некоторыми этническими группами не высок. Эксперты объясняют это тем, что народы Крыма постоянно вели внешние и внутренние войны, поэтому у населения высока сензитивность к проблеме предательства. Между этническими группами более распространен аффективный тип доверия, определяемый эмоциями, связанными с воспоминанием опыта позитивного, но чаще негативного взаимодействия прежде всего русских и крымских татар (как наибольших групп среди населения Крыма). Движение в сторону рационального типа доверия затруднено устойчивыми паттернами и негативными оценками, исторически сложившимися в сознании этнических групп. Это еще раз подчеркивает важность реинституционализации социальной памяти и развития механизмов межнациональной сплоченности.

Обобщая сказанное, отметим, что в целом для Крыма характерно доверие аксиологического и опекунского типа (в терминах П. Штомпки), при которых решения власти имеют самостоятельную ценность и которым доверяет общество. Важное значение при таком типе доверия имеют независимые институты, которым отводится роль защитников прав граждан (суд, арбитраж) и инстанциям, которые неукоснительно заставляют власть исполнять свои обязательства. К таким институтам относятся прокуратура, суды, полиция, институты гражданского общества, защищающие права. При условии действенности таких институтов граждане чувствуют себя в безопасности от произвола, превышении полномочий, обмана, преступности и проявляют общее доверие к системе.

Верификация фактора «социальная справедливость». Среди опрошенных жителей Республики Крым нет единого понимания того, какое общество они хотели бы построить, но в образе «идеального общества» тематика справедливости является доминирующей: 39,08% опрошенных хотели бы построить «общество социальной справедливости», 18,98% — «общество правды и добра», 17,14% — «общество честных людей труда», 15,31% — «общество личной свободы и бизнеса», 6,73% — «общество веры и любви к ближним», 2,76% — «общество комфорта и потребления».

При выявлении общественной оценки справедливости, опираясь на подход Джона Ролза, мы выделили два критерия оценки: равные возможности для реализации прав и свобод и распределение благ и доходов, с которым, в идеале, должно быть согласно большинство населения. В целом, большая часть респондентов считает, что живут так же как в других регионах, однако подчеркивают ряд ограничений, которых нет для жителей других регионов, связанных с международными, внешними ограничениями. Оценка справедливости по критерию распределения доходов и власти выявила потребность в доступности «благ для всех». Это касается и распределения власти, особенно вопрос о доступности власти крымчанам и опасения, что «всю власть заберут люди с материка», которые «не знают нашей специфики», «не болеют душой, как мы», «не были с нами в трудный период» и т.п. Вместе с тем эксперты отмечали недостаточность выбора профессиональных кадров, неподготовленность для работы в условиях новой институциональной среды (с учетом особенностей российского законодательства). Позво-

лим себе цитату одного эксперта: «Обучение прошло, но потом наступили реалии, в которых стали выясняться тонкости дела, к которым мы не были готовы. Например, реализация ФЗ-144, ФЗ-131, нормативов по капитальному ремонту жилья».

Также в ходе исследования нами выявлено, что оценки ситуации в Крыму складываются не только на основе сравнения с жизнью в других регионах, но и на основе сравнения со своим прошлым положением в «украинский период». Например, практически все опрошенные эксперты отметили повышение роли бюрократических процедур при оформлении разного рода разрешительных документов. Одновременно отмечали легкость решения этих вопросов в Украине, но путем коррупционных сделок. То есть в «украинский период» можно было быстро решить проблему путем взяток, а в настоящее время взятки редки, но усилилась бюрократическая волокита. Раньше жители Крыма могли свободно выезжать за границу, а в настоящее время им часто отказывают в визах. Часть респондентов и экспертов отмечали разрыв налаженных профессиональных контактов, внутрисемейных отношений с гражданами Украины. Молодежь отмечала ограничения возможности обучения за рубежом. Сравнения в пользу настоящего аргументировались в основном безопасностью, отсутствием войны, наличием социальных выплат (пенсии, пособия), ремонтом инфраструктурных объектов (мост, дороги, жилые дома), возможностью «жить среди своих».

Обобщая сказанное, отметим, что крымчане, сравнивая свое положение с положением жителей в других регионах считают, что по факту имеют несвойственные другим ограничения (связанные с санкциями) и отмечают особенности своего положения, которых нет у других. Считая такое положение несправедливым, практически все опрошенные возложили вину на международные институты, которые предвзято относятся к жителям Крыма и не уважают их выбор и право на самоопределение. В ходе исследования выявлено, что крымчане готовы терпеть и принять описанные выше ограничения со стороны международных акторов, компенсируя чувством защищенности, безопасности, стабильности существования и реализации основных прав и свобод внутри системы. Чувство защищенности отмечали не только представители русскоязычного населения (составляющего большинство жителей Крыма), но и крымских татар, немцев, болгар, армян и др. Одинаково все респон-

денты отмечали важность наступившей стабильности, которую они понимают как отсутствие угрозы гражданской войны и политических беспорядков, достижение этноконфессионального диалога. Таким образом, основу экзистенциальной безопасности, по мнению большинства опрошенных жителей Республики Крым, составляет чувство защищенности, общественно-политическая стабильность, справедливость, уверенность в будущем.

Верификация фактора «экзистенциальная безопасность» показала, что основу экзистенциальной безопасности составляет уверенность в будущем, стабильность в настоящем, справедливость. Удовлетворение этих потребностей обеспечивает социальную сплоченность и консолидированную позицию по общественно значимым вопросам. В настоящее время внутренний потенциал дестабилизации из-за угроз экзистенциальной безопасности невелик. Это отмечали респонденты, эксперты и это заметно при сравнении актуальных проблем Крыма (отмеченных респондентами) и проблем, которые, по мнению респондентов, заставили бы их выйти на акции протеста. Готовность участвовать в акциях протеста связана с угрозами безопасности детей, семьи, близких (59,08%), резким падением уровня жизни (21,22%), ущемлением прав, свобод, религий, языка (19,29%), а также по политическим мотивам (12,35%). Наибольшим дестабилизирующим потенциалом обладают этно- и религиозные конфликты (56,22%), проблемы трудоустройства (47,14%), бедность, низкий уровень жизни (42,24%), проблема разобщенности, отсутствия общественного согласия (42,14%), проблема доступности качественных медицинских услуг (38,47%), отсутствие уверенности в будущем (35,20%), проблема вмешательства иностранных государств (31,22%), социальная несправедливость, неравенство (28,27%), проблема безопасности (25,41%), проблема доступности качественного образования (17,24%), проблема доступности жилья (21,33%). Контент-анализ ответов, самостоятельно записанных респондентами в графе «другое», показал, что на первом месте стоит «проблема санкций против крымчан» (трудности пресечения границы и ограничения в передвижении, нарушение привычных коммуникаций, в основном с гражданами Украины, невозможность получения зарубежных грантов), «проблема банков» (нет нормальных банков, не можем открыть счет на капитальный ремонт и т.п.). В целом, большая часть опрошенных (68,47%) оценивает общее положение дел в Крыму и происходящие

перемены как положительные (сумма ответов «положительно» (3,16%) и «скорее положительно, чем отрицательно» (65,31%)). 15,41% респондентов дали отрицательные оценки (сумма ответов «отрицательно» (4,18%) и «скорее отрицательно, чем положительно» (11,23%)). 16,12% затруднились ответить на этот вопрос.

Большая часть респондентов оценила свой уровень жизни как средний (63,26%) (ответы «денег хватает на питание и самое необходимое» (21,12%) и «покупка большинства товаров не вызывает трудностей» (42,14%)). 3,06% респондентов отметили, что живут без материальных забот. Доля бедных составляет 18,58% (3,16% живут «за гранью бедности», денег не хватает даже на питание и 15,42 % живут «на грани бедности», денег едва хватает на питание). 15,1% затруднились оценить свое материальное положение. Надежды на улучшение жизни в ближайшие годы испытывают 26,12% опрошенных, 61,33% считают, что ничего не изменится, 5,92% считает, что ухудшится и 6,63% затруднились ответить.

В ситуации выбора места жительства, привлекательность Крыма оказалась менее высокой, чем мы предполагали. Ответы на вопрос: «Если бы у вас была возможность свободного выбора места жительства, то где бы вы хотели жить?» распределились следующим образом: 58,37% — в Крыму, 20,31% — в других городах России, 3,16% — в другой стране, остальные затруднились ответить.

В целом, верификация фактора «экзистенциальная безопасность» показала, что у крымчан развито чувство экзистенциальной безопасности, базирующееся на оценках низкого уровня угроз жизни и здоровью, угроз войны и политических потрясений. Вместе с тем сравнение качества и уровня жизни с другими регионами не всегда в пользу Крыма.

Обобщая результаты верификации внутрисистемных факторов формирования социального иммунитета и политической стабильности, отметим, что их значимость в крымском сообществе была подтверждена.

Вместе с тем обеспечение политической стабильности на основе развития социального иммунитета в отношении внешних воздействий предполагает создание условий для появления, развития, поддержки и периодического тестирования социального иммунитета (о чем подробнее сказано в разделе 1.1). Наибольшее значение для появления и раз-

вития социального иммунитета, оценок и реакций общества на внешние воздействия, максимально совпадающих с оценками и реакциями системного центра имеют институты социализации. Для дальнейшего же воспроизводства этих оценок большое значение имеют результаты социализации молодежи Крыма. Эти предположения также были проверены в ходе эмпирического исследования.

Экспертами было подтверждено предположение, что критически значимыми для формирования устойчивых реакций и критериев оценки внешних влияний как дестабилизирующих или недестабилизирующих являются: 1) институты социализации (в том числе семья, образование, политические организации); 2) общественные организации, СМИ и виртуальные социальные сети, все чаще выполняющие функции социализации. Исследование показало, что представители первой группы институтов хорошо понимают свою роль в обеспечении политической стабильности. Исключение составляет институт семьи в некоторых этнических группах, где превалирует функция сохранения этнокультурной идентичности и исторической памяти, сформированной историей каждой конкретной семьи (в том числе поиск справедливости и воспроизводство переживаний по поводу обид, исторических травм). Во второй группе институтов наибольший риск составляют виртуальные социальные сети. Большая часть акторов интернет-среды слабо осознает свою социальную ответственность в обеспечении стабильности и социализирующую роль. Вместе с тем эту роль понимают внешние акторы, сознательно работающие на дестабилизацию и использующие с этой целью ресурсы виртуальных сетевых сообществ.

В ходе исследования было выявлено, что в отношении большинства крымского населения имеет смысл говорить не столько о социализации, сколько о ресоциализации. С одной стороны, это облегчает выработку социального иммунитета. Появившиеся у подавляющего большинства крымчан чувство защищенности, уверенности, принадлежности к более привычному «русскому миру» способствуют тому, что любые предложения по изменению ситуации извне рассматриваются как посягательство на экзистенциальную безопасность. Отметим, что сохранение идентичности с «русским миром» и с Россией на протяжении всего украинского периода было возможным благодаря деятельности русскоязычной общины и отдельным представителям системы воспитания, образования, культуры. В настоящее время целесообразно

направить усилия системного центра на поддержание престижа и авторитета представителей институтов воспитания, образования, культуры.

С другой стороны, существуют малочисленные группы населения, для которых ресоциализация означает «возврат в советское прошлое» и существуют малочисленные группы в крымско-татарском сообществе, которые после вхождения в состав РФ потеряли надежду на национальную государственность в форме сильной крымско-татарской автономии в составе слабой Украины. В настоящее время эти группы по причине своей малочисленности и отсутствия массовой общественной поддержки не составляют угрозу политической стабильности. В отношении этих групп целесообразно применять технологии их вовлечения в общественно значимые проекты, так как сохраняется угроза втягивания таких лиц в скрывающиеся остатки экстремистски настроенных акторов (о наличии которых свидетельствуют их задержания, освещаемые в массмедиа).

Выявлена и третья группа риска ресоциализации — молодежная группа. В отношении детей, находившихся в дошкольном возрасте до 2014 г., и детей, родившихся после 2014 г., не велики риски развития реакций иммунитета, противоречащих ожиданиям системного центра. При условии, что институты социализации будут работать не только с детьми, но с их семьями, вовлекая в культурную жизнь нового социума, проводя различного рода культурно-образовательные мероприятия (взаимосвязанность которых даст синергетический эффект).

Сложнее обстоят дела с молодежью более старшего возраста, а именно находящихся в 2014 г. в возрасте 10 и старше лет. Фокус-группы, проведенные нами среди такой молодежи, и результаты опроса показывают, что никто из опрошенных не высказался против вхождения Крыма в состав Российской Федерации, однако почти четверть из них не уверены в правильности выбора 2014 г. Главной причиной сомнений являются переживания по поводу неопределенности возможностей самореализации в будущем («негде работать по специальности с высшим образованием», «в Москве учиться и жить дорого, а в других регионах так же, как и у нас» и т.п.), трудностях дополнительного заработка для студентов («надо помогать родителям, а я не могу заработать», «студенту трудно найти работу, у нас только бесплатные волонтеры» и т.п.), редко, но все же отмечались опасения этнополитических конфликтов («хочу уехать, боюсь войны на национальной почве» и т.п.). Второй при-

чиной (хотя и менее значимой, чем первая) являются трудности, которые испытывает молодежь в отношении передвижения за рубеж, возможности получения зарубежного образования (студенты называли европейские страны и США), общения с друзьями и родственниками (называли города в Украине).

Исследование показало, что большая часть молодежи не чувствует себя субъектом жизнеустройства и строительства нового крымского общества, не достаточно участвует в формировании новой институциональной среды, слабо понимает свою роль и значимость в происходящих событиях, являясь сторонним наблюдателем. Ответственность за это лежит на системном центре управления и институтах, отвечающих за молодежную политику, которым целесообразно пересмотреть отношение к молодежи как к объекту молодежной политики, сделав ее полноценным субъектом. Со стороны молодежи предлагалось проводить многочисленные конкурсы молодежных инициатив и создавать условия для их реализации. По сути, речь идет об использовании краудсорсинговых технологий, вовлекая молодежь в строительство нового Крыма и делая ее ответственной вместе с органами власти за результаты этого строительства.

В отношении роли оппозиции (которая, по нашему предположению, должна периодически тестировать системный центр на устойчивость, а общество — на социальный иммунитет) респонденты настроены неоднозначно. На вопрос: «Как вы думаете, нужна ли политическая оппозиция в Крыму?» более половины ответили, что в настоящее время политическая оппозиция не нужна (57,96%), так как она «баламутит» людей, мешает общественному согласию (такой и схожей позиции придерживается 58,27% от числа тех, кто считает, что оппозиция не нужна), «она мешает нормально работать власти» (32,04%), «от нее нет никаких конструктивных предложений» (19,18%). В графе «другое» были записаны ответы, в итоге сводящиеся к проблеме несвоевременности оппозиции в Крыму в данный момент. Она может дестабилизировать и без того хрупкое согласие в Крыму, которое с таким трудом было достигнуто. Кроме того, отмечалось, что оппозиция в итоге борется за власть и деньги, а не за людей. 42,14% респондентов считают, что политическая оппозиция нужна, потому что она «заставляет власть обратить внимание на проблемы жителей» (56,22% от числа тех, кто считает, что оппозиция нужна), «заставляет власть работать

лучше и помнить, что их могут заменить» (20,82%), «собирает вокруг себя критически настроенных людей и снимает социальное напряжение» (6,02%). Дополнительно респонденты отмечали: «...если не видеть оппозицию, то она начнет работать нелегально, исподтишка», «оппозиция есть во всем мире», «не представляем, как мы без КПРФ и ЛДПР». Примерно 10% опрошенных затруднились оценить необходимость политической оппозиций. Таким образом, наше предположение о необходимости оппозиции было поддержано более чем половиной опрошенных. Вместе с тем рискуя навлечь на себя критику части научного сообщества, все же аргументируем свою позицию тем, что в условиях новой институциональной среды Крыма и сохраняющейся активности внешних акторов дестабилизации, в условиях незавершенной реинтеграции, ресоциализации, адаптации крымского сообщества к новым условиям жизни действия оппозиции могут спровоцировать внутренние дестабилизации. Одновременно отсутствие внутренней политической конкуренции ведет к потере у системного центра способности к рефлексии. В этих условиях социальная ответственность оппозиции в Крыму и потребность в ее конструктивности значительно выше, чем в других российских регионах. Крымский контекст предъявляет особые требования и к институтам гражданского общества. Потребность в их экспертном потенциале значительно выше, чем в других регионах.

Подводя итоги, отметим основные выводы. Верификация факторов выбора технологий обеспечения политической стабильности показала правильность предположений относительно критической значимости механизма обеспечения политической стабильности, а именно механизма социального иммунитета. Для обеспечения устойчивости системы необходимо достичь максимально совпадающих оценок и реакций на внешние влияния у общества и системного центра. Достижение такого совпадения в крымском сообществе возможно, если учитывать в действиях системного центра ряд факторов (реинституционализации социальной памяти, сплочения общества, обеспечения социальной справедливости, обеспечения экзистенциальной безопасности, институциональном и системном доверии) и понимать особые условия общественно-политического развития в Республике Крым (неоднократные реинституционализация, реинтеграция, ресоциализация крымского социума в разные общественно-политические системы (СССР, Украина, РФ)); полиэтничность, полирелигиозность социума, этнополитические кон-

фликты, конфликтогенность «крымско-татарского вопроса», длительный поиск своей региональной идентичности; воспроизводство исторических травм у некоторых политически активных групп населения; столкновение геополитических интересов региональных и внерегиональных акторов на территории Крыма; наличие положительного опыта горизонтальных взаимодействий власти и общества, субъект-субъектных отношений и результатов, достигнутых сетевыми технологиями.

Новая институциональная среда в Республике Крым имеет: 1) высокий потенциал для развития системного доверия и общество предоставляет большой кредит доверия системному центру, 2) имеет позитивный опыт применения горизонтальных моделей сетевых отношений для достижения общей цели. Это происходило в период подготовки и проведения Референдума в марте 2014 г. и в последующий период (примерно до конца 2014 г.).

Основные технологические задачи системного центра в настоящее время заключаются в постановке для всех значимых институтов цели формирования социального иммунитета; определении ресурсов каждого значимого института по созданию условий для развития и поддержания социального иммунитета; определении важнейших технологических кластеров (группы институтов, их методов и ресурсов для обеспечения условий и факторов политической стабильности) и координации их работы для достижения синергетического эффекта. Это возможно с помощью сетевых технологий, лежащих в основе как межгрупповых отношений, так и в основе отношений власти и общества.

3.3. Практика обеспечения политической стабильности в Республике Крым после 2014 года

3.3.1. Традиционные технологии институтов власти

Анализ практики действий органов власти по обеспечению стабильности в Республике Крым за период 2014—2018 гг. показывает, что сначала (практически весь 2014 г.) использовались реактивные технологии. Логика действий органов власти, способы и приемы реагирования системного центра на внешние влияния исходили из того, что эти влияния уже дестабилизируют систему и/или разрушающе ска-

зываются на ее целостности. Органы власти шли по пути нейтрализации наиболее конфликтующих акторов и решения наиболее конфликтующих проблем. Применялись «силовые технологии». В судебном порядке были запрещены и обезврежены экстремистски и террористически настроенные силы (в первую очередь религиозные организации и средства информирования и коммуникации). Затем стали применяться превентивные технологии, направленные на предупреждение дестабилизирующих влияний и профилактику угроз и рисков дестабилизации. Важнейшим документом стал План противодействия идеологии терроризма¹, в соответствии с которым созданы механизмы защиты информационного пространства от проникновения в него экстремистских и террористических идей.

Применялись и продолжают применяться социально-экономические технологии (для решения инфраструктурных проблем, проблем продовольственной и экономической безопасности, земельных вопросов крымских татар, обустройства и повышения качества жизни населения, обеспечения жильем, капитального ремонта и строительства, энергообеспечения, повышения доступа к качественному образованию и услугам культурной сферы и др. Как отметил министр экономического развития РФ М.С. Орешкин, «катастрофическая недофинансированность инфраструктуры Крыма в постсоветский период де-факто потребовала реализации комплексной программы по созданию нового инфраструктурного каркаса полуострова. Основные ресурсы в последние годы и сейчас направляются на создание транспортной, энергетической, инженерной, жилищно-коммунальной инфраструктуры»². Ключевым документом стала Программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2022 года», целью которой является интегрирование экономики Республики Крым и города Севастополя в

---

¹ Указ Главы Республики Крым от 30 января 2015 г. № 26-У «Об утверждении Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Республике Крым на 2015—2018 годы» (с изменениями и дополнениями). — URL: <http://ivo.garant.ru/#/base/search/%D0%9F%D0%BB%D0%B0%D0%BD%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D1%8F%20%D0%BA%D1%80%D1%8B%D0%BC/all:2>

² Из стенограммы Совещания о социально-экономическом развитии Республики Крым и Севастополя (г. Севастополь, 30.07.2018 г.). — URL: <http://government.ru/news/33428/#oreshkin>

экономическое пространство России; обеспечение транспортной доступности; снятие инфраструктурных ограничений в целях обеспечения устойчивого экономического развития.

Вместе с тем остаются еще проблемными вопросы кредитования и условий деятельности предприятий малого и среднего бизнеса (62% занятых в Республике Крым), низкая средняя зарплата жителей Крыма, инфраструктурные проблемы, отсутствие основных банков РФ в Крыму (например, Сбербанк), плохая мобильная связь (отсутствие основных российских операторов, например, МТС).

Для урегулирования этнополитических, межрелигиозных, межэтнических конфликтов применялись технологии переговоров, межконфессионального и государственно-конфессионального диалога, нормативными правовыми документами закреплялись механизмы обеспечения межнационального согласия¹.

---

¹ Конституция Республики Крым, принятая Государственным Советом Республики Крым от 11.04.2014 г. // Крымские известия. — 12.04.2014. — № 68 (5479); Указ Главы Республики Крым от 20.04.2015 г. № 105-У «О дне возрождения реабилитированных народов Крыма». — URL: www.rk.gov.ru, 20.04.2015; Указ Главы Республики Крым от 07.10.2015 г. № 278-У «О создании межведомственной комиссии по вопросам противодействия экстремизму в Республике Крым». — URL: www.rk.gov.ru; Закон Республики Крым 218-ЗПК от 18.02.2016 г. «О мерах социальной поддержки реабилитированных жертв политических репрессий» // Крымские известия. — 01.03.2016. — № 35; Постановление Совета министров Республики Крым от 27.05.2014 г. № 103 «О мероприятиях по развитию социально-культурной сферы депортированных граждан и обеспечению межнационального согласия в Республике Крым на 2014—2015 годы». — URL: www.rk.gov.ru; Постановление Совета министров Республики Крым от 09.04.2015 г. № 185 «Об утверждении Государственной программы Республики Крым по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России “Республика Крым — территория межнационального согласия” на 2015—2017 годы» (с учетом поправок от 25.07.2018 г. № 377). — URL: www.rk.gov.ru; Постановление Совета министров Республики Крым от 29.01.2018 г. № 30 «Об утверждении Государственной программы Республики Крым по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России “Республика Крым — территория межнационального согласия” на 2018—2029 годы». — URL: www.rk.gov.ru; Постановление Совета министров Республики Крым от 13.10.2015 г. № 611 «Об утверждении порядка обеспечения жильем граждан из числа ранее депортированных». — URL: www.rk.gov.ru; Постановление Совета министров Республики Крым от 31.05.2016 г. № 230 «О Порядке предоставления на территории Республики Крым реабилитирован-

В настоящее время, с точки зрения величины дестабилизирующего потенциала внешних акторов, наиболее рискованными для крымского сообщества остаются:

- 1) внешние влияния, актуализирующие этнополитическую проблематику, проявления терроризма и экстремизма;
- 2) внешние влияния, связанные с созданием угроз и проблем интеграции крымского сообщества в российское общество;
- 3) внутренние противоречия, которые используют внешние акторы для формирования негативного образа жизни в Республике Крым.

Например, несмотря на то что в последние годы в Республике Крым не зафиксировано массовых выступлений граждан на межнациональной почве и минимизирована вероятность возобновления ранее неразрешенных межнациональных конфликтов и территориальных споров, все же имеются малочисленные протесты. Примером тому являются события, связанные с «земельной акцией» крымских татар (организаторы — Крымская региональная общественная организация социально-культурного развития «Милли Фирка» и ряд крымско-татарских активистов) против сноса домов и мечети, расположенных на массиве «Стрелковая» в г. Симферополе.

ным лицам и лицам, пострадавшим от политических репрессий мер социальной поддержки об оплате за подключение к водоотведению, газоснабжению и электроснабжению». — URL: www.rk.gov.ru; Постановление Совета министров Республики Крым от 07 июля 2016 г. № 324 «Об утверждении порядка предоставления и расходования иных межбюджетных трансфертов бюджетам муниципальных образований на мероприятия по обеспечению прав реабилитированных граждан». — URL: www.rk.gov.ru; Распоряжение Совета министров Республики Крым от 27.04.2016 г. № 440-р «Об утверждении Плана мероприятий по реализации в Республике Крым в 2016—2018 годах стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». — URL: www.rk.gov.ru; Распоряжение Совета министров Республики Крым от 02.04.2015 г. № 291-р «О создании Государственного автономного учреждения Республики Крым “Медиацентр им. Исмаила Гаспринского”». — URL: www.rk.gov.ru; Распоряжение Совета министров Республики Крым от 29 августа 2017 г. № 968 «О Плана мероприятий по реализации в Республике Крым комплекса мер по восстановлению исторической справедливости, политическому, социальному и духовному возрождению армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов, подвергшихся незаконной депортации и политическим репрессиям по национальному и иным признакам, на 2017—2019 годы». — URL: www.rk.gov.ru и др.

Для нейтрализации вышеобозначенных рисков и угроз органами власти применялись и применяются технологии законодательного регулирования. Сформирована соответствующая нормативно-правовая база (см. Приложение 2). Практически все действия, направленные на обеспечение стабильности в Республике Крым, подкрепляются и регулируются нормативными правовыми актами.

Непосредственно для нейтрализации влияний, связанных с этнополитическими проблемами, терроризмом, экстремизмом и другими воздействиями, дестабилизирующими регион, используются организационно-управленческие технологии. В Республике Крым создана система институционального взаимодействия с целью обеспечения стабильности. В органах местного самоуправления Республики Крым определены должностные лица, ответственные за реализацию государственной национальной политики на территориях муниципальных образований, в том числе на уровне заместителей глав администраций городов и муниципальных районов¹. Региональными органами власти разработаны и направлены администрациям муниципальных образований методические рекомендации для муниципальных образований и органов местного самоуправления по профилактике терроризма и экстремизма.

В администрациях муниципальных образований созданы подразделения по вопросам межнациональных отношений, которые ежедневно передают в Государственный комитет по делам межнациональных отношений и депортированных граждан РК оперативную информацию о текущем состоянии в этноконфессиональной сфере, на основании которой принимаются соответствующие управленческие решения. Применяются такие формы работы, как встречи с руководителями национально-культурных автономий и общественных объединений, сопровождение мероприятий, связанных с национальными праздниками. Создан и работает Межконфессиональный совет Крыма «Мир — дар Божий», в который входят представители традиционных региона конфессий. В 2018 г. с целью обеспечения обратной связи между властью и населением создан Совет крымских татар при Главе Республики Крым

---

¹ Во исполнение пункта 5 Перечня поручений Президента Российской Федерации по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям Пр-1710 от 28.08.2017 г.

из представителей различных сфер, в том числе духовенства, спорта, культуры, медицины и образования¹.

Во всех муниципальных образованиях сформированы мобильные группы (из заместителей глав администраций муниципальных образований, сотрудников администраций муниципальных образований, представителей конфессий, правоохранительных органов, местных СМИ, лидеров общественного мнения из числа предпринимателей, деятелей образования, культуры, здравоохранения, спорта)². Группы проводят информационно-разъяснительную работу с населением по вопросам национальной политики, правоприменительной практики решений в сфере социальной поддержки реабилитированных граждан, противодействия идеологии экстремизма и другим вопросам.

В систему институционального взаимодействия с целью обеспечения стабильности включены: СМИ (решают задачи информирования граждан о деятельности по вопросам обеспечения политической стабильности; об угрозах стабильности; задачи формирования нетерпимого отношения к проявлениям межнациональной, религиозной розни, экстремизма, терроризма и т.п.); Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Дом дружбы народов» (решает задачи гармонизации межнациональных отношений, укрепления единства и целостности общества, духовного, интеллектуального и культурного развития крымчан, вовлечения интересантов в систему взаимодействия для обеспечения стабильности; Государственное автономное учреждение

---

¹ Одной из главных задач Совета является формирование и реализация комплекса мер для восстановления исторической справедливости, политическому, социальному и духовному возрождению крымских татар в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития», законами РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» и от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий», статьей 10 Конституции Республики Крым, а также для создания условий для полноправной интеграции крымских татар в многонациональное и многоконфессиональное российское сообщество.

² В соответствии с протоколом семинара-совещания «О практике и задачах органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (г. Элиста, 24.05.2018 г.).

Республики Крым «Медиацентр им. Исмаила Гаспринского» (выполняет государственное задание, сформированное и утвержденное Государственным комитетом по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым в сфере межнациональных отношений, по производству, выпуску и распространению средств массовой информации и иной печатной продукции на различных электронных носителях). Работа с указанными организациями является примером применения технологий связей с общественностью для обеспечения политической стабильности в Республике Крым.

Для мониторинга общественно-политической ситуации и состояния информационной среды применяются различные технологии диагностики общественно-политической ситуации. Регулярно диагностируются уровень межнационального согласия, риски дестабилизации ситуации, экстремистских проявлений и незаконных массовых акций, для чего проводится регулярный мониторинг ситуации, в том числе контент-анализ СМИ, мониторинг «цифровых следов» в сети Интернет, инвентаризация конкретных случаев. Проводится оперативный обмен результатами мониторинга очагов потенциальной напряженности с правоохранительными органами. Мониторинг проводят не только органы власти. Ежедневный мониторинг СМИ проводит ГАУ РК «Медиацентр им. Исмаила Гаспринского» на предмет выявления фактов распространения в медиасреде региона материалов, пропагандирующих экстремистскую деятельность, публикаций антиконституционной, националистической, экстремистской и сепаратистской направленности; на предмет выявления фактов распространения информации об общественных объединениях, включенных в опубликованный перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности без указания на то, что соответствующее общественное объединение или иная организация ликвидированы или их деятельность запрещены.

Для обеспечения политической стабильности органами власти используются технологии прогнозирования, планирования и программно-целевой подход. Разработана и реализуется Программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2022 года»; Государственная программа Республики Крым по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов Рос-

сии «Республика Крым — территория межнационального согласия» на 2018—2020 годы; План мероприятий Республики Крым по поддержке российских соотечественников, проживающих за рубежом (на 2018 год)¹. В районных муниципальных образованиях и городских округах Республики Крым реализуются планы мероприятий по профилактике и противодействию экстремизму, предусмотренные в рамках реализации соответствующих программ муниципальных образований по противодействию терроризму и экстремизму, а также гармонизации межнациональных отношений.

Применяется проектный подход. Например, при проведении мероприятий в соответствии с программой «Республика Крым — территория межнационального согласия» на 2018—2020 годы». Реализуются проекты, направленные на развитие национальных культур и традиций, укрепление общероссийского гражданского единства, духовно-просветительские мероприятия в сфере религий, содействие сохранению историко-культурного наследия народов Крыма, развитие сети средств массовой информации на родных языках, профилактику и противодействие экстремизму в Республике Крым.

Кроме гранатовой поддержки, используются и другие технологии бюджетирования, субсидирования из бюджета Республики Крым для финансового обеспечения проблем стабильности. Специально для развития крымско-татарской общины выделены 150 млн евро, о чем в 2017 г. на комитете ООН по ликвидации расовой дискриминации говорил руководитель Федерального агентства по этническим делам Российской Федерации (Баринов).

Применяются технологии информирования граждан. Создана сеть информационных каналов: СМИ, интернет-ресурсы, каналы информирования для отдельных групп населения, мнение и позиция которых критически значимы для обеспечения политической стабильности в регионе. Как пример, АНО «Общественная крымско-татарская телерадиокомпания», созданная распоряжением Совета министров Республики Крым в 2015 г. в рамках указа Президента Российской Федерации о реабилитации крымско-татарского, армянского, немецкого, греческого и

---

¹ Распоряжение Главы Республики Крым от 29 декабря 2017 г. № 703 «Об утверждении Плана мероприятий Республики Крым по поддержке российских соотечественников, проживающих за рубежом, на 2018 год».

других народов Крыма. В состав компании входит два медиа-ресурса: телеканал «Миллет» и радио «Ватан Седасы». Телерадиокомпания освещает общественно-политическую, экономическую и культурную жизнь Республики Крым на русском и крымско-татарском языках.

Для обеспечения политической стабильности в регионе применяются технологии взаимодействия с международным сообществом, в частности технологии общественной дипломатии и работы с соотечественниками за рубежом. Как было отмечено во второй главе нашего исследования, сохраняется активность международных организаций и отдельных государств по дестабилизации ситуации в Крыму, по продвижению тенденциозно подобранной информации и формированию негативного образа событий в Крыму. Для противодействия этому организуются визиты представителей иностранных государств в Республику Крым; встречи иностранных делегаций с представителями крымских национально-культурных автономий (как в Крыму, так и на международных площадках (например, в ОБСЕ в 2017 г.); пресс-туры журналистов международных информационных агентств; проводятся международные конференции и форумы (например, IV Международный журналистский форум «Журналисты мусульманских стран за партнерство цивилизаций», который позволил общественности в Северной Африке, Центральной и Юго-Восточной Азии, странах ближнего Востока и Персидского Залива сформировать объективное мнение о Республике Крым, способствующее преодолению международной изоляции Крыма, укреплению и развитию стратегических отношений с зарубежными странами). Органы власти оказывают организационную, методическую и информационную поддержку для реализации проектов по развитию связей с соотечественниками за рубежом (в том числе путем привлечения ресурсов соответствующих национально-культурных автономий (например, с Германией, Болгарией, Арменией, Грецией и др.) и ассоциированных сообществ (например, с Италией и др.)). Проекты реализуются как за рубежом, так в Крыму, несмотря на сложные конфликтные отношения с рядом зарубежных стран (пример тому, «круглый стол» «Развитие связей украинцев Крыма с соотечественниками за рубежом»¹

---

¹ В соответствии с распоряжением Главы Республики Крым от 29 декабря 2017 г. № 703 «Об утверждении Плана мероприятий Республики Крым по поддержке российских соотечественников, проживающих за рубежом, на 2018 год».

в Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Ведется информационно-разъяснительная работа с крымско-татарскими диаспорами за рубежом (например, в Турции и Румынии). Институционально в эту работу включены и Посольства Российской Федерации в соответствующих странах.

С целью подготовки кадров, способных применять вышеназванные технологии, организуются образовательные проекты. Используются различные технологии обучения (краткосрочные и долгосрочные программы дополнительного образования, подготовки и переподготовки в очной, очно-заочной, заочной, дистанционной формах; тренинги, обучающие семинары и др.). Регулярно проводится обучение по вопросам правоприменительной практики российского законодательства; бюджетных и межбюджетных отношений; лицензирования отдельных видов деятельности (например, медицинских услуг, что сейчас очень актуально для Крыма); организации взаимодействия с общественностью; формирования единой информационной политики Крыма и Российской Федерации. Проводятся семинары для государственных и муниципальных служащих, общественных организаций, представителей системы образования и воспитания по вопросам противодействия экстремизму, терроризму, урегулирования межнациональных конфликтов.

Исходя из результатов анализа опыта органов власти по обеспечению стабильности в Республике Крым с учетом верифицированных факторов выбора технологий, обеспечения политической стабильности и предложенной нами модели обеспечения политической стабильности на основе развития социального иммунитета, мы предприняли попытку выявить технологические кластеры обеспечения политической стабильности.

3.3.2. Технологические кластеры

Попытка представить целостную систему взаимозависимых действий институтов (избежав эмпирической избыточности, мозаичности и дробления технологических методов и приемов) предпринята нами при описании технологических кластеров. Внутри системы кластеров мы выделили технологические кластеры, взаимосвязанные друг с другом (см. рис. 3).

Наиболее значимые институты, ресурсы и методы которых используются для обеспечения политической стабильности в РК	Критически значимые факторы политической стабильности, на формирование которых должны быть направлены технологии институтов в РК				
	I. Социальная память	II. Экзистенциальная безопасность	III. Институциональное и системное доверие	IV. Социальная сплоченность, справедливость	
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА	2. Технологии институтов социализации	I.2.	II.2	III.2	IV.2
	5. Технологии СМИ	I.5	II.5	III.5	IV.5
	6. Технологии виртуальной среды	I.6	II.6	III.6	IV.6
	3. Технологии экономических институтов	I.3	II.3	III.3	IV.3
	7. Технологии институтов гражданского общества	I.7	II.7	III.7	IV.7
	1. Технологии политических институтов	I.1	II.1	III.1	IV.1
	4. Технологии институтов безопасности и правопорядка	I.4	II.4	III.4	IV.4
	ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА				

Рис. 3. Система технологических кластеров

При нумерации кластеров римской цифрой были обозначены критически значимые факторы, арабской — институты, ответственные за их обеспечение.

Факторы пронумерованы по логике их формирования и системной взаимосвязи. Например, в новой институциональной среде Крыма первичным, по мнению большинства экспертов, является формирование социальной памяти, на основе этого — экзистенциальной безопасности, на основе этих факторов развивается доверие и социальная сплоченность. Такая связь показывает зависимость одного фактора от других и не означает очередность действий институтов (в идеале предлагается делать все одновременно, понимая каждым институтом свои задачи в этом процессе).

Институты были пронумерованы экспертами по степени их значимости для реализации задач обеспечения политической стабильности. Наибольшие дискуссии вызвало определение места и значения институтов виртуальной среды (например, социальных сетей). Мнение экспертов разделилось: более трети экспертов отметили, что в настоящее время виртуальные институты выполняют социализирующую функцию больше, чем система воспитания и образования. Еще треть экспертов, частично соглашаясь с данной позицией, отметили, что это касается только молодого поколения, поэтому в настоящий момент пока рано ставить виртуальные институты выше, например, традиционных СМИ. Около трети экспертов отметили, что виртуализация институтов — это всего лишь новый инструмент работы традиционных институтов и их вообще не надо выделять в отдельную группу институтов. В итоге, прислушавшись к мнению большей части экспертов и исходя из личной позиции автора исследования, институты виртуальной среды были оставлены как отдельная группа институтов, но поставлены на седьмое место. Тем не менее оценка дестабилизирующего потенциала виртуальных социальных сетей оценивается высоко по причине активности в таких сетях акторов внешнего влияния и большого числа пользователей социальных сетей среди крымчан, о чем будет сказано ниже.

На рисунке 3 жирным шрифтом выделены институты власти и иные политические институты, потому что именно они своей деятельностью создают правовые, экономические и иные условия для развития всей институциональной среды, регулируют деятельность других институ-

тов и создают условия для выполнения ими своих функций надлежащим образом. На рисунке 3 институты расположены в столбце не по порядку нумерации. Сделано это по причине более удобной визуализации групп кластеров схожих задач.

С точки зрения задач, решаемых в нашем исследовании, именно в крымском контексте в группе политических институтов наибольшее значение для обеспечения стабильности имеет государство, а именно — органы власти, которые мы рассматриваем как системный центр. В группе институтов социализации наибольшее значение имеют институты воспитания и образования, а именно школа и учреждения профессионального образования. В системе СМИ важнейшую роль играют телевидение и интернет-версии печатных изданий. Среди экономических институтов наибольшее значение имеет институт собственности. В системе институтов гражданского общества в Крыму первостепенное значение имеют национально-культурные автономии, молодежные общественные организации, институты конструктивной оппозиции (если они имеют экспертный потенциал для разработки предложений по решению местных проблем). В системе институтов, обеспечивающих безопасность и правопорядок, особенно выделены прокуратора, суды и органы МВД. Важнейшим институтом виртуальной среды являются социальные сети.

Новизна подхода заключается не только в выделении технологических кластеров, но и в том, что основной их целью, вокруг которой объединяются ресурсы всех названных институтов, является развитие и поддержание социального иммунитета, помогающего обществу осмысливать внешние влияния и различать в них те, которые могут дестабилизировать систему. Внимание акцентируется не на реактивных технологиях институтов, а на превентивных технологиях, развивающих способности общества реагировать на внешние влияния в соответствии с ожиданиями системного центра. Чтобы реакции максимально совпадали с реакциями системного центра, его представители должны быть вовлечены в формирование условий социального иммунитета наравне со всеми значимыми институтами. Подчеркнем, что речь не идет о тоталитарной и авторитарной моделях политических отношений. Речь идет о формировании таких условий, при которых общество и системный центр на добровольной основе схожим образом реагируют на внешние влияния и схожим образом понимают цели и

приоритеты развития общественной системы. Добровольность формируется в условиях системного доверия, которое, в свою очередь, значительно быстрее возникает в сетевых отношениях между институтами и общественными акторами (собственно, на доверии и интересе они и держатся).

Достижение целей политической стабильности мы рассматриваем через формирование социального иммунитета путем взаимосвязанной системной работы наиболее значимых институтов. Дисфункциональность одного из институтов или неэффективность одного из технологических кластеров создают риски сбоя всей системы обеспечения политической стабильности и снижения способности общества различать дестабилизирующие влияния.

Каждый институт располагает особыми, отличными от других институтов, ресурсами и методами участия в обеспечении стабильности и условий для формирования социального иммунитета. При этом каждый имеет и ограничения по их применению (например, институты власти или экономические институты могут иметь уголовное наказание за нецелевое расходование бюджетных средств независимо от того, на какие бы гуманитарные проекты не были расходованы эти средства). Институты оппозиции могут быть ограничены органами власти в местах проведения акций протеста независимо от целей протеста. Судебные и правоохранительные органы могут быть ограничены в предоставлении информации для СМИ в целях сохранения тайны следствия. Такие объективные ограничения многочисленны. Но есть и субъективные ограничения (недостаточно времени, нет мотивации и др.). Поэтому важна системная, слаженная, сетевая работа множества кластеров, позволяющих компенсировать недостатки одного кластера технологиями из другого кластера.

На рисунке 3 жирным шрифтом выделены номера кластеров, приоритетность которых для конкретных институтов отметили в ходе глубоких интервью большинство экспертов (экспертам предлагалось выбрать два наиболее значимых фактора, на обеспечение которых в первую очередь должен направить свои ресурсы и силы конкретный институт). В итоге технологии институтов социализации, СМИ и сетевых сообществ предлагается направить на формирование социальной памяти и социальной сплоченности. Для политических институтов и институтов безопасности и правопорядка приоритетным должно стать

обеспечение экзистенциальной безопасности и работа над формированием институционального и системного доверия. Технологии, которые могут реализовать экономические институты позволят обеспечить экзистенциальную безопасность и социальную сплоченность, связанную с проблематикой социальной справедливости. Технологии институтов гражданского общества целесообразно направить на укрепление социальной сплоченности и формирование системного доверия. Как было отмечено в предыдущем параграфе, системное доверие подразумевает не только доверие общества к системному центру (в первую очередь институтам власти), но и доверие институтов власти к обществу. Поэтому в условиях системного доверия сетевые горизонтальные отношения с органами власти могут развиваться и выражаться в передаче части полномочий институтам гражданского общества (реальный пример — общественная антикоррупционная экспертиза законопроектов или деятельность национально-культурных автономий по урегулированию этнополитических конфликтов). В этой связи для Крыма важнейшей задачей является развитие высокого экспертного потенциала институтов гражданского общества.

Реализация задач в каждом выделенном технологическом кластере (см. рис. 3) позволит достичь синергетического эффекта как в горизонтальной, так и в вертикальной моделях взаимодействия власти и общества и сформировать в итоге реакции социального иммунитета, не противоречащие позиции системного центра. Собственно сами технологии внутри каждого кластера основаны на ресурсах и методах работы каждого института, однако критически значимыми и новыми для большинства институтов становятся сетевые технологии, основанные на взаимном интересе, полезности, добровольном вовлечении. В каждом кластере возможно максимально детализировать технологии. Такая детализация предложена (см. Приложение) на примере технологий в кластере «технологии органов власти для реинституционализации социальной памяти».

Обобщение рассмотренного опыта и технологий обеспечения политической стабильности в Республике Крым за период 2014—2018 гг. показывает их эффективность и результативность на этапе активного противодействия и нейтрализации угроз стабильности. Особое внимание акцентировалось на безопасности личности, общества и государства, на создании материальной базы стабильности, т.е. на удовлетворении мате-

риальных, экономических потребностей и потребности в безопасности. Общество рассматривалось и рассматривается как объект технологического воздействия. Вместе с тем общественная ситуация изменяется, растет общественный запрос на субъект-субъектные отношения, который используется внешними акторами. Сравнение технологий обеспечения политической стабильности с технологиями внешнего дестабилизирующего влияния (рассмотренными во второй главе) показывает, что органы власти в значительно меньшей степени используют технологии «мягкой силы», технологии формирования непротиворечивой социальной памяти, привлекательной и общепринятой системы ценностей, мировоззренческих позиций, технологий вовлечения общества в системные отношения с властью на основе субъект-субъектного подхода.

Технологии отдельных институтов, направленные на создание условий обеспечения политической стабильности и выработку реакций социального иммунитета, близкого к реакциям системного центра, были сгруппированы в отдельные технологические кластеры. Были выявлены наиболее значимые технологические кластеры: кластер технологий реинституционализации социальной памяти, в котором ключевую роль играют ресурсы и методы институтов социализации (особенно воспитания, образования и семьи); кластер технологий сплочения общества, в котором ключевую роль играют ресурсы и методы институтов гражданского общества, социализации, СМИ, экономических институтов (обеспечивающих справедливое распределение материальных благ), интернет-ресурсы; кластер технологий формирования институционального и системного доверия ресурсами и методами политических институтов (особенно органов власти, представляющих системный центр), институтов гражданского общества и институтов безопасности и правопорядка, доверие к которым необходимо для обеспечения порядка и устойчивости новой институциональной среды; кластер технологий обеспечивающих экзистенциальную безопасность, в котором важнейшую роль играют ресурсы и методы экономических институтов, политических институтов, институтов безопасности и правопорядка. Все выделенные технологические кластеры находятся в системной взаимозависимости, что позволяет достичь синергетического эффекта от их совместной деятельности и, в случае сбоя в одном технологическом кластере, компенсировать эффективность технологий в другом кластере.

3.4. Роль и особенности сетевых технологий обеспечения политической стабильности в Республике Крым

3.4.1. Социальные сети в современном политическом пространстве

Социальные сети в современном политическом пространстве формируются и используются, как правило, с целью мобилизации общества или отдельных групп населения на какое-либо действие для решения каких-либо политических задач. Крайне редко сетевые взаимодействия поддерживаются их инициаторами длительное время, за исключением деятельности партийных организаций, для которых поддержка сети партийных ячеек — необходимое условие регистрации партий и их правового статуса. Виртуальные политические сети, поддерживающие длительное время активные взаимодействия, встречаются еще реже реальных длительно существующих политических сетей.

Вместе с тем сетевые технологии активно используются акторами внешнего влияния с целью дестабилизации общественно-политической ситуации, вовлечения в террористические, экстремистские организации, оппозиционные группы, нацеленные на неправомерные способы изменения политических режимов и систем. Следует отметить, что не все социальные сети могут образовываться специально с целью дестабилизации. Значительно чаще сети формируются с целью решения каких-то проблем и реализации интересов, общих для участников этих сетей. Такие сети становятся акторами дестабилизации в случае, если их участники не нашли решения проблем, не смогли найти понимание и внимание в ответственных институтах. В этой связи формирующиеся в виртуальной среде социальные сети не должны выпадать из поля зрения системного центра управления. Сетевые технологии взаимодействия власти и общества в условиях повышения социализирующей роли виртуальной среды целесообразно переосмыслить и обновить, используя методику проектирования систем Web 2.0. Опыт применения методики в управляемых сложных системах, к которым относится и политическая система, показывает, что сделать системы более устойчивыми и эффективными возможно за счет сетевых взаимодействий большого

числа акторов. По сути, речь идет о выстраивании отношений по принципу «пользователи для пользователей» (термин Тима Бернерса-Ли¹).

Сетевые технологии обеспечения политической стабильности предполагают приоритетность горизонтальных взаимодействий, при которых разные акторы вовлекаются в системные отношения с политическими институтами. Это отношения, при которых акторы (институты, группы, движения, институты, отдельные личности) участвуют в разработке, принятии, реализации политических решений и, что особенно важно, разделяют ответственность за результаты их реализации вместе с политическими институтами. В условиях общественного запроса на горизонтальные модели коммуникации именно сетевые технологии помогут вовлечь общественность в системные отношения с властью на основе взаимовыгодного сотрудничества и взаимной полезности. В отличие от вертикальных сетей с иерархией отношений сетевого центра и других участников системных отношений, горизонтальные сети представляют собой объединения акторов примерно одинакового статуса и влияния.

Сетевые отношения, связывая между собой разные узлы интересов, способствуют укреплению согласованных норм поведения и повышают вероятность общественных санкций против тех, кто им не соответствует. Сетевые общества уменьшают неопределенность оценок внешних влияний и уменьшают риск сбоев социального иммунитета, повышают эффективность политического управления за счет согласованности действий власти и разных групп общества (так как социальные сети могут формироваться вокруг разных групп интересов — молодежи, предпринимателей, жильцов многоквартирных домов, требующих капитального ремонта и др.).

По сути своей сетевое сообщество как в реальной, так и виртуальной среде, — это множество социальных объектов с определенным множеством взаимоотношений между ними. Структурно сетевое сообщество представляет собой связанные узлы сети, привлекательные для участников. С этой точки зрения социальной сетью становятся, например, связи таких узлов, как общественная организация, органы власти, СМИ, вступающих в отношения для решения вопроса, интересного всем узлам и всем участникам. С точки зрения решаемых задач

---

¹ Подкаст-интервью Тима Бернерса-Ли порталу IBM DeveloperWork. — URL: <https://www.ibm.com/us-en/>

данного исследования важно не просто вовлечение в сетевые отношения, а важно вовлечение в системные сетевые отношения, т.е. отношения с системным центром, который является одним из сетевых узлов. Социальные сети уменьшают непрозрачность и иллюзию самодостаточности вертикальных моделей коммуникации власти и общества, способствуют оценке принятых решений, как справедливых, так как сами участвуют в этих решениях.

3.4.2. Сетевые отношения власти и общества и особенности крымского интернет-пространства

Формирование сетевых отношений в Крыму возможно на основе уже имеющихся сетевых узлов, имеющегося к ним доверия и расширения инструментальной вовлеченности других. Вовлеченность в системные отношения снижает риски дестабилизации, вырабатывает внутри сетевых сообществ общие критерии оценки внешних влияний по степени их угрозы, формирует социальный иммунитет против дестабилизаций.

Мы не испытываем иллюзий, что все отношения власти и общества можно организовать в горизонтальных моделях коммуникации, нередко это и не нужно, и противоречит законам общественного развития. Мы говорим о необходимости вовлечения разных узлов общественной организации в отношения с властью и передачу им части политической ответственности за принятие и реализацию решений. К таким узлам относятся внутренне интегрированные организации: национально-культурные автономии, ассоциации по месту жительства, места компактного проживания этносов и религиозных групп, иные сообщества, профессиональные ассоциации, политические партии, молодежные организации. Внутренняя интеграция групп, наличие связей между ними, положительный опыт взаимодействия с системным центром, — все это способствует большей адаптивности сетей к предложениям системного центра.

Технологически инициатива сетевых отношений может идти как от общественности, так и от системного центра. Опыт организации сетевых сообществ в реальном пространстве накоплен достаточно большой, и он может быть использован в настоящее время с учетом того, что для общественности в большей степени привлекательны горизонталь-

ные сети, чем вертикальные. С нашей точки зрения, крымские события 2014 г. заложили основу для развития именно горизонтальных моделей сетевых взаимодействий (опыт коллективных действий, солидарностей, поддержка лидеров народного движения и последующие их выборы в органы власти и др.). Ни один другой регион России не имеет такого потенциала для применения сетевых технологий и развития системных отношений власти и общества частично в горизонтальной модели. Поэтому в настоящее время в Крыму важно не пойти в сторону доминанты привычных для системного центра вертикальных моделей отношений, которые не только не привлекательны для большей части общества (особенно среди молодого поколения), но и способствуют уменьшению общественного доверия.

Среди имеющихся узлов сетевых отношений в реальном пространстве Республики Крым наиболее влиятельными были названы (по результатам экспертного интервью и опроса жителей) национально-культурные автономии, «Молодая Гвардия», Православная церковь, Духовное управление мусульман Крыма, волонтерские движения (но мало кто из опрошенных смог перечислить их названия), партии.

Наименьший опыт работы системные центры имеют с сетевыми сообществами в виртуальном пространстве (где в настоящее время наиболее активны акторы дестабилизации). Это стало причиной концентрации нашего внимания именно на этом виде сетевых отношений, позволяющих запустить механизм соучастия самих граждан в создании условий для развития и поддержки социального иммунитета.

Обобщая сказанное, предлагаем следующий алгоритм формирования органами власти сетевых взаимодействий с общественностью (см. табл. 3), а также описание некоторых выявленных особенностей формирования сетей в реальной и виртуальной средах.

Результаты проведенного исследования показали наличие условий и предпосылок для реализации предложенного алгоритма формирования сетевых горизонтальных взаимодействий с общественностью. Имеется достаточно большой потенциал активного вовлечения в системные отношения с органами власти и потенциал участия крымчан в сетевых взаимодействиях. Более половины опрошенных (56,22%) имеют интерес и следят за развитием политической ситуации в Крыму; 33,47% периодически следят, хотя им это и не очень интересно. Совсем не интересуются политическими событиями всего 10,31% опрошенных.

**Алгоритм формирования органами власти
сетевых взаимодействий с общественностью**

Последовательность действий	Примечания	
	Особенности формирования сетей в реальной среде	Особенности формирования сетей в виртуальной среде
1-й шаг: анализ поля сетевых взаимодействий, выявление референтных сетевых узлов	Достаточно инструменты социологического опроса и экспертного интервью	Требуется привлечение специально обученных экспертов, участников виртуальных сетей. Используются технологии big data
2-й шаг: выявление мотивации участников сетевых отношений, их интересов и потребностей	Достаточно инструменты контент-анализа и фокус-групп	Потребуется эксперты из числа участников виртуальных сетевых взаимодействий и организация виртуальной фокус-группы
3-й шаг: анализ своих возможностей стать значимыми сетевыми узлами	Критический самоанализ. Лучше внешними экспертами	Критический самоанализ. Лучше внешними экспертами — специалистами по виртуализации моделей коммуникации власти и общества
4-й шаг: предложение услуг, в которых заинтересованы участники сетевых отношений	Риски минимальны, так как контакты власти и общества реальные, участники идентифицированы	Потребуется пилотный проект с минимальными рисками «испортить ситуацию», так как не у всех участников виртуальных сетей их виртуальная идентичность совпадает с реальной
5-й шаг: формирование своих сетевых узлов, вступление в контакты с другими сетевыми узлами (особенно с внутренне интегрированными организациями: национально-культурные автономии, ассоциации по месту жительства, места компактного проживания)	Риски минимальны, так как первоначально сетевые узлы в реальном пространстве могут базироваться на сети структур органов власти и МСУ	В виртуальном пространстве — затруднено, так как имеющиеся интернет-ресурсы органов власти не нацелены на организацию коммуникации и получение обратной связи, не пользуются большим спросом и интересом пользователей Интернет. Следует обнов-

Последовательность действий	Примечания	
	Особенности формирования сетей в реальной среде	Особенности формирования сетей в виртуальной среде
ния этносов и религиозных групп иные сообщества, профессиональные ассоциации, политические партии, молодежные организации)		лять политику, контент, дизайн имеющихся интернет-ресурсов и создавать новые узлы связи в рейтинговых социальных сетях и мессежерах
6-й шаг: конкуренция с другими сетевыми узлами за счет больших ресурсов для решения проблем участников сетей, наращивание своего потенциала полезности	Органы власти конкурентоспособны, так как имеют самые большие ресурсы для решения проблем и реализации потребностей и интересов, на основе которых формируются социальные сети	Пока мало конкурентоспособны в виртуальном пространстве. Но потенциал велик за счет имеющихся ресурсов решения проблем пользователей. Задача — вход представителей власти в позицию полезности обществу (оказания услуг) и выход их позиции руководства обществом
7-й шаг: привлечение широкой аудитории за счет своей полезности в решении их проблем	Большой потенциал	Большой потенциал, хотя и меньше, чем в виртуальных сетях
8-й шаг: вовлечение сетевого актива в разработку, принятие и реализацию политических решений	Риски минимальны	Меньший потенциал, так как не все пользователи идентифицированы
9-й шаг: выделение наиболее подготовленных и мотивированных участников сетевых взаимодействий для делегирования им части функций по созданию условий общественно-политической стабильности (социализации, интеграции, социальной справедливости и др.), а также для решения общественно-значимых проблем	Риски минимальны	Возможна при соответствующей подготовке представителей власти в сфере коммуникации с пользователями сетей и идентификации сетевого актива с их реальным статусом

Последовательность действий	Примечания	
	Особенности формирования сетей в реальной среде	Особенности формирования сетей в виртуальной среде
10-й шаг: поддержка проектов и инициатив сетевого актива, обсуждение проектов и планов органов власти	Риски минимальны	При прохождении 1—9 шагов трудностей нет
11-й шаг: мониторинг результативности сетевых отношений	Потребуется разработка инструментария такого мониторинга на основе классических методов диагностики общественно-политической ситуации	Потребуется разработка инструментария такого мониторинга на основе имеющегося опыта мониторинга информационного пространства (см. раздел 3.2)
12-й шаг: коррекция алгоритма сетевых взаимодействий с общественностью	По необходимости	По необходимости

Несмотря на интерес (более чем у половины опрошенных), только треть респондентов (38,06%) вовлечена в деятельности каких-либо общественных организаций, объединений или сообществ. Участниками политических объединений считают себя 27,24% населения, участниками национальных объединений — 12,35%, религиозных объединений — 19,29%. Анализируя эти данные, можно предположить, что формирование сетей вполне возможно на основе уже имеющихся сетевых узлов и расширения инструментальной вовлеченности других.

В результате опроса было выявлено, что потенциал вовлечения в сетевые сообщества связан не столько с решением политических проблем, сколько социально значимых проблем населения (которые в итоге становятся «политическими», так как касаются участия органов власти в решении этих проблем). То есть вовлечение в системные отношения могут происходить путем реализации совместных социально полезных проектов. Основными направлениями могли бы стать те, которые наиболее интересны для жителей Крыма. Выявить такие инте-

рессы помогли ответы на вопрос: «Вы допускаете или исключаете для себя возможность в будущем заниматься добровольной, общественно-полезной деятельностью? Если да, то в каких видах такой деятельности вы могли бы принять участие?». В большей степени опрошенных заинтересовали бы работа в экологических, психологических и юридических службах (22,24%), в проектах по возрождению культурного наследия, ремесел (21,12%) и организация экскурсий (20,92%). Помощью ассоциациям разных народов (татарская община, русская община и т.п.) занялись бы 19,18%, организацией свободного времени и оздоровления детей, подростков и молодежи (17,14%), работой при храмах, мечетях (11,12%), помощью в учреждениях социального обслуживания, больницах, детских домах, домах престарелых (9,08%). 12,35% готовы ухаживать за воинскими захоронениями, памятниками воинской славы и 23,16% — проводить трудовые лагеря, организовывать бригады по благоустройству территории. Отметим, что более трети опрошенных (37,35%) не планируют участвовать в волонтерских проектах, т.е. не имеют выраженных интересов к общественно полезной деятельности.

Выявленные особенности применения сетевых технологий в виртуальном пространстве мы сгруппировали следующим образом.

Первая группа особенностей связана с количественными и качественными характеристиками крымской интернет-аудитории. Анализ состава крымской интернет-аудитории проводился на основе данных, полученных нами в результате проведенного опроса и на основе данных федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных технологий, ежегодно проводимому Федеральной службой государственной статистики.

По результатам нашего исследования было выявлено, что 73,37% опрошенных пользуются почти каждый день хотя бы одной из социальных сетей. Среди молодежи до 25 лет доля таких пользователей значительно выше — 93,16%; среди респондентов 25—34 лет таких 62,04%, в возрасте 36—45 лет — 59,18%, пользователей в возрасте 46—60 лет — 47,35%, среди тех, кому более 60 лет, пользуются социальными сетями 9,29%.

Интересно, что портрет пользователя социальных сетей и портрет населения региона сближаются по половозрастному составу и месту

жительства. Как следствие, в социальных сетях может отражаться с определенной долей погрешности мнение большинства населения. Крымская интернет-аудитория прирастает жителями сельской местности, относительно небольших населенных пунктов и представителями старших возрастных групп.

Прогнозируя изменение состава интернет-аудитории, можно предположить, что в ближайшее время ее рост будет происходить за счет увеличения числа людей старшего возраста и жителей сельской местности, поскольку молодые и среднего возраста люди из крупных городов уже являются активными пользователями. Пользователи выходят в сеть Интернет чаще всего из дома, с помощью мобильного телефона или смартфона через беспроводные сети. Если люди не пользуются Интернетом, то в первую очередь по причинам субъективного характера (отсутствия необходимости в этом (71,8% от числа тех, кто не пользуется ресурсами Интернет), недостатка навыков для работы в сети Интернет (22,8%), а затем уже по причинам объективного характера (высоких затрат на подключение (17,7%)), по соображениям безопасности (3,2%), из-за отсутствия технической возможности подключения к сети Интернет (2,7%).

Портрет типичного крымского пользователя Интернета таков: его стаж в сети — свыше 4 лет, каждый день он проводит там не менее 3-х часов, не делая перерывов на выходные. В сеть выходят за информацией, новостями, общением, блогами, и — в меньшей степени — за покупками. В структуре каналов получения информации интернет-ресурсы приблизились к телевидению. Опрошенные нами респонденты отметили, что обычно они узнают новости по телевидению (59,29%), на новостных сайтах в Интернет (52,14%), в социальных сетях (39,29%), от родственников, знакомых (34,08%), в общественных местах (16,12%), на работе (12,35%), на сайтах органов власти (18,16%), в ходе общения с представителями органов власти (14,29%), радио (7,04%), печатные газеты (11,53%). Сравнение этих данных с мнением экспертов показывает, что более трети экспертов недооценили роль Интернета в жизни крымского сообщества.

Среди жителей Крыма наиболее популярной социальной сетью является «ВКонтакте», а наиболее интенсивно наращивающей свою популярность — YouTube. Эта тенденция соответствует международным

трендам¹. По данным в таблице 4, видна динамика популярности социальных сетей среди жителей Крыма.

Таблица 4

**Динамика популярности² социальных сетей в Республике Крым
(за период 2014—2017 гг.)**

Название социальной сети	2017	2016	2015	2014
ВКонтакте	43,46%	45,6%	45,78%	37,67%
Фейсбук	24,52%	28,2%	28,38%	14,29%
YouTube	16,56%	8,66%	3,19%	1,83%
Одноклассники	13,08%	13,07%	15,5%	38,34%
Твиттер	3,6%	3,87%	4,0%	3,47%
Инстаграм	Нет официальных данных			

Чаще всего социальные сети используются для поддержания социальных связей. 57,04% опрошенных ответили, что пользуются сетями, чтобы просто пообщаться или завести новые знакомства. В социальных сетях удовлетворяется потребность в аффилиации, поиске «людей с интересами, как у меня», своей идентичности, единомышленников (29,39% опрошенных). 18,16% пользователей обращаются к социальным сетям, чтобы быстро проконсультироваться по какому-то вопросу, посмотреть способы решения схожей проблемы. Социальные сети становятся референтными акторами принятия решений. Можно с уверен-

¹ См.: Wattenhofer M., Wattenhofer R., Zhu Z. The YouTube Social Network. In Proceedings of the Sixth International AAAI // Conference on Weblogs and Social Media. — 2012. — URL: Downloads/4581-21947-1-PB.pdf

² Рейтинг популярности социальных сетей оценивается как доля трафика, генерируемая данной социальной сетью в Рунете. Количество трафика социальной сети оценивается по данным крупнейших в России сервисов интернет-статистики: Яндекс.Метрика, SpyLog / Openstat, LiveInternet, Hotlog, Рейтинг@Mail.ru, а также на основании собственной статистики SEO-AUDITOR.

ность сказать, что в отношении социальных сетей мы имеем дело с институтом социальной коммуникации. На втором месте среди пользователей сетей мотив потребления разного рода контента (новости и игры, приложения). 33,16% получают информацию (новости, для работы или учебы, просто интересную информацию), 29,08% скачивают фильмы, книги, музыку; 21,33% играют в игры. На третьем месте утилитарные, рациональные мотивы, связанные с покупками (6,22% опрошенных), работой в Интернет (виртуальные предприятия, интернет-магазины и др.) — 3,37% респондентов.

Таким образом, особенности, связанные с количественными и качественными характеристиками крымской интернет-аудитории, заключаются в изменении интернет-аудитории в сторону увеличения числа людей более старшего возраста и жителей сельской местности. Потребности аудитории в получении консультаций через социальные сети повышают экспертное значение сетей, а потребность в общении делает социальные сети самостоятельным институтом социальной коммуникации.

Вторая группа — особенности структурно-функционального характера. Эти особенности помогают понять, как формируются социальные сети, как возникают связи, как органам власти войти в социальные сети, сохранив доверие пользователей и одновременно решая задачи, направленные на обеспечение политической стабильности.

Разные социальные сети имеют разную ценность для разных пользователей. Ценность зависит от потребности, которую пытается решить пользователь, входя в сетевые отношения и подключаясь к социальным сетям. Проведя предварительную классификацию социальных сетей (по критерию их функционального назначения), мы предложили респондентам выбрать сети, к которым они чаще всего обращаются за информацией и консультациями по вопросам, решение которых требует взаимодействия или вмешательства органов власти. Это широкий спектр вопросов, касающийся качества жизни, социальной справедливости, проблем прав и свобод, и др.

На первом месте оказались многофункциональные социальные сети, используемые в основном для общения (ВКонтакте, Facebook, Одноклассники), — 93,27% от числа тех, кто пользуется социальными сетями. Лидером является сеть ВКонтакте. На втором месте — сети, используемые для обмена медиа-контентом (Instagram, YouTube) — 68,37%.

Лидером является Instagram. Далее с большим отрывом следуют следующие социальные сети:

- 17,14% отметили социальные сети, сформированные по интересам (например, сеть для меломанов, любителей литературы, изучающих язык и т.п.);
- 12,24% — сети для авторских записей (блоггинг, например, на платформах Twitter);
- 9,29% — серверы социальных закладок (StumbleUpon, Pinterest, Flipboard). Респонденты отметили, что здесь они в основном собирают контент для своей личной информационной базы, которой потом делятся с другими;
- 9,18% отметили сети, которые занимаются обзорами и сбором отзывов (например, Airbnb и Uber, которые фокусируются на отзывах о местах проживания для путешественников);
- 3,06% отметили сети, специализирующихся на коллективных обсуждениях (сообщества, форумы, Q&A-сервисы — например, Quora, Reddit и Digg).

Делая выбор среди предложенных нами вариантов, все же большая часть отмечала, что все предложенное есть в ВКонтакте и нет большой необходимости искать дополнительные серверы.

Для выявления наиболее влиятельных узлов социальных сетей в Крыму нами были проделаны следующие процедуры:

- была выделена гомогенная подсеть наиболее популярной социальной сети ВКонтакте на основе тематики «Крым». Для получения такой подсети из социальной сети были выделены и исследовались только узлы определенного класса и связи между этими узлами по теме «Крым»;
- среди выявленных подсетей были выделены узлы интересантов в области политики (их оказалось очень мало). Самыми важными узлами оказались узлы, предоставляющие информационные услуги. Среди них наибольшее число подписчиков, «лайков» и комментариев имеют те, кто предоставляет информацию о туристических услугах в Крыму, о достопримечательностях Крыма, полезную бытовую информацию;
- выделенные узлы интересантов в области политики (повторим, что в настоящее время они немногочисленны) были проранжированы по числу пользователей и их активности. В итоге мы

пришли к выводу, что узлы политической направленности не только малочисленны, но и мало посещаемы. Среди ранее проанализированных узлов выделим «Россия—Путин—Крым». Размещение сообщений в данной сети происходило почти каждый день («лайки» и комментарии наиболее активны под сообщениями, связанными с проблемой безопасности, санкций, внешних влияний). Пользователи сети патриотически настроены, активно вели дискуссию, но все же нельзя сказать, что их комментарии многочисленны. Определенная общественно-политическая активность проявляется в «Молодежная республика Крым — МРК24.РФ». В сообщениях пользователей социальной сети, моделируемого этим узлом, нередко дублируется официальная информация с сайтов органов власти. В сетях с новостной информацией о жизни и отдыхе в Крыму тоже встречаются сообщения на политическую тематику и вызывают интерес пользователей.

Анализ социальных сетей и внутренних процессов в них позволяет сделать некоторые выводы, важные для применения сетевых технологий. Структурно социальные сети выглядят так: первичной единицей социальной сети является узел связей, т.е. некая сумма более-менее регуляторных социальных контактов. Узел формируется при появлении интересантов вокруг какой-либо проблематики. С расширением активности таких узлов происходит их соединение в определенную множественность, что и приводит к формированию сетей отношений. Соединение происходит на добровольной основе, по интересам, поэтому эффективность таких взаимодействий очень высока. Наиболее влиятельные узлы привлекают наибольшее число пользователей. Задача органов власти стать одним из таких узлов. И не просто узлом, а важным узлом, потому что, чем более важен узел, тем меньше число коротких путей от него к другим узлам.

Анализ отношений в социальных сетях позволил нам выявить интересную тенденцию, требующую изучения в дальнейших исследованиях. А именно — тенденции, по которым развиваются отношения в сетевых сообществах, неточно копируют закономерности развития социальных общностей в реальной среде. Они стратифицируются даже в условиях горизонтальных моделей коммуникации. Критериями «расслоения» становится степень влиятельности, полезности, посещаемости тех или иных узлов, а затем и сетей, образующихся множественностью узлов.

Изучение стратификации в социальных сетях не было задачей нашего исследования, но не отметить наблюдаемое явление нельзя, так как если оно подтвердится в дальнейших исследованиях, то станет очевидным, что органам власти нет надобности выстраивать отношения со всеми узлами социальной сети, а только выборочно с наиболее влиятельными и полезными. Иными словами, вероятно, что социальным сетям свойственны такие же законы социальной жизни, как в реальной среде. После соединения узлов в общую социальную сеть у них начинается «специализация» по ролям, появляются лидеры, инициаторы, референтные узлы, последователи и др. Отношения доминирования-подчинения держатся на авторитете (чаще неформальном) и влиятельности одних и готовности следовать у других.

Отношения в сети нормируются, т.е. вырабатываются правила, по которым взаимодействуют участники сети и по которым принимаются или отторгаются новые члены сетевых отношений. Сети применяют свои санкции в отношении тех, кто нарушает правила (либо удаляют из сети, либо порицают), чем контролируют поведение пользователей сетей. Таким образом, мы можем говорить об институционализации социальных сетей и их стратификации.

Невключенность системного центра (например, органов власти) в такие сети в качестве одного из узлов ведет к потере возможности мониторинга общественной активности и проблемного поля, вокруг которого эти сети формируются. Особенно значимыми для системного центра управления (для качественного выполнения своих функций) являются узлы и социальные сети, предлагающие альтернативные пути решения проблем. Роль таких альтернативных центров может быть как конструктивной (например, предлагаемые ими решения эффективнее тех, которые предлагают центры управления; деятельность альтернативных узлов тестирует власть на прочность; они способствуют выработке социального иммунитета против чужеродных влияний и др.), а может иметь деструктивные последствия в виде призывов к неконституционной смене власти, общественным беспорядкам и т.п.

Негативный дискурс части социальных сетей в отношении политических институтов обусловлен в значительной мере отсутствием в них представителей этих институтов и правдивой информации об их деятельности. Отсутствие обусловлено не только их нежеланием выстраивать отношения в виртуальной среде, но и нежеланием самой среды

принимать к себе этих представителей, так как потенциал их искренности оценивается крайне низко. Несмотря на большое число пользователей социальных сетей, число подписчиков на ресурсы органов власти не велико.

Таким образом, выводы и рекомендации, связанные со структурно-функциональными особенностями социальных сетей, заключаются в следующем:

- стратификация узлов внутри социальных сетей (и гомогенных подсетей отдельных социальных сетей) создает возможность органам власти не взаимодействовать со всеми узлами связи, а только с наиболее влиятельными и полезными; В настоящее время такие узлы размещены ВКонтакте;
- понимание органами власти сущности функционального назначения социальных сетей (выраженной в предоставлении социально сетевых услуг (коммуникации, решения проблем, обмена знаниями и др.)) значительно облегчает органам власти вхождение в социальные сети в качестве самостоятельных узлов, также предоставляющих услуги, на которые дефицит в имеющихся узлах сети. Никакие акторы узлов социальной сети не обладает таким ресурсами решения проблем, какими обладают органы власти;
- технологически органы власти могут сами становиться влиятельными узлами связи и формировать вокруг себя социальную сеть по принципу своей полезности для пользователей или входить в имеющуюся социальную сеть, становясь ее важным узлом;
- активность в виртуальном пространстве влиятельных узлов и социальных сетей с критической и альтернативной позицией свидетельствует о социальной рефлексии ситуации и делает необходимым мониторинг услуг, которые оказывают данные социальные сети. Необходимость сетевых отношений с такими узлами зависит от их конструктивности и безопасности (с точки зрения физической, психологической, социальной безопасности населения и национальной безопасности государства).

Третья группа — особенности, связанные с потенциалом органов власти стать влиятельными сетевыми узлами. Анализ активности органов власти Республики Крым в Интернет показал, что они представлены в основном своими официальными сайтами и страницами в некоторых социальных сетях. С некоторой долей условности эти формы

представленности можно назвать «узлами» отношений. Однако вокруг них не формируются социальные сети с множественностью других узлов, вовлеченных в отношения. Узлы органов власти не представляют большого интереса для широкой общественности. Пользователи сетей называли такие причины, как ангажированность модераторов, замодерированный диалог (если он вообще есть), замедленные реакции-ответы представителей власти, бесполезность большей части ответов. Со своей стороны, отметим отсутствие эмоционально-доброжелательной составляющей коммуникации в узлах органов власти, которую широко используют внешние акторы в социальных сетях.

Вызывает сомнения целесообразность размещения узлов органов власти в непопулярных и малоцелевых социальных сетях. Например, далеко не все органы власти представлены в популярной среди жителей Крыма сети «ВКонтакте», но представлены в малопопулярной сети «Твиттер». Практически не используются органами власти ресурсы канала YouTube, который быстро наращивает свою аудиторию за счет контента и не только распространяет информацию, но и социализирует пользователей посредством своего контента, формирует (закрепляет или разрушает) установки и стереотипы путем предъявления визуализированных фактов. Для представителей власти YouTube также может стать инструментом быстрого реагирования и распространения необходимой информации.

Некоторые представители власти ведут личные блоги, что позволяет выстраивать сети отношений посредством интереса к конкретной личности и возможности установить прямые контакты руководителей, политиков и граждан. Однако отсутствие личностного контента, дефицит искренности и открытости зачастую делают эти блоги малопосещаемыми и малоэффективными с точки зрения выстраивания сетевых отношений.

Обобщая сказанное, отметим, что попытки формирования собственных узлов связи органами власти пока малоэффективны. В то же время правильное формирование таких узлов в виртуальном пространстве, формирование вокруг этих узлов социальных сетей и/или вхождение этих узлов в имеющиеся социальные сети поможет в решении актуальных проблем доступности, транспарентности институтов власти и решении «проблемы дефицита времени», т.е. необходимости быстрого реагирования на появляющиеся проблемы и запросы общественности.

В отличие от моделей коммуникации по типу «электронных услуг», социальные сети позволяют устраивать обсуждения и обмен мнениями между пользователями сетей.

Анализируя рост активности представителей власти в социальных сетях, можно сделать вывод о том, что региональные органы власти уже осознали кризис старых моделей взаимодействия и начали включаться в сетевые отношения в виртуальной среде. Но пока интерес к ним невысок, как показывают ответы на вопрос «Как часто вы посещаете сайты органов власти в сети Интернет, странички в социальных сетях, блоги представителей власти?». Довольно часто посещает 23,16% населения, иногда — 28,06%, никогда 48,78%. Некоторые эксперты отмечали, что раньше (в 2014 г.) активность на сайтах власти была больше. Сейчас большая часть заходит «если надо что-то узнать» или «какой-нибудь скандал». При этом критика власти чаще всего встречается именно в социальных сетях (по сравнению со СМИ). Так считают 36,43% респондентов.

В ходе экспертного опроса подтвердилось наше предположение о низкой квалификации представителей власти в области создания профессиональной среды интернет-коммуникаций. Изначально мы предполагали, что решить проблему поможет внедрение обязательной программы обучения для представителей власти, в которой принципиально важно ознакомление с разработками в рамках Web of Science (междисциплинарной отрасли научного знания, включающей наработки из таких наук, как компьютерные исследования, математика, искусственный интеллект, web-инжиниринг, психология, социология, политология, философия, экономика). Однако большинство экспертов отметили, что этим проблему не решить и в органах власти следует создавать специальные подразделения, занимающиеся созданием узлов в виртуальных социальных сетях и взаимодействующих с социальными сетями. Лучше эту функцию возложить на подразделение, ответственное за формирование сетевых отношений власти и общества в реальной среде (например, подразделения по связям с общественностью, информационной политике, внутренней политике и т.п.). Для выполнения такой работы нужны люди, имеющие специальное образование, и они должны «любить это дело» и быть очень искренне увлечены этой работой и заинтересованы в ее результатах. Второй вариант, предложенный экспертами — отдать эту часть работы на

аутсорсинг специальным организациям, которые качественно и профессионально выполняют ее за вознаграждение. Однако в силу специфичности проблематики большая часть считает лучшим создавать структуры внутри органов власти.

Но как органам власти войти в сетевые отношения, если большая часть пользователей сомневаются в искренности таких отношений со стороны власти, опасаются контроля за пользователями сетей, опасаются потери атмосферы искренности и доверия в сетевых отношениях?

Опрос жителей Республики Крым и анализ комментариев пользователей популярных социальных сетей, образовавшихся вокруг узлов, поднимающих различную проблематику жителей Крыма, показал, что вхождение органов власти в качестве одного из таких узлов возможно только при условии его полезности в общей сети коммуникаций. Иными словами, пользователи сети должны понимать, что узел органов власти должен присутствовать в сети как «узел решения проблемы», но не как «узел контроля» за поведением в сети, как «узел критики», «узел убеждения в неправоте» участников сети.

Так как большая часть популярных социальных сетей оказывает разного рода услуги, то «полезность» органов власти рассматривается в категориях услуг, которые они могут предоставить, и ресурсов, которые они могут подключить для решения проблем, и реализации интересов и удовлетворения потребностей пользователей сетей. Следовательно, доверие к узлам органов власти будет формироваться, если органы власти будут полезными для пользователей сетей, а именно:

- тоже будут оказывать услуги (с учетом имеющихся ресурсов решения проблем и учета интересов пользователей сетей), формируя сеть вокруг своих узлов отношений;
- будут усиливать влияние имеющихся узлов отношений за счет их связи с узлами органов власти. В таком случае имеющиеся узлы отношений будут заинтересованы во взаимодействии с узлами органов власти;
- будут выявлять узлы потенциальной дестабилизации на основе мониторинга и рефлексии проблемного поля социальных сетей и вступать с ними в контакты с целью использования их конструктивного потенциала;
- при обнаружении деструктивного потенциала узлов и социальных сетей, угрожающего безопасности личности, общества и государ-

ства, действия органов власти должны быть направлены на пресечение деятельности таких социальных сетей и отдельных узлов в соответствии с законодательством.

Однако применение только указанных способов вхождения органов власти в сетевые отношения и снижение за счет этого их дестабилизационного потенциала будет недостаточным для полноценного ответа на вызовы современности. Сетевые отношения поддерживаются также за счет делегирования полномочий и вовлечение пользователей сетей в совместную деятельность с органами власти.

Четвертая группа — особенности делегирования некоторых функций по исполнению полномочий органов власти общественным активистам (их группам) в социальных сетях. Сразу оговоримся, что имеем в виду сетевых активистов, чья личность идентифицирована и соответствуют реальным персональным данным.

В социальных сетях пользователи не только обсуждают проблемы, но и нередко самоорганизуются для их решения (почти треть пользователей, как было показано выше, мотивирована поиском групп по интересам, и почти пятая часть ищет в сетях рекомендации и способы решения своих проблем). Из этого следует, что есть потребность не только в выражении своего мнения, но потребность в конкретных действиях, желание предпринять попытку самостоятельного решения проблем. Это показывает рост не только коммуникативного потенциала, но экспертного и деятельностного потенциала общества, гражданской активности, имеющей продолжение в конкретных социально значимых проектах. Не учет органами власти этой тенденции и не желание (или не умение) встроиться в нее, т.е. не признать и не использовать деятельностный и экспертный потенциал общества — это путь к конфликту власти и гражданского общества, нарушению общественного согласия и стабильности. Как органам власти использовать эту тенденцию в комплексе с ресурсами социальных сетей?

По нашему мнению, следует применить технологии делегирования полномочий. Во-первых, активизировать механизм вовлечения узлов и пользователей социальных сетей во взаимодействие, на стадии принятия решения, а затем — его реализации. Это позволит децентрализовать ответственность и совместно отвечать за результаты принятых решений. Каждый участник отношений сможет почувствовать свою причастность к принятым решениям. В таких условиях оспаривание этого

решения альтернативными акторами будет восприниматься не столько как посягательство на компетентность системного центра, принимающего решения, сколько как посягательство на компетентность акторов гражданского участия. Вовлечение активных акторов в совместную деятельность снизит уровень их конфликтности и альтернативности. Вовлечение может происходить методом краудсорсинга. Примером такого краудсорсинга и делегирования полномочий может служить проект «Активный гражданин» в городе Москве.

Во-вторых, целесообразно поддерживать и использовать инициативы и проекты самоорганизующихся сообществ. Поддержка может быть материальной, информационной, имиджевой и др. Важно, чтобы инициаторы социально-полезных проектов почувствовали свою значимость. Распределение ресурсов власти и благ (в виде материальной и иной поддержки) в пользу социально-полезных гражданских инициатив повысит уровень доверия к власти и оценку справедливости распределения благ. Попытка организации такой модели отношений прослеживалась на платформе «Российская общественная инициатива» (Указ Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса “Российская общественная инициатива”»).

В-третьих, целесообразно делегировать социальным сетям часть функций по мониторингу настроений интернет-сообщества (или его отдельных сегментов), размещая инструмент мониторинга в конкретной социальной сети. Таких примеров много.

В-четвертых, возможно делегировать акторам гражданской журналистики часть функций по информированию. Анализ ландшафта крымских СМИ показал, что традиционные СМИ теряют монополию на информацию и информирование на фоне роста популярности и интереса к акторам гражданской журналистики. Появление виртуальной гражданской журналистики заставляет по-новому посмотреть на роль виртуальных сообществ в решении реальных проблем региона. Целесообразно установить связи и оказать поддержку (в первую очередь контентом и отношением) акторам гражданской журналистики. Технологические приемы могут быть обычными, но они редко используются в отношении именно гражданской журналистики, а именно — вовлечение их в систему работы пресс-служб, приглашение на пресс-конференции, сое-

щения, передача оперативной информации «из первых рук», пресс-туры по проблемным точкам и точкам достижений, премирование и иные формы поощрения наиболее активных и популярных акторов гражданской журналистики. Как позитивный пример следует отметить сетевое издание «Молодежная Республика Крым»¹ — основной информационный ресурс, состоящий из сайта, сообществ в социальных сетях, видеосюжетов на видеохостингах Youtube, Rutube. Это новый проект для Крыма, который популяризирует гражданскую журналистику среди молодежи, повышает роль молодежи в мониторинге и оценке ситуации в регионе, усиливает ее вклад в повышение доступности и открытости системы управления и вовлекает молодежь в системные отношения. Однако инструменты обратной связи (комментарии и дискуссии) в этом сетевом издании малочисленны. Сам ресурс малоизвестен даже среди крымской молодежи, для которой он предназначен.

Делегирование полномочий актуализирует в отношениях власти и общества важнейшие составляющие социальной стабильности и социального иммунитета: взаимное уважение, доверие друг другу, открытость, работа на общий результат. Препятствовать делегированию части функций социальным сетям могут: необходимость отказа от привычных ролевых моделей власти в отношении с сетевыми сообществами; недостаток доверия к социальным сетям прежде всего из-за их «виртуальности»; нежелание делиться властью и ресурсами, опасение потерять контроль над процессом и результатом; неумение, отсутствие необходимых навыков взаимодействия с социальными сетями и непонимание сетевых процессов; неумение создать качественный контент в сетях, незнание языка новых медиа; психологическая неготовность как органов власти, так и пользователей социальных сетей; слабый экспертный потенциал социальных сетей.

Обобщая сказанное, сформулируем основные выводы.

Среди многочисленных технологий обеспечения политической стабильности мы выделили критически значимые технологии, т.е. технологии, без реализации которых в Крыму значительно повышается риск дестабилизации. В условиях общественного запроса на горизонтальные модели коммуникации, в том числе с властью, мы предположили, что

---

¹ См.: Молодежная Республика Крым. — URL: <https://mrk24.pf/>, <https://vk.com/mrk24rf>

именно сетевые технологии позволят наиболее эффективно сформировать систему условий и механизм социального иммунитета, необходимые для обеспечения политической стабильности. Результаты эмпирического исследования подтвердили это предположение.

Крым является одним из немногих регионов России, в котором сетевые технологии работы, реализованные несистемными узлами связей в горизонтальных моделях, имели результат в 2014 г. Опыт сетевых взаимодействий в горизонтальных моделях следует развивать, так как наметилась тенденция перехода нового системного центра к преимущественно вертикальной модели отношений. Вертикальная модель коммуникации, несомненно, сохраняет свое значение во властных отношениях, но только такой модели уже недостаточно для формирования системного доверия, социальной сплоченности, чувства экзистенциальной безопасности и непротиворечивой социальной памяти.

Суть технологий обеспечения политической стабильности в новой институциональной среде заключается в формировании влиятельных сетевых узлов системного центра, к которым будут стягиваться иные сетевые узлы и участники сетевых отношений. Созданные таким образом внутренние сети горизонтальных системных отношений могут стать более привлекательными для большинства населения, чем сети внешних узлов связи, или внутренними альтернативными несистемными узлами. Такой вывод обоснован выявленной мотивацией участников сетевых отношений, заключающейся в получении полезной информации, использовании сетевых связей для решения личных проблем. Сетевые узлы системного центра могут набрать влияние за счет своей полезности и имеющихся ресурсов решения проблем участников сети, которых не имеет ни один другой сетевой узел.

Сетевые узлы необходимо создавать как в реальной, так и в виртуальной среде. Однако попытки создания таких узлов в виртуальной среде пока не имеют следствием развитие больших и прочных сетей отношений с другими узлами связи и участниками других сетей. Причины этого, как минимум, следующие: сложности в перестройке сознания системного центра, ориентированного на вертикальные модели взаимодействия, недостаточность положительного опыта использования ресурсов общества для разработки и принятия политических решений; недостаток доверия к социальным сетям и, в свою очередь,

недостаток доверия участников сетей к сетевым узлам органов власти; отсутствие необходимых навыков взаимодействия с социальными сетями и непонимание сетевых процессов; неумение создавать качественный контент в сетях, плохое знание языка новых медиа. Минимизация влияния указанных причин на сетевые отношения вокруг узлов системных центров является частью технологий обеспечения политической стабильности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях глобализации, повышения открытости политических систем, интенсификации внешних влияний, появления новейших трансграничных акторов возникают проблемы рационализации и алгоритмизации политической реальности. Технологические шаблоны и кальки дают сбои, они становятся все менее эффективными. Как следствие, возрастает потребность поиска более гибких алгоритмов политического управления, потребность прежде всего в познавательном характере технологий, а не только в преобразующем. Диагностика и понимание происходящего, тщательный мониторинг дестабилизирующих технологий реактивного и пролонгированного характера — условие успеха новых технологий обеспечения стабильности.

Технологии внешнего влияния реализуются не только традиционными акторами (государства, партии, профсоюзы, армии, полиция, церковь, институты пропаганды и др.), но и новыми (электронные СМИ, международные организации и др.), и новейшими акторами, появившимися в результате глобализации и внедрения цифровых ресурсов в практику политической жизни. К таким новейшим акторам относятся транснациональные структуры, социальные медиа, гражданская журналистика, блогеры и др. Имеет место переход акторов из одной группы в другую путем использования ресурсов Интернет, цифровых технологий, приобретения свойств трансграничности и виртуальности, создание альтернативных информационных пространств и сетевых узлов влияния и протестной мобилизации и др.

В Республике Крым внешними акторами были реализованы три модели применения технологий зарубежных акторов. «Институциональная модель» характерна для периода с 1990-х до 2014 г., когда зарубежные акторы имели возможность контроля политических институтов и создания лояльной институциональной среды. «Виртуальная модель» (примерно март 2014 г. — начало 2015 г.) была реализована в условиях жесткого институционального ограничения российской властью деятельности зарубежных акторов. Для этой модели характерен полный

уход зарубежных акторов влияния в виртуальное пространство. Примерно с середины 2015 г. наблюдается адаптации зарубежных акторов к новым реалиям в Республике Крым и становление «смешанной модели» внешнего влияния с опорой на индивидуальных акторов влияния в Крыму. Такая модель существует и в настоящее время. Весьма показательными с этой точки зрения являются периодические пресечения попытки террористических актов, небольшие митинги, спровоцированные извне, и раскачивающие «крымско-татарский вопрос». Используются даже минимальные возможности реальной среды в сочетании с ресурсами виртуальной среды, устанавливаются сетевые взаимосвязи акторов виртуальной и реальной среды. Наиболее распространенными технологиями внешних акторов в настоящее время являются: вовлечение в сетевые отношения и влияние через сотрудничество, создание альтернативных информационных пространств, использование «поведенческих технологий».

Несомненно в Республике Крым ведется большая работа по обеспечению не только общественно-политической стабильности, но социально-экономической устойчивости. С 2014 г. в Республике Крым применяются две группы технологий: реактивные (в основном для оперативного обеспечения безопасности общества и целостности территории) и превентивные (для правового регулирования, социально-экономического обеспечения; информирования и др.). Начала формироваться система технологических кластеров, задействованных в обеспечении политической стабильности.

Вместе с тем современные технологии обеспечения политической стабильности не могут быть направлены только на противодействие внешним влияниям со стороны власти и силовых структур. Общества становятся все более открытыми и проницаемыми, поэтому невозможно заблокировать все дестабилизирующие влияния. Целесообразно применять технологии создания внутрисистемных условий, при которых общество самостоятельно и максимально схоже с системным центром отреагирует на внешние влияния. Иными словами, необходимо вырабатывать реакции социального иммунитета.

Как это сделать в Республике Крым? Для этого необходима большая и сложная работа по удовлетворению потребности общества в экзистенциальной безопасности (снятие ощущения футурологических страхов и угроз, укрепление уверенности в стабильном будущем за счет

реализуемых программ и проектов по повышению качества жизни и безопасности). Необходима работа по формированию непротиворечивой социальной памяти, сплоченности, поиску и освещению исторических фактов и событий, совместно пережитых разными народами многонационального крымского сообщества. Важна реализация программ по укреплению региональной идентичности крымчан в составе многонациональной России. Необходимо укрепление институционального и системного доверия власти и общества и принятие решений, которые будут оценены как социально справедливые. Крымский социум, прошедший не одну ресоциализацию, переживший разные институциональные изменения, в настоящее время (возможно, более чем другие региональные социумы) нуждается в укреплении доверия не только между региональной властью и обществом, но в укреплении доверия регионального социума и центральной власти России.

В крымском обществе после событий 2014 г. сформировался выраженный общественный запрос на субъект-субъектные отношения с властью. Речь идет о горизонтальных моделях взаимодействия, эффективность которых была подтверждена событиями 2014 г. В этой связи критически значимо использование сетевых технологий, а именно — соединение реальных и виртуальных социальных сетей, реальная идентификация виртуальных сетевых узлов, вовлечение гражданского общества в системные отношения с властью, со-участие общества и власти в решении проблем региона. Задача региональных органов власти — стать влиятельными сетевыми узлами.

Осмысление стабильности крымского сообщества с точки зрения несиловых технологий позволяет говорить о критической значимости технологий социализации молодежи, в том числе и политической социализации. Как следствие, требуется большая работа по интеграции молодых людей в российское образовательное, социокультурное и политическое пространство.

Несмотря на то что в настоящее время Крым является относительно спокойным регионом, он остается регионом столкновения политических и экономических интересов, регионом, в котором периодически используются старые и тестируются новые технологии дестабилизаций. Поэтому рассмотренные в данной книге проблемы требуют постоянного мониторинга, аналитического сопровождения, исследования с привлечением широкого круга ученых и практиков.

ЛИТЕРАТУРА

Литература на русском языке

1. Андронов А.А., Витт А.А., Хайкин С.Э. Теория колебаний. — М.: Наука, 1959. — 916 с.
2. Анохин М. Г. Политические системы: адаптация, динамика, устойчивость (теоретико-прикладной анализ). — М.: Инфомарт, 1996. — 305 с.
3. Анохин М.Г., Комаровский В.С. Политика: возможность современных технологий. — М.: Изд-во РАГС, 1998. — 69 с.
4. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. — М.: Мысль, 1983. — Т. 4. — С. 376—644.
5. Ачкасов В.А. Новые факторы и акторы дестабилизации международных отношений. — URL: <http://polit.msu.ru/pub/XXI-2/4/00.pdf>
6. Бабонес С. Восточный гамбит России // Россия в глобальной политике. — URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vostochnyi-gambit-Rossii-17642>
7. Бабошин К.И. Социально-политическая стабильность в современной России. Социологический анализ: дис. ... канд. соц. наук. — Саратов, 2005. — 144 с.
8. Балувев Д.Г. Политическая роль социальных медиа как поле научного исследования. — URL: http://ifets.ieee.org/russian/depository/v16_i2/html/18.htm
9. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. — М.: Academia, 2004. — 944 с.
10. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. — М.: Прогресс, 1986. — 453 с.
11. Белл Д., Иноземцев В.Л. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. — М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. — 304 с. — URL: <https://knigogid.ru/books/400548-epoha-razobschennosti/toread>
12. Белотелов Н.В. и др. Проблема устойчивого развития: естественно-научный и гуманитарный анализ / Н.В. Белотелов, Ю.И. Бродский, Н.Н. Оленев, Ю.Н. Павловский, Н.П. Тарасова. — М.: ФАЗИС, 2004. — 108 с.
13. Блэк С. Паблик рилейшнз. — М.: Сирин, 2003. — 201 с.
14. Богатуров А.Д. Современные теории стабильности и международные отношения России в Восточной Азии в 1970—1990-е гг. — М.: ИСК РАН, 1996. — 246 с.

15. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. — М.: Культурная революция: Республика, 2006. — 269 с.
16. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М.: Добросвет, 2000. — 387 с.
17. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. — М.: Рипол-классик, 2017. — URL: <http://www.klex.ru/n8v>
18. Бойко С.И. Механизмы обеспечения политической стабильности: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2006. — 153 с.
19. Болтенкова Л.Ф. Интернационализм в действии. — М.: Мысль, 1988. — 222 с.
20. Бугай Н.Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX — начало XXI века). — М.: МСНК-пресс, 2006. — 464 с.
21. Бурдые П. Опыт рефлексивной социологии. — URL: <http://bourdieu.name/bourdieu-opit-refleksivnoi-sociologii>
22. Бурдые П. Социология политики. — М.: Socio-Logos, 1993. — 336 с.
23. Буряк В.В. Глобальное гражданское общество и сетевые революции. — Симферополь: ДИАЙПИ, 2011. — 150 с.
24. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. — М.: Логос, 2004. — 368 с.
25. Ваттимо Дж. Постмодернизм: Прозрачное общество? — М.: Логос, 2002. — 124 с.
26. Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
27. Виг Д.Н. Технология, философия и политика // Технология и политика. Дахам. — 1988. — С. 10; Грант Дж. Философия, культура, технология: перспективы на будущее // Новая технократическая волна на Западе. — М.: Прогресс, 1986. — С. 153—163.
28. Винер Н. Кибернетика и общество / пер. Е.Г. Панфилова; общ. ред. Э.Я. Кольмана. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. — 200 с.
29. Влащенко Н. Кража, или Белое солнце Крыма. — Київ: Folio, 2017. — 400 с.
30. Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Журнал Высшей школы экономики. — 2013. — Т. 10. № 2. — С. 98—121.
31. Габриелян О.А. Культурные ландшафты Крыма. — Симферополь: АРИАЛ, 2016. — 380 с.
32. Габриелян О.А. Русский мир: культурное пространство Крыма. — Симферополь: ИП Бровко А.А., 2016. — 127 с.
33. Гаджиев Х.А. Роль политических институтов в обеспечении политической стабильности // Теории и проблемы политических исследований. — 2016. — № 3. — С. 123—135. — URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-politology-2016-3/10-gadzhiev.pdf>
34. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты и технологический вызов. Имперская бюрократия и проблемы модернизации // Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. — М., 1998.

35. Ганди М. Революция без насилия. — М.: Алгоритм, 2012. — 480 с.
36. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. — М.: Академический проект, 2003. — 528 с.
37. Грамши А. Избранные произведения: в 3 т. — М.: Издательство иностранной литературы, 1957. — Т. 2. Письма из тюрьмы. — 311 с.
38. Грачев М.С. Политический протест современной молодежи в концептуальном осмыслении западной политологии // Вестник МГОУ. Сер. История и политические науки. — 2016. — № 5. — С. 138—142.
39. Грива О.А., Чигрин В.А. Особенности развития взаимоотношений культур народов Крыма // Никоновские чтения: сб. науч. ст. по мат-лам Междунар. культурологического форума «Никоновские чтения» (в память о заслуженном работнике образования ЧР Г. Л. Никоновой): в 2 т. / под ред. М.С. Уколовой, А.В. Никитиной, А.Ю. Николаевой. — Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016. — Т. 1. Актуальные вопросы культурологии и искусствоведения. — С. 71—79.
40. Грива О.А., Чигрин В.А. Этнокультурное содержание образования как фактор гармонизации межэтнических отношений в Крыму // Таврические студии ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма». — Симферополь, 2016. — № 8. — С. 40—46.
41. Гринберг Т.Э. Политические технологии. — М.: Аспект Пресс, 2018. — 271 с.
42. Гришин О.Е. Технологии политической деятельности: сущность и потенциал применения: дис. ... канд. полит. наук. — М.: РАГС. — 2001. — 219 с.
43. Дегтярев А. Стабильность в политическом развитии. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Degt/_15.php
44. Джонсон Э. За кровь на Украине не вините Россию: это была битва за власть между правящими элитами. — URL: <https://newrepublic.com/article/116719/ukraine-violence-dont-blame-russia-blame-yanukovich-regime>
45. Диалог культур: проблемы интеграции в крымском обществе / под ред. О.А. Габриеляна. — Симферополь: Таврия, 2002. — 190 с.
46. Доклад Римского Клуба «Come On!: Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet». — 2017. — URL: <http://www.clubofrome.org/report/come-on/>
47. Дробужева Л.М. Этничность и межэтнические отношения в Стратегии государственной национальной политики, этнополитическом дискурсе и массовом сознании // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: мат-лы III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию первого этносоциологического исследования в СССР (Казань, 6—7 сентября 2018 г.) / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. — Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. — С. 17—22.

48. Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. — М.: Альпина Паблишер, 2014. — 944 с.
49. Ершова Т. Информационное общество это мы. — М.: Институт развития информационного общества, 2008. — 512 с.
50. Ефимов Н.Н. Политико-военные аспекты национальной безопасности России: науч.-метод. разработка к курсу проф. А.А. Кокшина на факультете мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. — М.: Инфра-М, 2011. — 365 с.
51. Жапуев З.А. Социальный иммунитет российского общества в условиях институциональной трансформации: факторы риска и стратегии повышения: дис. ... д-ра соц. наук. — Ростов н/Д., 2013. — 338 с.
52. Задачи, решаемые политическим режимом: стабильность или реформы? // Цыганков А. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. Манн С. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Cigank/11.php
53. Зорин В.Ю., Старченко Р.А., Степанов В.В. Гражданская идентичность и межэтнические отношения в Крыму. Полевая этностатистика. — М.: Летний сад, 2016. — 110 с.
54. Зорин В.Ю., Рудаков А.В. Политика идентичности как фактор обеспечения суверенитета в условиях глобализации // Вестник Московского государственного областного университета. — 2018. — № 3. — С. 55—70.
55. Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: институциональный и инфраструктурный аспекты. — М.: ИЭА РАН, 2018. — 57 с.
56. Зорин В.Ю., Старченко Р.А., Степанов В.В. Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов. — М.: ИЭА РАН, 2017. — 216 с.
57. Зорин В.Ю. и др. Языки, культуры и образование в Крыму. Полевая этностатистика / В.Ю. Зорин, Р.А. Старченко, В.В. Степанов, В.А. Тишков. — М.: Летний сад, 2016. — 255 с.
58. Ислам в СНГ: Международный вектор украинского ислама. ИЭА РАН. — URL: <http://www.islamsng.com/ukr/pastfuture/4660>
59. История Крыма: колл. монография. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. — 464 с.
60. Капица С.П. Глобальная демографическая революция и будущее человечества. Доклад на заседании Президиума РАН 24 февраля 2003 г. // Демоскоп. — 2004. — № 153—154. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0153/analit01.php>
61. Капица С.П. Демографическая революция в России // Век глобализации. — 2008. — Вып. № 1. — С. 128—143. — URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/129834/>

62. Каплан Р. Грядущая анархия в Евразии // Россия в глобальной политике. — URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Gryaduschaya-anarkhiya-v-Evrazii-18146>
63. Карр Н. Бездушность Веб 2.0. // Компьютерра. — 2005. 21 ноября. — С. 38.
64. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 606 с.
65. Кваша С. Цивилизация очевидцев. — URL: http://www.gazeta.ru/2005/09/05/oa_169667.html
66. Киселева Н.В. и др. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения / Н.В. Киселева, А.В. Мальгин, В.П. Петров, А.А. Форманчук. — Симферополь: Салта, 2015. — 352 с.
67. Киселева Н.В. Этносоциологическая оценка конфликтогенного потенциала Крыма // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. География. — 2004. — Т. 17 (56). № 4. — С. 217—221.
68. Киссинджер Г. Мировой порядок. — М.: АСТ, 2015. — 512 с.
69. Клименко С. Теория и практика ведения «Гибридных войн» (по взглядам НАТО) 2015 // Зарубежное военное обозрение. — 2015. — № 5. — С. 109—112.
70. Кобаяси К. Кто хозяин либерального мирового порядка? Россия в глобальной политике. — URL: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Kto-khozyain-liberalnogo-mirovogo-poryadka-19150>
71. Ковалев М.Д. Истоки и риски политической нестабильности в развивающихся странах. — М.: ИНИОН РАН, 2013. — 472 с.
72. Кокошин А.А. и др. Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности / А.А. Кокошин, В.И. Бартнев, С.П. Белоконов и др. — М.: Изд-во МГУ, 2017. — 480 с.
73. Кокошин А.А. Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: Теоретические и прикладные. — М.: КРАСАНД, 2009. — 208 с.
74. Колесников В.Н. Парламентаризм и политическая стабильность в современной России: дис. ... д-ра полит. наук. — СПб., 2010. — 466 с.
75. Комаровский В.С. Связи с общественностью в политике и государственном управлении. — М.: Изд-во РАГС, 2001. — 519 с.
76. Комлева В.В. Религиозные институты в международном гуманитарном сотрудничестве // Этносоциум. — 2017. — № 6. — С. 154—166.
77. Комлева В.В. Религиозные институты как регуляторы нравственной парадигмы в геополитике // Миссия конфессий. — 2017. — № 24. — С. 8—15.
78. Комлева В.В. Концептуализация модели обеспечения общественно-политической стабильности в условиях внешних дестабилизирующих влия-

- ний // Государственное управление и развитие России: вызовы и возможности: сб. ст. междунар. конференц-сессии (Москва, 2017). — М.: Дело, 2018. — С. 31—36.
79. Коннолли Р. Безопасность превыше всего // Россия в глобальной политике. — URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Bezopasnost-prevyshe-vsego-17832>
  80. Краснов Б.И. Политическая стабилизация и политическая стабильность: методология исследования. — М.: ИНИОН РАН, 2013. — 488 с.
  81. Лебедева Т. Ю. Паблик рилейшнз. Корпоративная и политическая режиссура. — М.: Изд-во МГУ, 1999. — 350 с.
  82. Ленин В.И. Революция в России. 5 шагов к победе: сб. работ. — М.: Алгоритм, 2017. — 272 с.
  83. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. — М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. — 160 с.
  84. Луман Н. Власть. — М.: Праксис, 2001. — 256 с.
  85. Люттвак Э.Н. Стратегия: логика войны и мира. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. — 392 с.
  86. Люттвак Э.Н. Государственный переворот: практ. пособие. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. — 326 с.
  87. Макиавелли Н. Государь: сочинения. — М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2001. — 656 с.
  88. Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология: методы исследования. — М.: Весь Мир, 1997. — 544 с.
  89. Манифест Digital Humanities — URL: <http://tcp.hypotheses.org/501>
  90. Манн С. Реакция на хаос. — URL: http://www.intelros.ru/2007/02/26/stiv_mann_reakcija_na_khaos.html
  91. Маркевич А. Императрица Екатерина II и Крым: к столетию со дня кончины Екатерины Великой // ИТУАК. — 1897. — № 27. — С. 18—37.
  92. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. — М.: Изд-во политической литературы, 1955. — Т. 3 (1845 — апрель 1847). — 650 с. — URL: http://politazbuka.info/downloads/Knigi/marx_and_engels_vol_03.pdf
  93. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал: сочинения. — М.: Политиздат, 1960. — Т. 23. — 907 с.
  94. Мартин Дж.У. Информационное общество // Теория и практика общественно-научной информации / АН СССР. ИНИОН. — М., 1990. — № 3. — С. 115—123.
  95. Мартино Д. Технологическое прогнозирование // М.: Прогресс, 1977. — 591 с.
  96. Медведев И.Г. Политическая стабильность как фактор национальной безопасности России: дис. ... канд. полит. наук. — Кемерово, 2003. — 191 с.
  97. Медоуз Д.Х. и др. Пределы роста. — М.: Изд-во МГУ, 1991. — 205 с.

98. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Республике Крым, городе федерального значения Севастополе: экспертный доклад за 2017 год / ред. Е.В. Гросфельд. — Симферополь: АРИАЛ, 2018. — 70 с.
99. Мейсан Т. Институт Альберта Эйнштейна: отказ от применения насильственных методов в версии ЦРУ. — URL: <http://www.voltairenet.org/Institut-Alberta-Ejnshtejna-otkaz#nb2>
100. Мейсан Т. Преступления глубинного государства. — М., 2017. — 336 с.
101. Меренков Д.А. Крымско-татарский фактор в Крыму: современное состояние и перспективы // Проблемы постсоветского пространства. — 2017. — Т. 4. № 1. — С. 73—79.
102. Михайлов В.А. Вопросы межнационального и межрелигиозного согласия, совершенствование законодательства в сфере национальной культурной автономии // Вестник российской нации. — 2017. — С. 215—216.
103. Най Дж. Будущее власти: как стратегия умной силы меняет XXI век. — М.: АСТ, 2014. — 448 с.
104. Най Дж. Soft power, или «мягкая сила» государства // Восток. — 2006. — № 5 (41). — URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1165.htm
105. Най Дж. Гибкая власть. — М.: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», 2006. — 221 с.
106. Негрова М.С. Политические факторы стабильности российского общества: региональный аспект (на примере Санкт-Петербурга и Красноярского края): дис. ... канд. полит. наук. — СПб., 2009. — 171 с.
107. Норт Д. Институты, институциональные изменения и экономические показатели. — Cambridge University Press, 1990. — URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/6310>
108. Окинавская Хартия глобального информационного общества (Принята главами государств и правительств «Группы восьми» 22 июля 2000 г.). — URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170>
109. Паин Э.А., Федюнин С.Ю. Нация и демократия. Перспективы управления культурным разнообразием. — М.: Мысль, 2017. — 266 с.
110. Панарин В.М. Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности // Стратегическая безопасность. — 2014. — № 3. — С. 26—38.
111. Пашенцев Е.Н. Политконсультанты за работой: опыт России // Связи с общественностью: мировая практика и современная Россия. — М., 2000.
112. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. — М.: Мысль, 1994. — Т. 3. — С. 79—420.
113. Платонов О.А. История русского народа в XX веке. — М.: Алгоритм, 2009. — 1268с.
114. Политические институты в условиях модернизации: аннотация НИР под рук. Ю.А. Шутова (срок исполнения: 1 января 2015 г. — 31 декабря 2020 г.). — URL: <https://istina.msu.ru/projects/11676895/>

115. Пособие по ненасильственному сопротивлению для украинцев: что людям стоит сейчас делать, чтобы сместить оккупационные режимы в Крыму и на Донбассе (в редакции от 15.08.2016 г.): мат-лы Мин-ва информац. политики Украины. — URL: <http://m-ukraine.com/721-posobie-ponenasilstvennomu-soprotivleniyu-dlya-ukraintsev.htm>
116. Практики сплоченности в современной России: социокультурный анализ: монография / под ред. Н.Е. Покровского и М.А. Козловой. — М.: Университетская книга, 2016. — 344 с.
117. Пригожин И.Р. Философия нестабильности // Вопросы философии. — 1991. — № 6. — С. 46—57.
118. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке: пер с англ. / под ред. проф. В.А. Бажанова. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. — 320 с.
119. Рабардель П. Люди и технологии (когнитивный подход к анализу современных инструментов). — М.: ИПРАН. — 1999. — 264 с.
120. Родионов И.Б. Теория систем и системный анализ. — URL: <http://victorsafronov.ru/systems-analysis/lectures/rodionov/01.html>
121. Рудаков А. Национальная идентичность — условие политической субъектности государства // Обозреватель — Observer. — 2017. — № 12. — С. 6—16.
122. Русский мир: культурное пространство Крыма. — Симферополь: ИП Бровко А.А., 2016. — 128 с.
123. Рябцев О.В. Сетевой принцип деятельности организаций закрытого типа в контексте угроз национальной и региональной безопасности России: на примере крымско-татарского национального движения: дис. ... канд. полит. наук. — Ростов н/Д., 2008. — 182 с. — URL: <http://www.dissercat.com/content/setevoi-printsip-deyatelnosti-organizatsii-zakrytogo-tipa-v-kontekste-ugroz-natsionalnoi-i-r#ixzz50UBRakro>
124. Сафонкина Е.А. Турция как новый актер политики «мягкой силы». — URL: https://iorj.hse.ru/data/2014/06/17/1310003912/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%BD%D0%B8%D1%86%D1%8B%20%D0%B8%D0%B7%20%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA_2013_2-final-8.pdf
125. Семченко О.В. Информационное обеспечение стабильности политической системы, политического режима, общества. — URL: <http://vestnik.uara.ru/ru/issue/2015/04/05/>
126. Семченков А.С. Социально-политическая стабильность // Философия и общество. — 2016. — № 2. — С. 20—38.
127. Семченков А.С. Противодействие современным угрозам политической стабильности в системе обеспечения национальной безопасности России: дис. ... д-ра полит. наук. — М., 2012. — 304 с. — URL: <http://www>

- dissercat.com/content/protivodeistvie-sovremennym-ugrozam-politicheskoi-stabilnosti-v-sisteme-obespecheniya-natsio#ixzz55BHGlwyF
128. Соколов И. Технология популярности, или паблик рилейшнз. — М.: Парадокс. — 1999. — 304 с.
  129. Соловьев А.И. Технологии в политике и политическом управлении / под общ. ред. М.Г. Анохина, В.С. Комаровского, Ю.И. Матвеевко. — М.: Изд-во РАГС, 2000. — 301 с.
  130. Соловьев А.И. Политическая стабильность в социокультурном измерении: российские иллюстрации // Государственное управление. Электронный вестник. — 23 сентября 2003 г. — Вып. 1. — URL: http://ee-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2003/vipusk_1_sentjabr_2003_g./solovjev.pdf
  131. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.
  132. Социальное конструирование реальности. — URL: <http://evolkov.net/socpsychol/Berger.P.Luckmann.T/chapter.2.1a.html#%CE%F0%E3%E0%ED%E8%E7%EC.%E8.%E4%E5%FF%F2%E5%EB%FC%ED%EE%F1%F2%FC>
  133. Стандке К.Г. Оценка технологии — сугубо политический процесс // Импакт. — Париж, 1987. — № 1.
  134. Стариков Н., Беляев Д.С. Россия. Крым. История. — СПб.: Питер, 2015. — 256 с.
  135. Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. — М., 2017. — 237 с.
  136. Таллер М. Дискуссии вокруг Digital Humanities // Историческая информатика. — 2012. — № 1. — URL: http://kleio.asu.ru/2012/1/hcsj-12012_5-13.pdf
  137. Тойнби А. Постигание истории. — М.: Рольф, 2001. — 640 с.
  138. Торо Г. Эссе о гражданском неповиновении. — URL: <http://www.inliberty.ru/library/101-o-grazhdanskom-nepovinoventii>
  139. Тоффлер Э. Третья волна. — М.: АСТ, 2010. — 795 с.
  140. Троицкий Л. Перманентная революция: сборник работ. — М.: АСТ, 2005. — 570 с.
  141. Троицкий Л.Д. История русской революции. Октябрьская революция. — М.: Вече, 2017. — 416 с.
  142. Тхостов А.Ш., Сурунов К.Г. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации // Психологический журнал. — 2005. — Т. 25. № 6. — С. 16—24.
  143. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. — М.: Аспект Пресс, 2004. — 400 с.
  144. Федоров А.В. Правовой статус Крыма. Правовой статус Севастополя. — М., 1999. — 56 с.

145. Фирсов А.В. Технологии поддержания политической стабильности в механизме обеспечения национальной безопасности: российский и зарубежный опыт: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2017. — 166 с.
146. Форманчук А.А. Крымская власть (от Багрова к Аксенову). — Симферополь: Доля, 2017. — 640 с.
147. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. — М.: АСТ: Люкс, 2004. — 349 с.
148. Хабермас Ю. Модерное сознание времени и его потребность в самодостоверении // *Философские науки*. — 1997. — № 2 — С. 46—54; № 3. — С. 49—57.
149. Хабермас Ю., Тасалов К.А. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // *Thesis*. — 1993. — № 1. Вып. 2. — С. 123—136.
150. Хайдуков Д.С. Основы обеспечения устойчивого развития городской агломерации // *Мат-лы XIV Междунар. конф. МГУ «Государственное управление в XXI веке»*. — М.: Университетская книга, 2017. — С. 783—789. — URL: <http://www.spa.msu.ru/uploads/files/books/publikazija.pdf>
151. Ханнанова Э.И. Влияние средств массовой информации на политическую стабильность в современной России: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2017. — 168 с.
152. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — 480 с.
153. Хоружий С.С. Постсекуляризм и ситуация человека. — URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/08/hor_postec_i_sit_chel.pdf
154. Цели в области устойчивого развития. — URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>
155. Чарап С. Использование Россией военной силы в качестве внешнеполитического инструмента: есть ли логика? // *ПОНАРС Евразия Аналитическая записка*. — 2016. — № 443 (октябрь). — URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Pepr443_rus_Charap_Oct2016.pdf
156. Челлани Б. Сохраняющаяся роль ядерного оружия в международном балансе сил/ Россия в глобальной политике. — URL: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Sokhranyayushchaya-rol-yadernogo-oruzhiya-v-mezhdunarodnom-balanse-sil-17517>
157. Чигрин В.А., Харабуга В.В. Ситуация в Крыму и формирование исторической памяти общества // *Вестник института социологии*. Сетевое издание. — 2015. — № 4 (15). — С. 24—34.
158. Чирун С.Н., Николаев А.В., Зайцева В.А. Политические технологии в сетевой реальности постмодерна // *Власть*. — 2018. — № 3. — С. 7—13.
159. Чумиков А.Н. Связи с общественностью. — М.: Юрайт, 2018. — 173 с.
160. Шабров О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. — М.: Интеллект, 1997. — 200 с.

161. Шабров О.Ф. Модернизация в эпоху постмодерна // Власть. — 2017. — № 11 (25). — С. 13—21.
162. Шабров О.Ф. Политические системы: открытость, устойчивость, развитие // Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф.: 4 т. Т. 1 / сост. Т.Е. Сафонова. — М.: Интеллект, 1996. — С. 23—31.
163. Шабров О.Ф. Политические технологии // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 4. — С. 328—330.
164. Шабров О.Ф. Управление и самоорганизация как факторы стабильности и развития // Эффективные технологии в системе государственного и муниципального управления. — Майкоп; Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 1999. — С. 180—194. — URL: http://shabrov.info/Statji/upr_sam.htm#_ftn2
165. Шарп Д. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения. — М.: Новое издательство, 2012. — URL: <https://www.litres.ru/dzhin-sharp/ot-diktatury-k-demokratii-strategiya-i-taktika-osvobozhdeniya/>
166. Шерстобитов А.С. Политические сети: теория и методы анализа. — М.: Аспект Пресс, 2018. — 320 с.
167. Шпенглер О. Закат Европы. — М.: Юрайт, 2018. — 237 с.
168. Эшби У.Р. Конструкция мозга. Происхождение адаптивного поведения. — М.: Мир, 1964. — 411 с.
169. Юрченко С.В. Воссоединение Крыма с Россией: стратегический контекст и модели развития региона // Труды Крымской академии наук. — Симферополь, 2014. — С. 6—11.
170. Ярославцева А.О. Ключевые характеристики массового восприятия политической стабильности в современной России: может ли «стабильность» стать национальной идеей // Вестник РУДН. Сер. Политология. — 2012. — № 1. — С. 63—64.
171. Ярославцева А.О. Политическая стабильность и конфигурации политической элиты: интерпретативный потенциал и границы применимости теоретических подходов: автореф. дис. ... канд. полит. наук. — М., 2012. — 26 с.
172. Ярославцева А.О. Сравнительные рейтинги и индексы как инструменты измерения политической стабильности // Вестник РУДН. Сер. Политология. — 2012. — № 2. — С. 103—114.

Литература на иностранных языках

173. Alberto A., Ozler S., Roubini N., Swagel P. Political instability and economic growth // Journal of Economic Growth. — 1996. — № 1 (2). — P. 189—211. — URL: https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/4553024/alesina_instabilitygrowth.pdf?sequence=2

174. Alesina A., Perotti R. The political economy of growth: a critical survey of the recent literature (English). — URL: https://econpapers.repec.org/article/kapjecgro/v_3a1_3ay_3a1996_3ai_3a2_3ap_3a189-211.htm
175. Almond G. Comparative Political Systems // *Journal of Politics*. — 1956. — № 18. — P. 391—409.
176. Altman M. The transition process from alternative theoretical prisms // *International Journal of Social Economics*. — 2009. — № 36 (7). — P. 716—742.
177. Azam J.P., Berthelemy J.C., Calipel S. Ricque politique et croissance en Afrique // *Revue Economique*. — 1996. — P. 819—829.
178. Barro R.J. Determinants of economic growth: a cross-country empirical study. — Cambridge, MA: MIT Press, 1997. — 75 p.
179. Barro R.J. Economic Growth in a cross section of countries // *Quarterly Journal of Economics*. 1991. — Vol. 106. — №. 2. — P. 407—443.
180. Becker S., Amann M. Russische Stiftung bezahlte Krimreise von AfD-Politiker Pretzell. — URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/marcus-pretzell-russische-stiftung-bezahlte-krimreise-des-afd-politikers-a-1130921.html>
181. Benkler Y. The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom. — New Haven; London: Yale University Press, 2006. — 528 p.
182. Biersack J., O’Lear S. The geopolitics of Russia’s annexation of Crimea: narratives, identity, silences, and energy // *Eurasian Geography and Economics*. — 2014. — P. 247—269.
183. Blogwars by David D. Perlmutter. — New York: Oxford University Press, 2008. — 246 p.
184. Bota A. Sie wollen doch nur üben. — URL: <http://www.zeit.de/2017/38/russland-weissrussland-militaermanoever-sapad/komplettansicht>
185. Bowman S., Willis C. We Media: How Audiences are Shaping the Future of News and Information. The Media Center at the American Press Institute. — 2003. — URL: http://www.hypergene.net/wemedia/download/we_media.pdf
186. Buchanan P.J. The Death of the West. How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil our Country and Civilization. — New York, 2002. — 320 p.
187. Chan C., Chen P. Comparative Political Systems. Reflection Paper. — URL: <http://www.sfu.ca/sfublogs-archive/courses/summer2013/bus430/uploads/2013/06/Reflection-02-Calvin-Chan-Peter-Chen-Team-11.pdf>
188. Charap S., Shapiro J. US-Russian relations: The Middle Cannot Hold // *Bulletin of the Atomic Scientists*. — 2016. — Vol. 72:3. — P. 150—155.
189. Clay S. Here Comes Everybody: The Power of Organizing Without Organizations. — Penguin Press, 2008. — 336 p.
190. De Haan J.S. New Evidence on the Relationship between Democracy and Economic Growth // *Public Choice*. — 1996. — № 1/2. — P. 175—198.
191. Dembinski M., Spanger H.J. Entspannung geboten Antwort auf die Kritiker des Pluralen Friedens // *Osteuropa*. — 2017. — № 5. — S. 135—137.

192. Deutsch K., Singer J.D. Multipolar Power Systems and International Stability // *Analyzing International Relations: a Multimethod Introduction*. — New York: Praeger, 1975. — P. 320—337.
193. Diminescu D., Jacomy M., Renault M. Study on social computing and immigrants and ethnic minorities: Usage trends and implications. — 2010. — URL: <ftp://jrc.es/pub/EURdoc/JRC55033.pdf>
194. Doweling K.M., Kimber R. The Meaning and Use of «Political Stability» // *European Journal of Political Research*. — 1983. — Vol. II. № 3. — P. 28—39.
195. Fan Y. Soft power: power of attraction or confusion? // *Place Branding and Public Diplomacy* — 2008. — Vol. 4. № 2. — P. 147—158,
196. Farzanegan M.R. Can we predict political uprisings? — URL: <https://phys.org/news/2017-06-political-uprisings.html>
197. Feuer L.S. Generations and the Theory of Revolution // *Survey*. — 1972. — № 18. — P. 161—188.
198. Fosu A.K. Political Instability and Economic Growth // *Implication of Coup Events in Sub-Saharan Africa*. — 2002. — P. 329—348.
199. Fukuyama F. *Culture Matters. How Values Shape Human Progress* / Ed. by L.E. Harrington, S.P. Huntington. — New York, 2000. — 300 p.
200. Goldstone J.A. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. — Berkely University of California Press, 1991. — P. 24—39.
201. Grant G. Hybrid Wars. — URL: <https://cdn.govexec.com/b/interstitial.html?v=8.8.0&rf=http%3A%2F%2Fwww.govexec.com%2Fmagazine%2Ffeatures%2F2008%2F05%2Fhybrid-wars%2F26799%2F>
202. Gros C. Entrenched time delays versus accelerating opinion dynamics: are advanced democracies inherently unstable? // *Европейский физический журнал*. — 2017. — № 90 (11). — URL: https://translate.google.ru&sl=en&sp=nmt4&u=https://www.sciencedaily.com/releases/2017/11/171121095133.htm&usg=ALkJrhg_nj_1xu7YptPpSKHhnvlsfXnQd-w Springer
203. Guiso L., Sapienza P., Zingales L. The Role of Social Capital in Financial Development // *American Economic Review*. — 2004. — Vol. 94. № 3. — P. 526—556.
204. Gurr T. *Why Do Minorities Rebel? // Federalism against Ethnicity?* / Ed. by G. Bachler. — Zurich, 1997. — 165 p.
205. Hemicker L. Putins Armee steht an der Grenze. — URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/russland-nato-staaten-blicken-besorgt-auf-herbstmanoever-15195860.html>
206. Higgins A. Russia's War Games With Fake Enemies Cause Real Alarm. — URL: https://www.nytimes.com/2017/09/13/world/europe/russia-baltics-belarus.html?mcubz=3&wpisrc=nl_todayworld&wppmm=1
207. Howard R. *The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier*. — 2nd Edition. — Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2000. — 325 p.

208. Human Development Reports 1990—2016. — URL: <http://hdr.undp.org/en/global-reports>
209. Laruelle M. Russia as a “Divided Nation,” from Compatriots to Crimea // A Contribution to the Discussion on Nationalism and Foreign Policy Problems of Post-Communism. — 2015. — Vol. 62. — P. 88—97.
210. MacFarquhar N. In Crimea, Russian Land Grab Feeds Cries of ‘Carpetbaggers!’. — URL: <https://www.nytimes.com/2017/09/30/world/europe/crimea-annexation-russia-ukraine.html>
211. Murray W., Mansoor P.R. Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present. — Cambridge University Press, 2012. — URL: https://books.google.ru/books?id=LAUuqR4BcpgC&pg=PA1&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false
212. Nahed Z. Do Political Stability and Democracy Increase National Growth? — 2017. — URL: <https://www.omicsonline.org/open-access/do-political-stability-and-democracy-increase-national-growth-evidencefrom-african-countries-using-the-gmm-method-2375-4389-1000242.php?aid=87592>
213. Nye J.S. The Powers to Lead. — Oxford University Press, 2008. — 240 p.
214. Nye J. Soft power // Foreign Policy. — Washington, 1990. — № 80.
215. Nye J. What China and Russia don’t get about Soft Power // Foreign Policy. — 2013. — URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/04/29/what_china_and_russia_don_t_get_about_soft_power
216. Olson M. The Rise and Decline of Nations. — Yale University Press, 1982. — 273 p.
217. Quenelle B. La Crimée, future tête de pont du marché russe. — URL: https://www.lesechos.fr/23/05/2017/lesechos.fr/030350508152_la-crimee--future-tete-de-pont-du-marche-russe.htm
218. Quinn D.P., Woolley J.T. Democracy and National Economic Performance: The Preference for Stability // American Journal of Political Science. — 2001. — Vol. 45. № 3. — P. 634—657.
219. Ropcke J. Russen schicken Droh-SMS an Ukraine-Soldaten. — URL: <http://www.bild.de/politik/ausland/ukraine-konflikt/ukraine-elektronische-kriegsfuehrung-50059318.bild.html>
220. Sah R.K. Fallibility in Human Organizations and Political Systems // The Journal of Economic Perspectives. — 1991. — Vol. 5. № 2. — P. 67—88.
221. Saint-Paul G., Verdier T. Education, democracy and growth. — URL: https://www.isid.ac.in/~tridip/Teaching/DevEco/Readings/11Education/Saint-Paul&Verdier_JDE1993.pdf
222. Sanktionen T. Siemens-Turbinen angeblich auf der Krim eingetroffen. — URL: <http://www.handelsblatt.com/unternehmen/industrie/trotz-sanktionen-siemens-turbinen-angeblich-auf-der-krim-eingetroffen/20024282.html>
223. Saradzhyan S. 100,000 troops will engage in Russia’s Zapad-2017 war games. — URL: <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/>

- wp/2017/09/13/100000-troops-will-engage-in-russias-zapad-2017-war-games/?utm_term=.f003b231dd12&wpisrc=nl_todayworld&wpmm=1
224. Sarkesian S.C., Williams J.A., Cimbala St.J. U.S. National Security. Policy-makers, processes, and politics. — 3d ed. — London: Lunn Rienner Publishers, 2011.
  225. Sturm J.E., Haan J. How robust is the relationship between economic freedom and economic growth? // *Applied Economics*. — 2001. — Vol. 33. Issue 7. — P. 839—844.
  226. Tavares J., Wacziarg R. How democracy affects growth. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0014292100000933>
  227. The Annexation of Crimea Isn't Going as Planned: Foreign Policy. 2017. — URL: <http://foreignpolicy.com/2017/05/11/the-annexation-of-crimea-isnt-going-as-planned/>
  228. Waltz K.N. Explaining War // Viotti, Paul R. and Mark V. Kauppi. *International Relations Theory: Realism, Pluralism, Globalism*. — 2nd ed. — New York; Toronto: Macmillan Publishing Company / Maxwell Macmillan Canada, 1993.
  229. Wattenhofer M., Wattenhofer R., Zhu Z. The YouTube Social Network // In *Proceedings of the Sixth International AAAI Conference on Weblogs and Social Media*, 2012. — URL: <Downloads/4581-21947-1-PB.pdf>
  230. What It Reveals About the Prickly Russia-Belarus Relationship — URL: <http://nationalinterest.org/feature/zapad-2017-what-it-reveals-about-the-prickly-russia-belarus-22271?page=show>
  231. Wiener N. Some Moral and Technical Consequences of Automation // *Science*. New Series 7. — 1960. — Vol. 131. № 3410 (May 6). — P. 1355—1358. — URL: <http://www.nyu.edu/projects/nissenbaum/papers/Wiener.pdf>
  232. Wrighton S. Authoritarian regime stabilization through legitimation, popular co-optation, and exclusion: Russian passportizatsiya strategies in Crimea // *Globalizations*. — 2017. — URL: DOI: 10.1080/14747731.2017.1396798
  233. Yaffa J. Putin's Shadow Cabinet and the Bridge to Crimea. — URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2017/05/29/putins-shadow-cabinet-and-the-bridge-to-crimea>
  234. Анексія Криму: як все починалось. Інтерв'ю з Ахтемом Чийгозом. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=P_GkLJmqQJs&t=0s&list=PLPnX89fQLdsmNv_gdYq3H5mv7qxxwChNV&index=3
  235. Антонович М.М. Українська революція гідності, агресія РФ і міжнародне право: монографія / М.М. Антонович, Б.В. Бабін, М.О. Баймуратов, І.А. Березовська, І.Г. Білас. Укр. асоціація міжнар. права. — Київ: К.І.С., 2014. — 1013 с.
  236. Березовец Т. Аннексія: острів Крим. — Київ: Изд-во Брайт Букс, 2015. — 584 с.

237. В Алушті українську мову викладають лише у трьох школах. — URL: <http://voicetrimea.com.ua/main/articles/v-alushti-ukraïnsku-movu-vikladayut-lishe-u-trokh-shkolax.html>
238. Влащенко Н. Кража, или Белое солнце Крыма; Наш Крим: неросійські історії українського півострова: сб. исторической публицистики. — URL: <https://ok.ru/group53838636843131/topic/66905699614843>
239. Галичанець М. НАШ УКРАЇНСЬКИЙ КРИМ. Історія Криму від найдавніших часів до XXI ст. — URL: http://www.memory.gov.ua/sites/default/files/nash_krym_2016.pdf
240. Голос Криму. — URL: <http://voicetrimea.com.ua/about-us>
241. Горизонт повернення Криму становить 25—50 років. — URL: <https://uain.press/politics/goryzont-povernennya-krymu-stanovyv-25-50-rokiv-ekspert-204314>
242. Громадська організація «Правозахисне міжнародне об'єднання “Луганськ, Донецьк, Крим — це Україна”» — URL: <https://uahumanrights.org/about>
243. Громадське Крим. — URL: https://www.youtube.com/playlist?list=PLPnX89fQLdsmNv_gdYq3H5mv7qxxwChNV
244. Громадське ТВ (Крым). — URL: https://www.youtube.com/playlist?list=PLPnX89fQLdsmNv_gdYq3H5mv7qxxwChNV
245. Громадське Телебачення — URL: <https://www.youtube.com/channel/UC2oGvjIjwxn1KeZR3JtE-uQ>
246. Еспресо ТВ КРИМ — ЦЕ УКРАЇНА — URL: https://espresso.tv/article/crimea_belongs_to_ukraine/
247. Коваль Д.О., Бусол К.І. Захист культурних цінностей під час збройного конфлікту на Сході України // Українська революція гідності, агресія РФ і міжнародне право. — Київ: К.І.С, 2014. — С. 640—653.
248. Крим знову буде українським. — Порошенко. — 2014. — URL: https://24tv.ua/krim_znovu_bude_ukrayinskim__poroshenko_n484281
249. Кримська лінія вогню. Hromadske.doc. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=o99o1X8I80Q>
250. Кримський Дім. — URL: <https://ru-ru.facebook.com/TheCrimeanHouse/>
251. Кудусов Е. Крим, ми обов'язково повернемося! — URL: <http://www.ukrop.com.ua/uk/news/central/8593-erfan-kudusov-krim-mi-obovyazkovo-povernemosya>
252. Кудусов Е. У Верховній Раді має збільшуватися кількість депутатів з Криму. — URL: <http://www.ukrop.com.ua/uk/news/regional/8778-erfan-kudusov-u-verkhovniy-radi-maye-zbilshuvatisya-kilkist-deputativ-z-krimu>
253. Методическая разработка тренинга «Інформаційні війни: як врятуватися від пропаганди або чому вдається маніпулювати суспільною свідомістю». — URL: http://almenda.org/wp-content/uploads/2015/03/Тренинг_Информационные_войны_2.pdf
254. Методичні розробки для проведення єдиного уроку до Дня пам'яті депортації кримських татар. — URL: <http://almenda.org/metodichni-roz->

- robki-dlya-provedennya-yedinogo-uroku-do-dnya-pamyati-deportacii-krim skix-tatar/
255. Мовний конфлікт і «русский мир» чи з'ясування особистих стосунків? Завуч подала позов на учасника війни з Росією. — URL: <https://www.radiosvoboda.org/a/29037962.html>
  256. Моніторинговий огляд ситуації з правами людини у Криму. — URL: <http://voicecrimea.com.ua/category/main/law>
  257. Муфтизаде И.М. Очерк военной службы крымских татар (по архивным документам) // Известия Таврической ученой комиссии. — 1899. — № 30. — С. 1—24. — URL: <http://books.reenactor.ru/?bookid=733>
  258. Наш Крим: неросійські історії українського півострова: зб. ст. — Київ: К.І.С, 2016. — 315 с. — URL: http://www.memory.gov.ua/sites/default/files/nash_krym_2016.pdf
  259. Недитячі ігри для кримських школярів: як кримчанам вступати в українські виші — URL: <http://almenda.org/901/>
  260. Незламні: в Ялті понад 350 дітей вивчають українську мову. — URL: <http://voicecrimea.com.ua/main/articles/nezlamni-u-yalti-ponad-350-ditej-vivchayut-ukraïnsku-movu.html>
  261. Політична релігія УПЦ (МП) зашкодила церкві — архімандрит Кирило. — URL: <https://www.radiosvoboda.org/a/29043496.html>
  262. Порошенко П.А. Крим — український! Крапка! — 2014. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kcPcboZX8U4>
  263. Потапова В., Охредько О. Як зупинити «війну сенсів»? зб. інформ.-метод. мат-лів. — URL: <http://almenda.org/yak-zupiniti-vijnu-sensiv-zbirnik-informacijno-metodichnix-materialiv/>
  264. Правозахисне міжнародне об'єднання «Луганськ, Донецьк, Крим — це Україна»: про нас. — URL: <https://uahumanrights.org/about>
  265. Приватні армії для «русского мира»: чим загрожують ПБК? — URL: <https://www.radiosvoboda.org/a/29049608.html>
  266. Спільнота вільних громадян. — URL: <https://www.facebook.com/groups/1650144778533857/>
  267. Чумак В.А. Україна і Крим: спільність історичної долі: монографія. — 2-ге вид., переробл. й доп. — Київ: ВПЦ АМУ, 2013 — 180 с. — URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1042087/Chumak_-_Ukraina_i_Krim__spilnist_istorichnoi_doli.html
  268. Я втратив відчуття безпеки. — URL: <http://almenda.org/ya-vtrativ-vidchuttya-bezpeki/>
  269. Яким чином повернути Крим? Думки американських експертів. — URL: <https://www.radiosvoboda.org/a/28386070.html>
  270. Яременко Б. За цієї влади українці не дізнаються правди про анексію Криму. — URL: <http://www.ukrop.com.ua/uk/news/central/8658-bogdan-yaremenko-za-tsiyeyi-vladi-ukrayintsi-ne-diznayutsya-pravdi-pro-aneksiyu-krimu>

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Пример детализации технологий в кластере «технологии органов власти для реинституционализации социальной памяти»

Основные ресурсы органов власти	Методы и способы	Потенциальные партнеры
Организационно-управленческие Финансовые	Организация коллектива специалистов по выявлению малопротиворечивых исторических событий, в которых разные народы Крыма действовали сообща. Организация работы экспертной комиссии по оценке полученных результатов	Профессиональные ассоциации историков, учителей, преподавателей, музейных и архивных работников. НКА Религиозные организации
Нормативно-правовые Финансовые Информационные	Утверждение списка мероприятий, направленных на развитие межнационального согласия и единства, непротиворечивой социальной памяти и организация проведения таких мероприятий. Организация и проведение мероприятий (массовых и для разных групп населения), направленных на реинституционализацию социальной памяти. Освещение в СМИ, сети Интернет. Интернационализация значимости событий, формирующих общее чувство Родины	Общественные организации Политические партии НКА СМИ (в том числе и виртуальные) Религиозные организации Социальный бизнес Международные организации

Основные ресурсы органов власти	Методы и способы	Потенциальные партнеры
Финансовые	Поддержка разработки и издания учебных пособий по истории Крыма (для детей дошкольного возраста, школ, вузов), справочника для государственных и муниципальных служащих, основной задачей которых является формирование общего чувства Родины и региональной идентичности «крымчанин». Версии учебных пособий и справочника: печатная и электронная	Крупные издательские организации с возможностью научной экспертизы (например, «Просвещение») Социально ответственный бизнес Университеты в РК
Финансовые	Организация закупки этих учебных пособий и справочника для дошкольных учреждений, школ и университетов Крыма	Образовательные организации всех уровней Министерство просвещения и Министерство образования и науки
Организационно-управленческие Кадровые	Организация курсов повышения квалификации для учителей и преподавателей, работающих по указанным учебным пособиям	Университеты. Профессиональные ассоциации историков
Организационно-управленческие Кадровые	Организация и проведение курсов повышения квалификации государственных служащих	Университеты Профессиональные ассоциации историков
Нормативно-правовые Финансовые Организационно-управленческие Информационные	Организация и проведение конкурсов, поддержка молодежных проектов, направленных на создание идентичности «крымчанин» и формирование общего чувства Родины у разных народов Крыма. Организация Олимпиады на лучшее знание истории Крыма Освещение в СМИ	СМИ Интернет-ресурсы

Основные ресурсы органов власти	Методы и способы	Потенциальные партнеры
Организационные Политические Информационные	Организация и проведение мероприятий по осуждению фальсификации истории зарубежными странами (в частности в Украине)	Общественные организации Политические партии НКА СМИ (в том числе и виртуальные) Религиозные организации Социально ответственный бизнес Международные организации
Нормативно-правовые Финансовые Организационно-управленческие Информационные	Проведение Олимпиад среди школьников и студентов на лучшее знание истории Крыма в составе Российской Федерации	СМИ Интернет-ресурсы Учреждения общего, среднего и высшего образования
Организационно-управленческие Финансовые Информационные	Активизация и поддержка крымского исторического общества в Крыму, поддержка на основе проектного подхода молодежного отделения этого общества	СМИ Интернет-ресурсы Учреждения общего, среднего и высшего образования Музеи

Примеры технологических приемов, представленные в таблице, не исчерпывают всего многообразия применяемых методов и ресурсов обеспечения политической стабильности, но наиболее важны на данном этапе развития крымского сообщества.

Нормативно-правовая база

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ). — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=20108654920518182050091879&cacheid=34CF8AB307ADFA53A911F858A22013BC&mode=splus&base=LAW&n=2875&rnd=3037638ACEC012FEF8BA893D03E45A69>
2. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия». — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=20108654920518182050091879&cacheid=00042A171D845EB909D5622CC1F48E32&mode=splus&base=LAW&n=129337&rnd=3037638ACEC012FEF8BA893D03E45A69#023860456219265802>
3. Указ Президента РФ от 05.06.2012 г. № 776 «О Совете при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям» (с учетом поправок от 01.01.2018 г. № 3). — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=20108654920518182050091879&cacheid=E874B8A034624940FEB780544B5AD45B&mode=splus&base=LAW&n=286909&rnd=3037638ACEC012FEF8BA893D03E45A69#02447802460644557>
4. Указ Президента Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» (с учетом поправок от 12.09.2015 г. № 458). — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=20108654920518182050091879&cacheid=C03FB3843E11B3F131328335417D4ED9&mode=splus&base=LAW&n=186018&rnd=3037638ACEC012FEF8BA893D03E45A69#03169405006254513>
5. Закон РФ от 18.10.1991 г. № 1761-1 (ред. от 07.03.2018) «О реабилитации жертв политических репрессий» (с учетом поправок от 23.12.2003 г. № 186-ФЗ). — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=20108654920518182050091879&cacheid=568AE59FEF62452693D45223DCBA4747&mode=splus&base=LAW&n=292670&rnd=3037638ACEC012FEF8BA893D03E45A69#037168828847689594>
6. Федеральный закон «О национально-культурной автономии» от 17.06.1996 г. № 74-ФЗ (с учетом поправок от 04.11.2014 г. № 336-ФЗ). — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=20108654920518182050091879&cacheid=5DFEC3FA90B03202812D5AC2EF727E07&mode=splus&base=LAW&n=170494&rnd=3037638ACEC012FEF8BA893D03E45A69#009030705967771224>

7. Федеральный закон Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» от 25.10.1991 г. № 1807-1 (с учетом поправок от 12.03.2014 г. № 29-ФЗ). — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=20108654920518182050091879&cacheid=8153E9A5E268EDCD34D4F27CE6BC694F&mode=splus&base=LAW&n=160106&rnd=3037638ACEC012FEF8BA893D03E45A69#06098882842301998>
8. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 г. № 53-ФЗ (с учетом поправок от 05.05.2014 № 101-ФЗ). — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=20108654920518182050091879&cacheid=ECB0489F6819ECB2B8028DC8F7D82ECB&mode=splus&base=LAW&n=162634&rnd=3037638ACEC012FEF8BA893D03E45A69#05130186631345015>
9. Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1993 г. № 82-ФЗ (с учетом поправок от 13.07.2015 г. № 256-ФЗ). — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=20108654920518182050091879&cacheid=D321B43E95ED7702F76A52174173DC02&mode=splus&base=LAW&n=182686&rnd=3037638ACEC012FEF8BA893D03E45A69#02793225849448038>
10. Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ (с учетом поправок от 05.02.2018 № 15-ФЗ). — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=20108654920518182050091879&cacheid=6219D833A04FBAE865E9CA60B6E39A0B&mode=splus&base=LAW&n=289869&rnd=3037638ACEC012FEF8BA893D03E45A69#05311630160689571>
11. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ (с учетом поправок от 23.11.2015 № 314-ФЗ). — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=20108654920518182050091879&cacheid=526A7E512D46DE83DB761CFA116815FF&mode=splus&base=LAW&n=189271&rnd=3037638ACEC012FEF8BA893D03E45A69#0021711977642644653>
12. Постановление Правительства Российской Федерации от 20.08.2013 г. № 718 «О федеральной целевой программе “Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России” (2014—2020 годы)» (с учетом поправок от 25.05.2016 г. № 464). — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=20108654920518182050091879&cacheid=82F67D7F8EF573D5C542159E87503A30&mode=splus&base=LAW&n=199358&rnd=3037638ACEC012FEF8BA893D03E45A69#08019454737528278>
13. Постановление Правительства РФ от 11 августа 2014 г. № 790 «Об утверждении федеральной целевой программы “Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2022 года”» (в последней редакции от 05.09.2018 г. № 1059). — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102357218>

14. Постановление Правительства РФ от 29.12.2016 г. № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Реализация государственной национальной политики”» (с учетом поправок от 07.04.2018 г. № 423). — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=20108654920518182050091879&cacheid=9CC316594DE4BB912BBFAB6170B677BE&mode=splus&base=LAW&n=295656&rnd=3037638ACEC012FEF8BA893D03E45A69#06647467254449102>
15. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.12.2015 г. № 2648-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2016—2018 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с учетом поправок от 27.10.2016 г. № 2254-р). — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=20108654920518182050091879&cacheid=E945D273370039386D3CAFCF081EBA7E&mode=splus&base=LAW&n=206509&rnd=3037638ACEC012FEF8BA893D03E45A69#08124596939526085>
16. Нормативные правовые акты регионального уровня
17. Конституция Республики Крым, принятая Государственным Советом Республики Крым от 11.04.2014 г. // Крымские известия. — 12.04.2014. — № 68 (5479)
18. Постановление Совета министров Республики Крым от 27.05.2014 г. № 103 «О мероприятиях по развитию социально-культурной сферы депортированных граждан и обеспечению межнационального согласия в Республике Крым на 2014—2015 годы». — URL: www.rk.gov.ru
19. Постановление Совета министров Республики Крым от 09.04.2015 г. № 185 «Об утверждении Государственной программы Республики Крым по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Крым — территория межнационального согласия» на 2015—2017 годы» (с учетом поправок от 25.07.2018 г. № 377). — URL: www.rk.gov.ru
20. Постановление Совета министров Республики Крым от 13.10.2015 г. № 611 «Об утверждении Порядка обеспечения жильем граждан из числа ранее депортированных». — URL: www.rk.gov.ru
21. Постановление Совета министров Республики Крым от 31.05.2016 г. № 230 «О Порядке предоставления на территории Республики Крым реабилитированным лицам и лицам, пострадавшим от политических репрессий, мер социальной поддержки об оплате за подключение к водотведению, газоснабжению и электроснабжению». — URL: www.rk.gov.ru
22. Постановление Совета министров Республики Крым от 07 июля 2016 г. № 324 «Об утверждении Порядка предоставления и расходования иных межбюджетных трансфертов бюджетам муниципальных образований на мероприятия по обеспечению прав реабилитированных граждан». — URL: www.rk.gov.ru

23. Постановление Совета министров Республики Крым от 29.01.2018 г. № 30 «Об утверждении Государственной программы Республики Крым по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Крым — территория межнационального согласия» на 2018—2029 годы». — URL: www.rk.gov.ru
24. Распоряжение Совета министров Республики Крым от 02.04.2015 г. № 291-р «О создании Государственного автономного учреждения Республики Крым «Медиацентр им. Исмаила Гаспринского». — URL: www.rk.gov.ru
25. Распоряжение Совета министров Республики Крым от 25.08.2015 г. № 739-р «Об утверждении Плана мероприятий по подготовке и проведению в Республике Крым памятных мероприятий, посвященных 95-летию со дня рождения дважды Героя Советского Союза Амет-Хана Султана» // Официальный веб-сайт Совета министров. — URL: www.rk.gov.ru
26. Распоряжение Совета министров Республики Крым от 27.04.2016 г. № 440-р «Об утверждении Плана мероприятий по реализации в Республике Крым в 2016—2018 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». — URL: www.rk.gov.ru
27. Распоряжение Совета министров Республики Крым от 29 августа 2017 г. № 968 «О Плана мероприятий по реализации в Республике Крым Комплекса мер по восстановлению исторической справедливости, политическому, социальному и духовному возрождению армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов, подвергшихся незаконной депортации и политическим репрессиям по национальному и иным признакам, на 2017—2019 годы». — URL: www.rk.gov.ru
28. Указ Главы Республики Крым от 20.04.2015 г. № 105-У «О дне возрождения реабилитированных народов Крыма». — URL: www.rk.gov.ru
29. Указ Главы Республики Крым от 07.10.2015 г. № 278-У «О создании межведомственной комиссии по вопросам противодействия экстремизму в Республике Крым». — URL: www.rk.gov.ru
30. Закон Республики Крым 218-ЗПК от 18.02.2016 г. «О мерах социальной поддержки реабилитированных жертв политических репрессий» // Крымские известия. — 01.03.2016. — № 35.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Политическая стабильность как научная и практическая проблема	5
1.1. Понимание политической стабильности.....	5
1.1.1. Системный подход в исследовании политической стабильности.....	5
1.1.2. Стабильность, устойчивость, развитие, застой, баланс интересов.....	12
1.1.3. Политическая стабильность и социальный иммунитет....	20
1.2. Изменяющаяся реальность и политическая стабильность	32
1.2.1. Изменяющаяся реальность и объяснительный потенциал постмодернизма.....	32
1.2.2. Новые и новейшие акторы внешних влияний.....	40
1.2.3. Критические проблемы обеспечения политической стабильности.....	47
Глава 2. Несиловые технологии внешних влияний и дестабилизаций.....	53
2.1. Современные технологии внешних дестабилизирующих влияний.....	53
2.1.1. Теория и практика несиловых влияний внешних акторов.....	53
2.1.2. Гипотезы о причинах эффективности современных дестабилизирующих технологий	64
2.2. Попытки установления внешних влияний в Республике Крым: до и после 2014 года.....	78
2.2.1. До 2014 года	78
2.2.2. После 2014 года.....	91

Глава 3. Критически значимые технологии обеспечения политической стабильности в Республике Крым	105
3.1. Методологические основы исследования технологий обеспечения политической стабильности	105
3.1.1. Что такое политические технологии?	105
3.1.2. Виды технологий обеспечения политической стабильности.....	110
3.2. Условия и факторы обеспечения политической стабильности в Республике Крым.....	114
3.2.1. Новая институциональная среда Республики Крым и условия выбора технологий обеспечения политической стабильности.....	114
3.2.2. Верификация идеи социального иммунитета.....	117
3.3. Практика обеспечения политической стабильности в Республике Крым после 2014 года.....	137
3.3.1. Традиционные технологии институтов власти.....	137
3.3.2. Технологические кластеры.....	146
3.4. Роль и особенности сетевых технологий обеспечения политической стабильности в Республике Крым.....	153
3.4.1. Социальные сети в современном политическом пространстве.....	153
3.4.2. Сетевые отношения власти и общества и особенности крымского интернет-пространства	155
Заключение.....	176
Литература	179
Литература на русском языке	179
Литература на иностранных языках	189
Приложения.....	196

Научное издание

Бальбек Руслан Исмаилович
Комлева Валентина Вячеславовна

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ

Республика Крым

Монография

Подписано в печать 01.12.2020. Формат 60×88/16.

Усл. печ. л. 12,09. Уч.-изд. л. 11,34.

Тираж 500 экз. Изд. № 5127. Заказ 161199.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, офис 324.

Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Отпечатано: Публичное акционерное общество

«Т8 Издательские Технологии».

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК